

***XI международная конференция
Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2019***

***К ГРЯДУЩЕМУ ЦИФРОВОМУ ОБЩЕСТВУ.
ОПЫТ ЭТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
(100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д.БЕЛЛА –
1919-2019)***

Санкт-петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра этики

Материалы конференции

21–23 ноября 2019 г.
Санкт-Петербург, Россия

***XI International Conference
Theoretical and Applied Ethics:
Traditions and Prospects – 2019***

***THE COMING OF DIGITAL SOCIETY:
A VENTURE IN ETHIC FORECASTING
(100 DANIEL BELL'S ANNIVERSARY 1919-2019)***

*Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics*

***Conference papers
St. Petersburg, Russia
November 21–23, 2019***

ББК 87.7
УДК 17
П26

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: С.В. Игнатъева, к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов

- П26 **XI международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д.Белла – 1919-2019)».**
Санкт-петербургский Государственный Университет, 21-23 ноября 2019 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2019. – 188 с.

Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2019» продолжает традицию этических конференций в Санкт-Петербургском государственном университете. Тема этого года: «К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д.Белла – 1919-2019)».

Задача конференции – анализ этического аспекта развития постиндустриального и цифрового общества как общества научной меритократии (общество знания, экспертного общества, пост-правды, лженауки и т.д.). Основные направления работы конференции: традиционные моральные ценности и ценностные вызовы современности, этические проблемы искусственного интеллекта, моральная универсальность в этике и когнитивных науках, моральные конфликты, проблемы нравственного образования. Отдельные секции конференции посвящены этической экспертизе СМИ, актуальным проблемам биомедицинской этики и этики отношения к животным, моральной нормативности в профессиональных этических кодексах, деонтологическим аспектам спорта. Ряд мероприятий проводится совместно с кафедрой этики МГУ, сектором этики Института философии РАН, а также с общественной организацией «Голоса за животных» (Санкт-Петербург).

Адресовано специалистам в области философии, теоретической и прикладной этики, а также всем интересующимся актуальными проблемами жизни современного общества.

ISBN 978-5-85263-221-0

ББК 87.7
УДК 17

© Коллектив авторов, 2019
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Перов В. Ю. (Санкт-Петербургский университет) – председатель

Программный комитет:

Артёмов Г.П. (Санкт-Петербургский университет), Апресян Р.Г. (Институт философии РАН), Барташевич Т.Ю. (Санкт-Петербургский университет), Бродский А.И. (Санкт-Петербургский университет), Гефенас Е. (Вильнюсский университет), Громова Л.А. (Герценовский университет), Держивицкий Е.В. (Санкт-Петербургский университет), Зимбули А.Е. (Герценовский университет), Ковалева Т.В. (Санкт-Петербургский университет), Лаптенок А.С. (Белорусский гос. экономический университет), Лисанюк Е.Н. (Санкт-Петербургский университет), Ларионов И.Ю. (Санкт-Петербургский университет), Мажейкис Г. (Университет Витаутаса Магнуса, Литва), Маджима Ш. (Университет Хиросимы, Япония), Овчинникова Е.А. (Санкт-Петербургский университет), Положенцев А.М. (Санкт-Петербургский университет), Разин А.В. (Московский государственный университет), Сергеев А.С. (Санкт-Петербургский университет), Скворцов А.А. (Московский государственный университет), Шевченко А.А. (Сибирское отделение Российской академии наук), Яскевич Я.С. (Белорусский гос. экономический университет)

Исполнительный комитет:

Игнатьева С.В. – координатор, Перова Н.В. – секретарь, Гарвардт М.А., Глобина А.К., Дробышева А.В.

ORGANIZING COMMITTEE

Perov Vadim (St. Petersburg State University) – Chairman

Program committee:

Artemov Georgiy (St.Petersburg State University), Apressyan Ruben (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), Bartashevich Tatiana (St.Petersburg State University), Brodsky Alexander (St.Petersburg State University), Gefenas Evgenius (Vilnius University), Gromova Ludmila (Herzen University), Derzhivitsky Evgeniy (St.Petersburg State University), Zimbuli Andrey (Herzen University), Kovaleva Tatiana (St.Petersburg State University), Laptenok Alexander (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus), Larionov Igor (St.Petersburg State University), Mazeikis Gintautas (Vytautas Magnus University, Lithuania), Majima Shunzo (Hiroshima University, Sapporo, Japan), Ovchinnikova Elena (St.Petersburg State University), Polozhentsev Andrey (St.Petersburg State University), Razin Alexander (Moscow State University), Sergeev Alexander (St.Petersburg State University), Skvortsov Alexey (Moscow State University), Shevchenko Alexander (Russian Academy of Sciences), Shipovalova Lada. (St.Petersburg State University), Jaskevitch Jadviga (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus)

Executive committee:

Ignateva Sofia – Coordinator, Perova Nina – Secretary, Garvardt Maria, Globina Anna, Drobysheva Anastasia

Kopciuch Leszek

PhD, DSc; Professor

Maria Curie Skłodowska University in Lublin, Poland

AXIOLOGICAL AND MORAL ASPECTS OF TECHNOLOGICAL CREATIVITY

There are different axiological and moral consequences of the contemporary technological progress. Principal changing in the area of our understanding of human activity is a phenomenon both typical and principal. What I mean is a new discovery of human creativity. On the one hand, this creativity is partly non-contemporary because it is a general form of human existence. On the other hand, however, its development and importance are particularly connected with our age. The discussions in psychology, pedagogics, sociology, economy, and philosophy prove its present relevance (e.g. concepts formulated by Mihály Csikszentmihályi, Teresa Amabile, Alvin Toffler, Hans Joas, Richard Florida, Marc A. Runco, and many other scientists).

The idea of human creativity seems to be linked deeply to the idea of the contemporary, post-industrial society. In order to explain the nature of creativity, Richard Florida formulates the theory of “three T’s of economic development”: Talent, Technology, Tolerance. A mutual relation between creativity and technology is also explored by representatives of so-called STS (Science – Technology – Society). There are only two examples but they can show what is principal: technology influences creativity and creativity influences technology.

The general problem of creativity is obviously composed of many special issues. For this paper the axiological and moral aspects of creativity are primary; and they may be considered based on two (only seemingly) “simple” questions: can we say that human creativity has negative (dark) side or, rather, we should say, that only some external consequences of creativity may be negative (dark). Both questions will be considered in the context of the possibilities created by contemporary technology, especially in the context of transhumanism.

To answer both questions, I reconstruct, firstly, some typical solutions to this issue presented in the contemporary scientific literature (especially by Arthur J. Cropley and Marc A. Runco). Secondly, I demonstrate several theoretical problems connected with these solutions. Thirdly, I try to present my pluralistic understanding of values and creativity which may offer a new perspective for both questions: it is pluralism without relativism.

Litvinets Volha

PhD candidate, Postgraduate

Sorbonne University, Paris, France

AI ETHICS ISSUES IN DIGITAL MARKETING

The development of e-commerce brought new ethical questions and a confrontation with the various national legislations. Every company should take the responsibility. The question is, on what basis companies should determine their ethical choices and their commitment to their own social, economic and political responsibility. How to identify the best strategy for developing ethical principles in the field of marketing? According to what principles should artificial intelligence technologies develop? Who should develop them and who should implement them? To answer these questions we need to better understand the interactions of

humans with technologies. Will the development of technologies continue to contribute to the development of humanity, or will it lead to the destruction of humanity?

Here we can give some current examples of topics that are ethical tension: manipulation of opinions, disappearance of privacy, total surveillance, social rating, cybersecurity, political marketing. A good example of artificial intelligence in marketing is the lack of cookies and search history, queries and IP encrypted addresses, secure servers. In addition, each user must be able to benefit from a "right to be forgotten". Concerning the organic search it is about the individual tasks: the principle of autonomy and the conscience, the use of the search engines which do not retrace the cookies. The task of organizations is the detection of spam and a fight with "blackhat SEO", that is, dishonest online promotion: purchased links or any other kind of manipulation of search results. Regarding paid advertising on Google, Facebook, LinkedIn, Quora, Yandex. Google Ads these are still individual tasks: conscious choices, the choice of action and the absence of the action: for example not to click on the advertising. Regarding the duties of organizations, Google in particular, is very strict and banned any advertising malicious, aggressive, but according to what specific criteria? In addition, by working with social networks, companies must realize that this is very often the private space of people, that is to say that the content must be much more informative than advertising, that each person can very easily unsubscribe and block all content. Concerning the email marketing, it is about the individual conscience: not to open suspicious letters, not to click on the links, to block the spam. Finally, concerning voice research: it is about prudence and individual conscience on the one hand, because we do not know when the voice assistants listen for us and collecting data; and the responsibility of the companies not to use private data for abusive purposes, and to depersonalize it.

Philosophers certainly help us to ask the right questions by pointing out that AI technologies, especially when they are in the service of marketing and advertising, should develop according to ethical and social principles. When creating the algorithms, one must think about integrating values and virtuous principles before, during and after the development of algorithms.

Mazeikis Gintautas

DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Social and Political Theory
Vytautas Magnus University, Kaunas, Republic of Lithuania

TRANSGRESSION

AS THE FORM OF SOCIAL CRITICS AND DYNAMICS OF NORMATIVITY

The clash between the practices of critical reflection developed by M. Foucault and J. Habermas is a source of ongoing debate in the ethics of critical theory. The interest of both these thinkers in the themes of enlightenment, modernity and criticism points to the possibility of a productive philosophical dialogue focused on contemporary problems of moral philosophy and ethics, on the one hand, and socio-political theory, on the other. Habermas and Foucault are theorists who have tackled two alternative approaches to power and criticism, and the controversy of their theories is about understanding the role of transgression in (re)shaping social norms. Although Foucault and Habermas did not argue in person, the debate took place as a dispute between their texts and their followers. The report presents a thesis borrowed from sociology and anthropology that various violations of existing social norms and moral maxims are rationally changed in public debates about current conflicts and the need for their legitimization. This statement is based on the principle of the critical theory that social totality exists in the dialectical confrontation of various oppositions and that only rational and normative communication (public debate) about tradition and transgression and compliance with legislation describes the real

dynamics of normativity. The report will deal with contemporary examples of ecology, protest and sexuality.

First of all, I will analyze the concept of the transgression in the philosophy of G. Bataille and S. Zizek. If Bataille considers transgressiveness as the form of rebellion, self-transcending and breaking of rules, as an existential and aesthetic experience, Zizek argues transgressiveness as an action of creation of new borders and rules. However, Zizek pays less attention to the rational and political communicative, social process of the solution of the problems. He is very lonely often. However, the concept of normativeness presupposes socio-political or cultural-political processes. In this sense the approaches of the Critical Theory of Frankfurtian School looks more societal. There are few important works present debates between ideas of Habermas and Foucault: Michael Kelly, Hans Herbert Kögler, Samantha Ashenden, David Owen, Matthew King. For example, M. King argues, that "Foucault's work discredits the very idea of normative foundations", and S. Ashenden and D. Owen maintains that "The point, in brief, is to transform the critique conducted in the form of necessary limitation into a practical critique that takes the form of a possible transgression...". My thesis isn't to present which side is right but maintain that society develops two opposite conflict praxis: critical transgression and critical norming. There are multiplicity academic and media moderators between them and the success of communicative action depends from skills and publicity of media moderators.

One of an example is the discussions about sexual and gender perversions. Perversion is the psychoanalytical substitution for the concept of transgression. The problems of self-recognition, publicity and normativeness of perversions became the object for critical considerations in the works of Axel Honneth, the pupil of Habermas, and Judit Bulttler, the representative of modern feminism. Both present position of philosophical and psychoanalytical moderator of the transgression, a political and a normativeness. Take for example the praxis and theories of Otto F. Kernberg, world famous psychiatrist in the field of sexual perversions and gender disorders. He considers development of sexual imagination and praxis as a norm, and heterosexual and patriarchic aggression as a disorder. On my point of view, his position corresponds rather Foucault than Habermas and has to be solved by the involving of multiple of philosophical and psychoanalytical moderators to support of social sexual practices and transformations of the power of tradition.

Mkrtchyan Naira

PhD, Associate Professor

Yerevan State University, Republic of Armenia

THINKING OF THE POLITICAL, NORMATIVE UNIVERSALITY AND OF AN ETHICS OF COHABITATION

Traditionally, the appearances of the political (grasped within the Schmittian tradition), such as assemblies, gatherings, revolutions or upheavals are taken as events which manifest the absence of normative universality and can be accompanied and succeeded by violence, sometimes unimaginably intense violence. At the same time, predominantly public eagerness for fundamental changes is behind those events. Hence, it is natural that political thought has been forced to raise issues concerning the ethical and moral aspects of those events. At what cost and in the name of which values do fundamental changes come true? Are they justified, if violence and its effects bring to so many sacrifices and, in general, harms for humans and humanity? What type of ethics can be adopted in order if not to abolish violence at all but at least to restrict it? Is normative universality possible and how? These questions reveal the complexity present in relations between fundamental political

and social changes, normative universality and an ethics of cohabitation. And it is of capital importance, since not only physical, but also symbolic violence is at stake.

Within the frame of these questions, this paper considers two political theories by contemporary post-structuralist and critical thinkers – Ernesto Laclau and Chantal Mouffe from one side and Judith Butler from the other in a comparative perspective. Though they share a common approach in some respects, however, these theories develop divergent strategies in formulating an ethics of cohabitation. Both of these theories are reflecting through the lenses of inclusion-exclusion dimension, widely employing deconstruction and aspiring for a radical pluralistic democracy.

The project of radical democracy by Laclau and Mouffe, and especially their idea of agonistic model, proposes, in my view, two arguments, which reject physical violence but make room for the symbolic one. Asserting the hegemonic nature of any kind of social order, this theory develops an ethics of cohabitation where drawing and redrawing of the frontiers of social objectivity mean accepting the values of freedom and equality but in a certain interpretation. Normative universality emerges as a result of hegemony of the particular.

In case of the theory by Butler, the ideas of the recognizable and the unrecognizable, precarity and vulnerability enable to stay vigilant in case of defining who the people are and how equality should be understood and pursued, to whom we have ethical responsibilities and how distance / proximity defines our responsibilities to others. At the same time, the concept of cultural translation serves to envisage a sort of normative universality, which is sensitive to differences.

Pirni Alberto

PhD, Professor

Sant'Anna School of Advanced Studies, Pisa, Italy

RECONSIDERING NOZICK'S "EXPERIENCE MACHINE":

THE "ONLIFE ERA" AND THE NEED OF HYBRID ETHICAL STANDARDS

The paper moves around an attempt to join the intuitions of three visionary scholars related to the conference topic, first: Daniel Bell (starting from his work: "The coming of post-industrial society. A venture in social forecasting" 1973, as rephrased by the conference's title: "The Coming of Digital Society: A Venture in Ethic Forecasting"), Robert Nozick (starting from his work "Anarchy, State and Utopia" – 1974), and Luciano Floridi (starting from his work recently gathered in "The Onlife Manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era" – 2015) (§ 1).

Such an attempt is finalized to a preliminary articulation of a new ethical framework devoted to face the already operating, forecasted and imagined scenarios related to the digital society (§ 2). Trying to resist to the tendency to offer an hyper-detailed description of those scenarios by missing to address the evaluative and normative rationale, the paper focuses on the preliminary setting up of some orientative lines for the present and future digital society, starting from a fundamental methodological line related to the need of overcoming some classical dualisms in ethical theories (§ 3).

Along this path and within this framework, three main issues will be introduced and discussed: i) individual identity and the challenge of (digital) recognition; ii) the quest and operativity of a meta-topical community; iii) the reshaping of the concept of (digital) responsibility (§ 4).

Potocarova Maria
Dr.Phil.; Professor

Comenius University in Bratislava, Slovak Republic

**CHALLENGES OF MORAL EDUCATION
FROM THE PERSPECTIVE OF EVOLUTION**

VEGA № 1/0549/18 «Philosophical and cosmological aspects of the evolution of universe and the place of human being in it»

This paper connects the development of personality of children and evolutionarily conditioned upbringing. Ethological principles applied during upbringing are at the forefront of this approach, and it is upon this basis that attachments and in particular early behaviour in children are derived. Other patterns of behaviour during individuals' development are also marked by attachment and become part of observable external expressions. Behind many issues in parenting there are deeper internal reasons and even certain evolutionary factors which cause what is seen as externally apparent. This is not always the result of the influence of the social environment or the result of some purposeful educational guidance. Models of behavioural patterns appear in various negative and positive forms among adolescents. Even though adolescence is a very important period of socialization, during this time there are innate rules of development and evolutionarily conditioned features of attachment which play an important role. Unwanted patterns and various forms of problematic behaviour are then dealt with through re-educational practices of parenting, particularly through interaction in the upbringing process, attachment parenting, cultivation of the formation of personality, and through education at the cognitive level. The primary aim of education and the impact of parenting is holistic development and assuring the integrity of personality. Not so much scholarly attention is paid to the causes of problems determined by evolutionary patterns, and it is important to include all agents in upbringing and take into account the many factors that can make it more effective.

Räikkä Juha
PhD, Professor

University of Turku, Finland

ON THE LIMITS OF BRAIN SCANNING

Since the advent of neuroimaging technologies, their limits and possibilities have captivated scientists and philosophers. Thus far the debate has largely concerned technical limits of our capacity to "read minds". In this paper my aim is to extend the discussion concerning the limitations of neuroimaging to issues that are not dependent on technical issues or on our understanding of the complexity of brain activities. I will argue that there is a serious chance that brain scanning cannot replace usual intentional assertions, and that neuroimaging has principled limits. The information that people usually get by neuroimaging is different in kind from the information they get by hearing what others tell them. To assert something is to act in a certain way, and scanners do not usually scan actions, but brain activities and the neural correlates of actions. Although it is possible to scan "mental assertions", our normal assertions are not accompanied by them.

Sámelová Anna

PhD., PhDr.; Assistant Professor

Comenius University in Bratislava, Slovak Republic

**PERSONAL AND SOCIAL RESPONSIBILITY WITHIN THE PARADIGM
OF THE ONLINE MEDIA-MEDIATED COMMUNICATION**

APVV-18-0103 «Paradigmatic changes in the understanding of Universe and Man from philosophical, theological, and physical perspectives»

Drawing on the notion of liquidness introduced into the social sciences by Zygmunt Bauman and on the notion of institutional trust by Anthony Giddens, the author outlines the liquidness of responsibility in the online universe of postmodern society. She understands the very responsibility of an online man in two ways: responsibility as imputation and responsibility as a guarantee relationship. The specifics of offline and online responsibility are compared to the specifics of the organization of the human settlements affected by leprosy and plague. Based on the apparent discrepancy in social management of leprosy and of plague by Michel Foucault, the author then develops analogies about the personal and social responsibility of an online man. Methodologically, this study is a philosophical reflection, and therefore it is not intended to provide a comprehensive explanation of the phenomenon of liquid responsibility in the online environment, rather a challenge to change the paradigm in the approach to responsibility in general. Since the online world seems to be the embodiment of Bauman's liquidness and Foucauldian normativity in Giddens' institutional (dis)trust.

Shiravand Mohsen

Post Doctoral, Assistant Professor

University of Isfahan, Islamic Republic of Iran

**APPLICATION OF PHILOSOPHICO-MYSTICAL PRINCIPLE
OF GRADATIONAL UNITY OF EXISTENCE IN ENVIRONMENTAL ETHICS**

Today man is encountered with three major facts in the domain of environment: firstly, today environment is in crisis and its all levels including inanimate, vegetative and animal ones are suffering from this crisis. Planet earth biome and other natural ecosystems do not have their freshness anymore. Secondly, all theories, statements, conferences and declarations have failed to save the planet earth biome from this crisis. Thirdly, environmental crisis is an ethical crisis. To put it otherwise, we should not seek for the origin of environmental crises in improvement of technology rather as long as man does not correct his approach to environment this crisis not only cannot be solved but it will be deepened more. Man should have a correct understanding of world and nature and he needs to improve his "cosmic knowledge". When we have a correct understanding and knowledge of the world we will take care of the world and protect it. The author argues that one of the deep theories that can help the man in the domain of cosmic knowledge (cosmology or knowledge of world) and provide man with a dependable understanding of the world is the principle of the gradational unity of existence. Transcendental Unity of Existence is the most important doctrine of Islamic Mysticism which has been discussed by Muslim thinkers based on deep philosophical analyses. No doubt, the most important and foremost philosophical commentator of this theory is Mulla Sadra of Shiraz the great Iranian theosopher and philosopher who further developed this mystical theory in the context of revelation and rational argument. Analogical gradation as a philosophical term is the opposite of univocity and implies that the same notion which is intended by the same word can be applied to various extensions in a non-equal manner like the predication of the notion of light to weak and strong extensions of light. The general content of the theory of

gradational unity consists of the fact that "existence is a graded unity all the levels of which – inanimate beings, plants, animals, humans and the world of immateriality (incorporeal entities) – are the manifestations and dimensions of the same One Truth, i.e. God. Although this theory has different commentaries in the world of philosophy and mysticism, our goal in the current study is interdisciplinary application of it in the domain of environmental ethics. The present research has been conducted based on the descriptive-analytic method and contains the following results: according to this principle, all levels of existence are manifestations of God. In other words, nature and environment are like the manifestation of Divinity and are sacred entities. In this theory, plant, animal and even the inanimate entities are no longer the creatures in the service of man rather they are all of essential value and not mere tools. Then, the rights that have been allocated for the environment are real and true rights not artificial rights which are merely adopted for the protection of environment for future generations.

Абрамов Александр Александрович

Московская духовная академия, преподаватель

**ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ (БИМЕДИЦИНА, ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ, НЕЙРОДИСЦИПЛИНЫ)
В СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЕ ВАТИКАНА**

Римско-Католическая церковь в последние десятилетия, особенно в понтификат Папы Франциска, не оказалась в стороне как от философского, так и от практического осмысления новейших технологических вызовов. К их числу относятся такие направления как генетические эксперименты, искусственный интеллект и роботэтика, нейронаука с примыкающими этическими сюжетами, а также классические для конца XX века темы трансплантологии, искусственного оплодотворения, пренатальной диагностики и пр.

По мысли основных экспертов, представляющих католическое видение биоэтики и новейших технологий, речь должна идти о формировании на базе минимального консенсуса специалистов в соответствующих областях, а также философов и теологов, своего рода «глобальной биоэтики». Последняя видится как ответ на спровоцированные, в первую очередь, экономическими обстоятельствами, уязвимости науки и здравоохранения в глобализованном мире. Такими слабыми сторонами становятся недоступность медицинской помощи для беднейших слоев населения, очевидный перекося сторону «элитаризации» высокотехнологичных видов помощи, коррупция, незаконное перемещение органов и тканей человека, нарушение этических норм исследования, особенно в частных лабораториях, доступ куда контролирующим структур зачастую затруднен.

С точки зрения организации работы по исследованию названных тем деятельность Ватикана можно назвать образцовой. Она проводится одновременно по ряду направлений. Первый из них – это создание собственных авторитетных и солидно финансируемых структур, которые будут обеспечивать формирование научных повесток и проведение наиболее передовых исследований. В современной Римско-Католической Церкви эту роль выполняет Папская академия жизни, созданная в 1994 г. Ее первым президентом, стал генетик с мировым именем, открыватель природы заболевания синдромом Дауна Ж.Лежён. Папская академия проводит ежегодные собрания, «на полях» которых организуются конференции по отдельным аспектам научных изысканий в интересующих Ватикан областях. Так, конференция 2020 года пройдет в Риме и будет посвящена этическим и антропологическим сюжетам, связанным с развитием робототехники и искусственного интеллекта.

Вторая сфера деятельности Св.Престола в области биоэтики и исследования высоких технологий – образовательная. Практически в любом крупном католическом вузе (а к их числу относятся Джорджтаунский, Фордэмский, все Папские университеты Рима, Левенский и др.) имеется кафедра, центр или исследовательская группа, в задачу которых входит изучение развития науки с позиций христианской этики и католического учения. Количество издаваемой литературы по вопросу, как и разного рода мероприятий, поистине необозримо.

Важно, что Ватикан не придерживается «идеологии замкнутого пространства», где все вопросы заранее решены в рамках принятых нормативных документов, именуемых в западной традиции магистериумом (учительством Церкви). Напротив, Папа Франциск во многих документах и обращениях провозглашал необходимость «диалога науки и веры на благо мира» [Evangelii Gaudium 242], при этом самоценности сциентизма и позитивизма с ориентацией лишь на метод познания, свойственный точным наукам, предлагается синтез «ответственного использования методологии эмпирических наук с методологиями других отраслей знания, например, философии, богословия и собственно веры» [там же]. По мнению понтифика, основная ошибка осмысления современной стремительно меняющейся действительности состоит в «эгоистическом антропоцентризме», когда технический интеллект помещен над реальностью, в результате чего «уменьшается внутренняя ценность мира» [Laudato si', 115].

В обращении Humana communitas Франциск предлагает, как можно преодолеть возникшее средостение: «Безотлагательной является активизация изучения и обсуждения последствий подобной эволюции общества в технологическом смысле, чтобы сформулировать такой антропологический синтез, который бы соответствовал высоте этого эпохального вызова» [Humana communitas, 1]. Это, среди прочего, означает новый уровень ощущения взаимозависимости людей, составляющих человечество, как друг от друга, так и перед лицом новых угроз: «Фактически, семейное приобщение к братству между человеческими созданиями может считаться настоящим скрытым сокровищем ввиду реорганизации в сообществе подхода к социальной политике и правам человека, в чем сегодня ощущается столь острая необходимость» [там же].

Надо сказать, что подобный подход может только на первый взгляд быть назван утопическим или прекраснодушным. Располагая полным арсеналом как педагогических, так и дипломатических средств мобилизации общественного мнения и научного сообщества, Ватикан добивается немалых практических результатов. В качестве иллюстрации приведу пример визита в США в сентябре 2019 года главы Папской академии жизни архиепископа Винченцо Пальи. Он встретился с руководителями крупнейших IT-компаний (Майкрософт, IBM), достиг соглашения о совместных исследованиях на стыке точных дисциплин и этики, выступил перед обширной студенческой аудиторией.

Конкретным взглядам Католической церкви на современные биоэтические и технологические феномены и посвящен настоящий доклад.

Агеева Динара Анверовна

Общественная организация «Голоса за животных», г.Санкт-Петербург, председатель

МОРАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И ЗАЩИТА ИХ ПРАВ

В последние годы экологическая этика поднимает вопросы, которые еще несколько десятилетий назад казались неочевидными и даже абсурдными. К их числу относятся проблемы морального статуса животных, признания за ними прав и необходимости их защиты. Это оказалось возможным, в частности, благодаря развитию современной науки, результаты исследований которой свидетельствуют, что существа нечеловече-

ской природы также как и человеческой обладают способностью испытывать физические и психологические страдания, и что у них такие же основные жизненные потребности. Это снова делает актуальным вопрос о пересмотре традиционного антропоцентрического подхода в отношении людей с животными и формирования принципиально нового мировоззрения, строящегося на биоцентристских началах. Философское и этическое осмысление такой задачи все чаще становится предметом обсуждений в рамках общественных дискуссий. Очевидность доводов в пользу признания морального статуса животных и наличия у них прав выражается в таких приобретенных поистине массовый характер практиках, как переход к вегетарианству, отказ от изделий из натуральных материалов, запрет на цирки с животными, свертывание программ по лабораторному тестированию косметической продукции на животных и многих других. Как и любые новые идеи, эти сталкиваются с критикой и противодействием, в основе которых лежат культурные традиции, расхожие предрассудки, недостаток информации и, зачастую, – наличие проблем, обладающих в общественном мнении большей значимостью. Однако, как представляется, развитие современной цивилизации невозможно лишь разрешением стоящих перед обществом и индивидами проблем. Без комплексного переосмысления представлений о правах всех живых существ, имеющего при этом ярко выраженный универсальный характер, само человечество утратит импульс для собственного развития, за чем последует его неизбежная духовная деградация. В наше время понятие прогресса не может больше измеряться в его техническом или экономическом значении. В XXI веке прогресс должен стать категорией, за пределами которого не должно оказаться признание прав и морального статуса всех, кто населяет нашу планету. Постепенно осознание этого получает распространение и в нашей стране, прежде всего благодаря деятельности общественных групп и организаций, популяризирующих эти идеи и предлагающих комплекс мер, способных изменить ситуацию с положением животных как недопустимую и устаревшую.

Алейников Андрей Викторович

доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ И КОНФЛИКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

РФФИ и АНО ЭИСИ №19-011-31376

Отличительной чертой молодежной протестной активности последнего периода в России является смещение характера участия в сторону конфликтов со значительным преобладанием нереалистических элементов, не связанных с рациональным осознанием конфликта интересов с объектом протеста, не предполагающих программы действия, предмета и объекта конфликта. Такой протест не нацелен на поиск компромисса и моделей эффективного сотрудничества. Целью протеста является сам протест как единственная стратегия снятия напряжения. Такого рода смещенные конфликты позволяют диагностировать, что протестующие участники такого конфликта являются благоприятной группой для внедрения установок идеологического экстремизма, который обладает с таким конфликтами близкими параметрами, неконкретностью фрустраций, бескомпромиссностью участия, нацеленностью на конфликт как самоценный результат участия. Многообразие существующих теоретических подходов не привело к выработке общепризнанных методик анализа механизмов включения молодежи в протестные акции и радикализации молодежного сознания. Часть молодежи отличает несформированность политических установок, отсутствие выработанных моделей политического участия и опыта политического участия с использованием традицион-

ных форм. Так же для определенной части молодежи свойственно доминирование «идеологического бессознательного» или квазиидеологий, негативной модели идентичности, чрезмерной идентификации с носителями той или иной радикальной политической идеологии. Ни подход к экстремизму как к перечню запрещенных деяний, ни крайне неконкретное понимание его как нарушения границы дозволенного не дают нам набора существенных, отличных от близких понятий черт, конкретных параметров, закономерностей развития идеологического экстремизма в России, его влияния на российскую карту конфликтов. Ряд типовых ошибок в коммуникационных стратегиях реагирования на протестную активность молодежи допускают органы власти и управления. При этом власть зачастую склонна использовать деструктивные стратегии реагирования на конфликтное или протестное поведение (игнорирование или подавление), поскольку идеологические размежевания расцениваются не как альтернативы развития России, а маркируются по линии: поддержка власти/оппозиция. Для понимания идеологической составляющей экстремизации конфликтного поведения необходим анализ восприятия другой стороны в конфликте, опираясь на модель «агонистической демократии» Ш.Муфф, то есть в «такое конструирование «их», когда «они» перестают считаться врагами, которых необходимо уничтожить, и становятся «соперниками», то есть теми, с чьими идеями «мы» ведут борьбу, но в чьем праве отстаивать свои идеи «мы» не сомневаются»? Концепции идеологического фанатизма как упущенной и неосознаваемой иллюзии, структурирующей фактическое отношение к реальности С.Жижека и протеста как вызова доминирующему символическому коду и его властным носителям Ш.Эйзенштадта. По Майклу Фридену, идеологии – это интерпретационные рамки, которые возникают в ходе практического воплощения идей в язык политических понятий. Идеологии предоставляют социальным субъектам возможности эмоционально ярких, логически убедительных интерпретаций того мира, в котором они живут, преодолевая приватные переживания в публичном статусе конфликтных действий. Отсюда – экспрессивные модели поведения, языковые средства ненависти и демонстрации агрессии и вражды с целью идентификации «своих» и «чужих».

Александров Евгений Анатольевич

Военно-космическая академия им.А.Ф.Можайского
старший преподаватель

ЕДИНСТВО ЭТИЧЕСКОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНИИ КУРСАНТОВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОФИЦЕРА РОССИИ

В духовной жизни человека этическое и эстетическое оказывают влияние друг на друга. Проблема взаимосвязи этического и эстетического в духовной жизни военнослужащих является одной из центральных.

Профессиональная культура офицера формируется под воздействием не только объективных условий жизнедеятельности общества, но и под влиянием целенаправленной и организованной системы обучения и воспитания.

Во взаимосвязи этического и эстетического в поведении и учебном процессе определяющую выступает этическое. Определяющая функция этического по отношению к эстетическому заключается в том, что, во-первых, без соблюдения моральных норм и принципов общество не могло бы функционировать, во-вторых, нравственные отношения выступают основой гуманизма, в-третьих, без учета нравственных факторов нелегко дать эстетическую оценку поведения людей

Анализ этического и эстетического в духовной жизни и поведении курсантов позволяет выделить, хотя и относительно условно, три наиболее общих его состояния: гармонии, содержательной выразительности и состояние выразительности формы, и сделать ряд выводов.

Во-первых, этическое и эстетическое, раскрывая две специфические стороны духовной жизни курсантов, имеют границы совпадения.

Во-вторых, этическое и эстетическое – выступают, с одной стороны, как теоретический уровень общественного сознания, с другой, будучи глубоко осмысленными, они становятся активными стимулами к действию и объективации сознания в соответствующих поступках и поведении.

В-третьих, этическое и эстетическое духовно обогащают курсанта, способствуют утверждению и становлению его как офицера, стимулируют его самосознание.

В-четвертых, наличие этического и эстетического неразрывно связано с объективным процессом обучения и воспитания

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что она является не только теоретической, но и практической проблемой, влияющей на формирование личности офицера.

Ананьева Екатерина Михайловна

кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

ОТСУТСТВУЮЩАЯ СТРУКТУРА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТИКИ Г.ШПЕТА

Предметом анализа в докладе предполагается сделать экспликацию и оценку этических идей в составе философского проекта Г.Шпета. Представляется заслуживающим внимания та диспропорция во взглядах мыслителя, которая существует между этической составляющей и другими тематическими областями. Большой цикл его исследований связан с вопросами методологии научного и философского знания, структуралистские и эстетические взгляды Шпета изложены в целом ряде работ, тесно взаимосвязанных с проблематикой сознания и спором традиций в психологии. В ряде работ предметом внимания оказываются антропологические и педагогические идеи. Но в этом универсуме философской мысли Шпета парадоксальным образом отсутствует этическая тема. Это представляется тем более удивительным, что взгляды Шпета выстраиваются в полемике с кантианской философией, для которой проблематика этического (практическая философия в этом смысле) является ключевой темой. Предлагаемая реконструкция предполагает ответить на вопрос, является ли эта «отсутствующая структура» ненаписанной книгой мыслителя, или исключение этического является намеренным, и тогда у Шпета в его опубликованных работах при внимательном чтении удастся обнаружить аргументы в пользу того или иного ответа на этот возможный вопрос.

Подход к решению заявленной задачи представляется разумным искать в ранних работах Шпета. С одной стороны, в этих материалах мы можем обнаружить максимально широкое поле интереса автора к философской проблематике (отчасти в результате чтения лекций разной тематической направленности в различных учебных заведениях, то есть с элементом некоторой принудительности). Другой резон состоит в том, что в первое десятилетие научной деятельности Шпета вовлечен в проект создания Психологического института, что рождает широкое поле исследований философских проблем на стыке философии и психологии. Этика могла быть одной из составляющих этого ансамбля. Как свидетельствуют исследования биографии мыслителя, в ходе

заграничных командировок, предпринятых в реализации этого проекта, Шпет встречался не только с теоретиками психологической науки, но и с мыслителями, чувствительными к этической проблематике (свидетельства о встрече Шпета с М.Шелером). Наконец, третий резон видится в исследовании круга чтения Шпета, представление о котором дают опубликованные переводы и рецензии в «Вопросах философии и психологии» и другой периодике. К числу таких работ можно отнести «Систему морального сознания» Людвиг Вольмана [1], работы неокантианской школы (например, перевод работ Риккерта [2] и критический разбор «Границ естественно-научного образования понятий» в архиве Шпета [3; 4], неопубликованную работу из архива Шпета «Новейшие течения в социальной науке» (текст предположительно 1904-07 годов написания). Опубликованные данные свидетельствуют об интересе Шпета к литературе марксистской направленности (ссылку на письмо на имя П.Витте с предложением перевести «Диалектику природы» Фр.Энгельса [5]). Предварительные материалы ко второму и третьему тому «Истории как проблемы логики» показывают намечки масштабного плана исследования социальной сферы, в которой этическая проблематика играла бы не последнюю роль [6; 7].

Все вышеперечисленные соображения позволяют высказать предположение о наличии определенной позиции в области моральной философии. Некоторые элементы этой отсутствующей общей картины можно, как мне представляется, обнаружить в опубликованных работах и собрать в целое из этих фрагментов.

Литература:

1. Система морального сознания в связи с отношением критической философии к дарвинизму и социализму / Л. Вольтманн; Пер. с нем. В. Михайлова и г. Шпета; Под ред. д-ра философии М.М. 329 с. Санкт-Петербург : Зябицкий и Пятин, 1901
2. Риккерт г. Введение в трансцендентальную философию; Предмет познания / Пер. со 2 нем. изд. Густава Шпета; Генрих Риккерт 258 с., Киев: В.А. Просьяниченко, 1904
3. Шпет г.Г. Архивный фонд 1899-1966. 487 ед. хр.
4. Шпет г.Г. Критический разбор книги г.Риккерта «Границы естественно-научного образования понятий» – подготовительный материал к диссертации «История как проблема логики» (1912-14 гг).
5. Shpet G. / Nemeth Th. (Editor/Translator) Hermeneutics and Its Problems With Selected Essays in Phenomenology. Springer Nature Switzerland AG 2019
6. Шпет г. «Типы религиозного мировосприятия: этическое и космическое» – рабочие заметки/Шпет г.Г. Архивный фонд 1899-1966.
7. Шпет г.Г. План серии книг под общим заголовком «Моралисты»/Шпет г.Г. Архивный фонд 1899-1966.

Антипов Алексей Владимирович
младший научный сотрудник
Шевченко Сергей Юрьевич
кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт философии РАН

ПОДХОДЫ К ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ В БИОКАПИТАЛИЗМЕ

РФФИ и БРФФИ № 19–511–04003

Биокапитализм и биосоциальность, являясь продолжением концептов биополитики, служат для обозначения ситуации, в которой жизнь становится «самым дорогим капиталом», а также «учреждается в качестве объекта технологического, медицинского, экономического и пр. контроля и управления». Важное значение здесь дается возможностям инструментализации и коммодификации жизни (тела, отдельных органов, тканей, клеток, медицинских данных). Непосредственное влияние на человека делает необходимым активное применение этического инструментария и анализа, решение возникающих этических затруднений.

Привычной формой гуманитарного сопровождения развивающихся технологий является ELSI (ethical, legal, and social issues), впервые институционально закрепленный в начале реализации проекта «Геном человека». Но некоторые участники этих ELSI практик (в том числе П.Рабиноу) отмечали несколько принципиальных недостатков этого подхода. Центральным среди них является внешняя позиция эксперта, миссия которого заключается только в высказывании предвидений о возможных рисках, продуцировании алармистского дискурса.

Международная группа исследователей (A. Balmer et al., 2016) предлагает модифицировать ELSI с целью создать более вариативные формы сотрудничества между учеными и социальными и гуманитарными исследователями. Одним из способов подобной трансформации может служить формирование пост-ELSI подхода, пространства для сотрудничества. Изменения вводятся посредством пяти эмпирических правил, которые призваны сформировать общее поле взаимодействия, а не конечный набор жестко установленных процедур. Эти эмпирические правила формулируются следующим образом: совместное экспериментирование, принятие риска, коллективная рефлексивность, открытое обсуждение различающихся целей, добрососедство.

Однако мы хотели бы обратить внимание на саму фигуру этического эксперта. В определенной степени программа пост-ELSI предполагает, что эксперт занимает по отношению к проекту позицию инсайдера/аутсайдера. Его инсайдерская роль позволяет ему: 1) проводить эмпирические исследования социальных практик, возникающих вокруг разрабатываемой технологии; 2) непосредственно участвовать в социотехническом конструировании инноваций. А позиция аутсайдера задает критическую дистанцию по отношению к разработчикам и инноваторам.

В связи с разворачиванием феномена биокапитализма особенно важная задача эксперта состоит в противостоянии тотализации экономической рациональности, в том числе в среде социотехнических рисков. Всякий гуманитарный риск может быть финансово оценен и компенсирован. Противостоять тотализации позволяет позиция инсайдера/аутсайдера. Кроме того, она позволяет преодолеть саму логику этической оценки возникающих технологий в категорильной сетке риск/польза. Позволяет учитывать, например, такое сложно операционализируемое понятие как человеческое достоинство.

Такой подход востребован прежде всего при разработке технологий, воздействующих на «жизнь саму по себе» (биомедицинские технологии, массовые информационные тех-

нологии и технологии, возникающие из их конвергенции). Об этом свидетельствует исследовательская биография некоторых представителей (например, П.Рабиноу).

Антонова Анастасия Валерьевна

магистрант, 2 курс, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

АНАЛИЗ «НОВЫХ МЕДИА»

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЦЕННОСТНО-ЭТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

В современном обществе наблюдается масштабное увеличение цифрового поля, под которым можно понимать пространство интернета или контент «новых медиа». И так как данный контент несет в себе идеологический посыл [4], который способен формировать этический дискурс, то встаёт вопрос о том, что исследователям нужны адекватные инструменты анализа, которых ещё практически нет. Кроме того, из-за многообразия таких дискурсов в «новых медиа» и их крайней противоречивости создание этих инструментов сильно затруднено [3].

Мы наблюдаем становление информационного общества, о котором говорил в своих поздних работах Д.Белл. Ценности, которые считались общепринятыми, размываются, и становится сложно ориентироваться в новой плюралистической этической реальности. Знание становится источником стоимости и решающей переменной в новом обществе [2; с.151]. Следовательно, знание начинает делиться почти до бесконечности. Теряется субъектность действий, которые совершают почти все люди на планете, участвуя в образовании контента, который в свою очередь и формирует новые ценности или изменяет интерпретацию старых. Индивиды получили небывалую ранее власть формировать этические ценности, по которым им следует жить, но даже этого не осознали [2; с.183-191]. Встаёт важный вопрос, если субъектность, а вместе с ней и ответственность за формирование этических дискурсов размывается, вплоть до полного исчезновения, то каким образом можно обозначить векторы развития в формировании инструментов анализа?

В попытке предложить ответ на этот вопрос, можно обратиться к исследованиям таких авторов как Л.Болтански, Э.Кьяелло и Л.Тевено, которые пытаются решить данную проблему и сформировать инструментарий анализа этических дискурсов в поле ситуативной этики, трактуя последнюю как множественность этических дискурсов, формируемую обычными пользователями социальных сетей. Предлагая разделение на грады, представляющие собою множественность этических концепций, в которых благо и справедливость принимаются как различные ценностные ориентиры, формируемые различными пользователями [1; с.57-59]. Мы получаем адекватный инструментарий анализа различных ценностей, представляющий репрезентативную этическую интернет карту.

Чтобы упростить схему, которая потенциально может содержать слишком большую совокупность ценностных (этических) схем, мы можем сузить нашу ориентацию на конкретные интересующие исследователя области, например, на область экономики. Таким образом, мы будем вынуждены формулировать нашу этическую схему на основе некоторых характеристик: на ограничение и распределение определённых ресурсов. Они распределяются автономно от производителей, но испытывают влияние от пользователей/производителей контента. Последние распределяют экономические ресурсы и то, в каких долях и процентах они должны соответствовать силам, которые были непосредственно вложены в их производство [5; с.18].

Таким образом, мы формируем концепт, который предполагает, что этичным будет то, что покажет простой анализ высказываний пользователей интернета и их причастности к сфере.

Литература

1. Болтански Л. Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
2. Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века / Даниел Белл, Владислав Иноземцев. — Москва: Свободная мысль : Центр исслед. постиндустриального о-ва, 2007.
3. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. — Москва, 1986. — С. 330—342.
4. Фуко М. Зачем изучать власть: проблема субъекта // Философская и социологическая мысль. — Киев, 1990. — № 9. — С. 97—100.
5. Boltanski L., Chiapello E. Le nouvel esprit du capitalisme. Paris: Gallimard, 1999.

Ахметзянова Зарина Фанилевна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА КУРАТОРСКОЙ ЭТИКИ

В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫСТАВОЧНЫХ ПРАКТИКАХ

Процесс создания этического кодекса для той или иной профессии в первую очередь, зависит от того, какую степень социальной ответственности несут в себе её представители. Бесспорно, работники сферы культуры приковывают к себе особое внимание, так как именно на них возложена ответственность по формированию социокультурного пространства. В связи с этим становится актуальной проблематика профессиональной кураторской этики, так как она находится на стадии своего становления.

Как отмечает известный российский куратор Виктор Мизиано, «по своей природе кураторская практика не столько антиинституциональна, сколько внеинституциональна». Исходя из этого мы понимаем, что в данной профессии все этические вопросы при принятии того или иного решения никак не регламентируются и остаются на усмотрение самого куратора. И одним из дискуссионных аспектов его работы может быть соотношение этики и эстетики в проектах, катализатором чего является положение этики в искусстве. Среди исторических подходов в вопросах соотношения искусства и морали можно выделить моралистическую концепцию, несущую в себе идею того, что искусство должно подчиняться нравственности (Платон, Ж.Ж.Руссо, Л.Н.Толстой) и имморальную, которая выступает за идею «искусства ради искусства» (О.Уайльд, Ш.Бодлер).

Говоря об этических ориентирах современного общества, можно сказать, что они могут быть различными в вопросах соотношения ценностных аспектов в силу своих культурных особенностей. Провозглашённая ранее политика мультикультурализма привела большинство европейских стран к размыванию границ их культурной идентичности. И сегодня именно в религиозном факторе (христианстве) рассматривают основной индикатор европейской идентичности, регулирующий ключевые общественно-политические и культурные вопросы. Растёт количество сторонников традиционализма, на который возлагается сохранение культурных особенностей каждой страны. В связи с этим сфера искусства облагается всё большим вниманием со стороны общественности, в некоторых случаях подвергаясь цензуре. И это оказывает прямое влияние на художественно-выставочную деятельность во всём мире.

В роли посредника между художником, институцией и зрителем, на куратора накладывается ряд обязательств по выстраиванию диалога между этими субъектами. Всё это предполагает наличие определенных ценностных категорий, которыми он должен руководствоваться для того, чтобы избежать конфликтов. Ведь при неумелой репрезентации произведений искусства куратором, проект может быть провокационным для внушительной части публики. В связи с этим крайне важно изучить ту социокуль-

турную среду, в пространстве которой будет представлен кураторский проект. Также при этом важно не причинить ущерб художественному замыслу проекта. Именно в этом и заключается сокровенная суть кураторства.

Багаутдинов Никита Викторович

магистрант, 2 курс, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

КАМИНГ-АУТ КАК ПРАКТИКА ЭТИЧЕСКОГО ВЫБОРА В КОНТЕКСТЕ ПЕРФОРМАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ ГЕНДЕРА

Сегодняшняя цифровая эпоха или, как мы ее еще иногда называем, эпоха постправды и заката постмодерна, это общество глобальной прозрачности и открытости в порядке определенной неизбежности. В время, когда каждый индивид инкорпорирован во всемирный поток информации и включен в механизмы существования в цифровой публичности, перед нами встают задачи осмысления как нового языка и способов межличностных коммуникации, так и новых этических установок и доминирующих ценностей. На мой взгляд, этическое, одним из главных образов, выражает себя в проблемах субъекта (как в общем, так в частностях; например, кого и как можно считать субъектом морали), возможности и невозможности свободы, автономии, а также в вопросах конструирования отношений человека с макро и микромиром.

Пострационалистический неклассический субъект больше не может выступать как «чистое мышление», так как в XX веке он манифестировал свои телесность и иррациональность. Благодаря работам М.Фуко мы можем говорить, что линии принуждения и угнетения проходят по большей части внутри, а не снаружи субъективной жизни человека. И это не только акты сопротивления, происходящие в рамках персональной жизни отдельного индивида, но и сопротивление абстрактного (или исторического) субъекта самому себе, отрицание себя и ускользание от укоренившегося дискурса. Гендерная проблематика является частным вопросом в данном случае и представляется довольно актуальной исследовательской областью именно в силу наличествующей этической содержательности.

В работе «Gender Trouble» Джудит Батлер пишет, что каминг-аут представляется как семантический момент исключения. Признаться – это не интегрированность, но стигматизация и самоисключение из мажоритарного общества. Действительно ли свободен оказавшийся на виду «субъект» от процесса субъекции (subjection) и можем ли мы вообще гарантировать ему безопасность?

В контексте данной проблематики каминг-аут представляется как акт этического действия, поскольку помещает субъекта в пространство этического выбора между вынужденно политическим и экзистенциальным.

Каминг-аут как речевой акт, переводящий бытие субъекта из одного способа существования в другое, это политическая стратегия в борьбе за права или продолжение дискурса угнетения? Умолчание – поддержание статуса угнетенного или реализация права интимной жизни? Озвучивание – это самоисключение и оппозиция всему «нормальному» или требование признания и принятия как данности равноправного гетеронормативного бытия?

Не существует нейтральных репрезентаций, не использующих гендерных кодировок, поскольку именно они позволяют создавать иерархичность и механизмы исключения. Гендер, по словам Ирины Градинари, институциональная конструкция, устанавливающая политику неравенства среди отдельных социальных групп. Критерием для исполнения операции угнетения становится гендерная идентичность, выпадающая за границы диктатуры гетеросексуальности.

Десекуализированность гетеросексуальности позволяет ей разворачиваться вне политической репрезентации. Однако для так называемых сексуальных меньшинств, озвучивание одной из частей их идентичностей начинает актуализировать вовлеченность в политическое. Такая идентичность, от имени которой временами выступает соучастное «я», по словам Джудит Батлер, «порой работает как политически эффективный фантазм».

В своем докладе я постараюсь разобрать натуралистические эффекты гетеросексуальных гендерных идентичностей, производящихся через стратегии имитации. Рассмотреть дихотомию открытости, порождающей новую непрозрачность, и сокрытости как обещания раскрытия, которого никогда не будет.

Так же я попытаюсь разобрать, что или кто открывается в процессе аутинга? А что остается скрытым даже после речевого акта, претендующего на транспарентность.

Барбашина Эвелина Владимировна

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии
Новосибирский государственный медицинский университет;

Институт философии и права Сибирского отделения РАН

ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ПАЦИЕНТА:

ЖЕЛАЕМОЕ, ВОЗМОЖНОЕ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Принцип автономии пациента является самым обсуждаемым и спорным принципом как в рамках американской, так и европейской биомедицинской этики. Причины его появления и «триумфального шествия» связаны с отказом от доминирующей паттерналистской модели во взаимоотношениях «врач-пациент» и обусловлены движением за права пациента, отказом от концепции профессионального авторитаризма. Большую роль сыграло содержательное соответствие принципа автономии пациента ценностям открытого демократического общества: самореализация, индивидуализация, право на самовыражение и самоопределение, приватность и другие. В европейской биомедицинской этике принцип автономии пациента включает умение формулировать собственные цели, идеалы, осуществлять моральную рефлексию, умение принимать решения и действовать в соответствии с ними, социальную активность и вовлеченность в жизнь комьюнити. Принцип автономии пациента закреплен юридически в международных и локальных документах. Обязательным элементов реализации принципа автономии пациента является информированное согласие пациента.

Однако несмотря на привлекательность и юридическое закрепление принципа автономии пациента, его реализация предполагает решение ряда вопросов и минимизацию противоречий.

Одно из них связано с соотношением принципа автономии пациента и принципа «делай благо». Если решение, принятое пациентом, является самостоятельным и рационально обоснованным, это не гарантирует, что оно соответствует принципу «делай благо». Более того, если решение (самостоятельное, осознанное, рационально обоснованное) наносит вред пациенту, то оно противоречит принципу «делай благо». Соответственно, врач, соглашаясь с принятым решением пациента нарушает другой основной принцип «делай благо».

Врач, в соответствии с принципом автономии пациента, должен предоставить подробную информацию о возможных вариантах лечения, возможных рисках, положительных и отрицательных последствиях лечения. Информация должна быть предоставлена в понятной для пациента форме. После того, как пациент принял решение, задача врача заключается в его выполнении. Если пациент выбрал малоэффективное и/или дорогостоящее лечение, то врач не имеет права влиять на решение пациента. В

случае дорогостоящего и малоэффективного лечения неизбежно игнорируются интересы других пациентов, а временные, материальные, человеческие ресурсы используются не эффективно.

Принцип автономии пациента, реализуемый в клинической медицине, может противоречить целям общественного здравоохранения. Он нацелен на лечение болезни конкретного пациента, в то время как общественное здравоохранение ориентируется преимущественно на профилактику (первичную, вторичную, третичную) всего населения. Для клинической медицины автономия пациента есть проявления самостоятельного ответственного выбора пациента, признание его личностных прав. Профилактика же осуществляется исходя из интересов всего общества, народонаселения той или иной страны, следовательно, патернализм, «коммунитарные отношения» в этом случае неизбежны.

Многочисленные эмпирические исследования показывают, что далеко не все пациенты готовы идти хотят, чтобы по отношению к ним применялся принцип автономии. Как правило, это связано с неизлечимыми диагнозами, о которых пациент не «хочет знать вообще», либо «знать в подробностях», либо предпочитает, чтобы информацию передавали родственникам. В этой ситуации «навязывание» принципа автономии, раскрытие полной и подробной информации явно противоречит сформулированному желанию пациента. Одновременно врач обязан, в том числе и юридически, предоставить пациенту полную информацию и заболевании. Получается, что реализуя принцип автономии, врач тем самым одновременно, его нарушает.

Принцип автономии пациента закреплен юридически и соответствует ценностным ориентирам современного общества. Однако его реализация может противоречить соблюдению других принципов биомедицинской этики, интересам самого пациента либо общества.

Богомаз Алексей Валерьевич

студент, 4 курс, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭТИКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Существенная часть моего доклада будет посвящена пониманию частного интереса в его современном постнеклассическом философско-правовом виде. При общей характеристике основных стратегий понимания частного интереса и техник его разграничения с интересом публичным – будут актуализированы не только консервативные представления, но и некоторые теории современных философов (например, Фуко Мишель. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука. 2010. 448 с.), среди которых центральное место отведётся акторно-сетевой теории Бруно Латура и его концепту актанта (см. Латура Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2014. С.79-80). Подобная методология обусловлена желанием исследовать политико-правовую материю не столько чисто юридическими, сколько разнообразными инструментами, которые бы могли проявить с различных отраслевых позиций те или иные аспекты исследуемого (подробнее о критике самореферентности подхода догматических исследователей-юристов смотри в работах П.Бурдьё и Б.Мелкевика).

Этическая составляющая вопроса о природе частного интереса заключается в возможности допустить защиту и продвижение неантропного актанта интереса, сформулированного искусственным интеллектом, в признании неантропного актанта носителем прав и обязанностей. Под актантным интересом следовало бы понимать

вызываемую совокупностью внешних и внутренних условий существования направленность вовлечённого во взаимодействие актора отношений с иными акторами. Данный подход близок к актуализируемым в статье Г.А.Гаджиева и Е.А.Войниканиса (см. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. №4. С.26-28) концептуальным основаниям законопроектов, позволяющих включить роботов-агентов в правовое поле.

Солидаризируюсь с позицией А.В.Разина (Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. № 1. С.57-73), который предполагает наиболее вероятным параллельное развитие двух цивилизаций: построенной на биологическом и построенной на техническом носителях, хотелось бы сформулировать общие этические и правовые основы взаимодействия представителей таких цивилизаций. Также в докладе планируется представить аргументы скептически настроенных к признанию искусственного интеллекта исследователей, например, выводы из сложной проблемы сознания (*hard problem of consciousness*), сформулированной американским философом Дэвидом Чалмерсом (см. Chalmers D. Facing up to the problems of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 1995. 2(3). P.201), которые отодвигают уверенность в констатации наличия искусственного интеллекта или появления такового в будущем.

Следуя же дискурсу статьи Г.А.Гаджиева и Е.А.Войниканиса, включающему в себя положительные ожидания в области искусственного интеллекта, в докладе планируется обосновать ошибочность тактики набрасываемого по наитию на роботов-агентов ярма режима собственности. Солидаризируюсь с ними хотелось бы подчеркнуть, что способность автономного управления актантом (роботом-агентом) своими действиями не должно являться критерием для идентификации кого-либо (или чего-либо) как актанта (на которого потенциально может быть расширена ограниченная правосубъектность), а лишь должно лежать в основании распределения ответственности.

Бусуркина Ирина Петровна

аспирант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

КУЛЬТУРНЫЕ СДВИГИ И ЦИФРОВОЕ "ЭТИЧЕСКОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ"

РФФИ №18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

Изменения, которые произошли в культурной и социальной практике, возникшие с использованием информационных и цифровых технологий, в разных источниках обозначаются как неоллиберализм, глобализация, сетевое общество, технокультура и так далее. Равно как и другие явления общественной жизни, практики потребления также претерпели значительные изменения. Они вызвали масштабное движение, которое получило название «этическое потребление». Это сложная и зачастую противоречивая активистская практика, которое оспаривает неустойчивое и несправедливое потребление, предлагая альтернативные и иногда радикальные методы потребления (Littler, 2011; Humphery, 2016). В рамках неё цифровая среда все шире и чаще используется как место контроля и рационализации потребления. Она отражает обеспокоенность общества относительно приобретаемых товаров, социальных и этических условий производства, ответственности компаний, а также способов утилизации продуктов. Целью данной работы является рассмотрение концепта этического потребления в рамках цифровой культуры и происходящих в ней изменений.

Данную исследовательскую задачу мы раскрываем через несколько основополагающих вопросов: какие пересечения этического потребления и цифровых технокультур существуют на данный момент? Под термином технокультуры мы понимаем совмещение культуры и технологий (Giddings and Lister 2011; Jordan 2015). Также нас инте-

рисуется то, какие существенные изменения технокультуры могут внести в социальные движения, такие как «этическое потребление». Это осуществимо посредством высокой степени связанности индивидов друг с другом, которые потенциально могут создавать сообщества. И, что наиболее важно для данной работы, мы исследуем, как такие цифровые возможности влияют на то, как этическое потребление может быть реализовано.

Также мы кратко рассмотрим ключевой вопрос цифровых технологий, касающийся открытости, который служит для контекстуализации того, как мы могли бы интерпретировать этическое потребление. Затем мы переходим к дальнейшему изучению сложностей и ограничений как этического потребления в качестве концепции, так и понятия «активизма» в цифровой политике.

Литература:

Little J. *Radical Consumption: Shopping for Change in Contemporary Culture*. Maidenhead: Open University Press, 2008.

Humphery K, Jordan T. *Mobile moralities: Ethical consumption in the digital realm* // *Journal of Consumer Culture*. 2016.

The New Media and Technocultures Reader. Giddings S. and Lister M. (eds). London: Routledge, 2011.

Jordan T. *Information politics: liberation and exploitation in the digital Society*, London: Pluto, 2015.

Вертанова Сильвия (Vertanova Silvia)

доктор философии, старший преподаватель

Университет им.А.Я.Коменского в Братиславе, Словацкая Республика

ЭТИЧНОСТЬ РИТОРИКИ

И ЕЁ МЕСТО В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

VEGA № 1/0549/18 «Philosophical and cosmological aspects of the evolution of universe and the place of human being in it»

Тема доклада, касающаяся отношений между риторикой и этикой, возвращает нас к греческой античности, которая стала колыбелью европейской цивилизации. В Греции владеть риторикой было жизненно необходимо. Однако очень скоро прозвучали голоса таких философов, как Платон, который утверждал, что риторика неэтична. В дальнейшем она уже развивалась только как инструмент власти или в рамках литературы. В ходе истории многие мыслители и ученые отказались от риторики, так как ее считали эффективным средством манипуляции. Результатом отрицания риторики в 19. веке было ее практическое исключение из учебных планов почти всех университетов Европы. Риторика стала представлять собой только стилистику. После того, тотальное отрицание свободы публичных выступлений в период политических тоталитарных режимов двадцатого века можно считать пиком упадка риторики. Тем не менее, в связи с распространением средств массовой информации и продолжающейся глобализацией необходимость риторического образования во всех образовательных системах как никогда актуальна. Может показаться, что теория языковой коммуникации, которая преподается в современных университетах и есть теория того древнегреческого мастерства речи, но это не так. Для теории языковой коммуникации является важным моментом однозначность между названием и объектом. Для риторики важны тоже ассоциации, отношения между названиями и внеязыковым контекстом, а также форма сообщения – интонация, выражения лица и жесты. Из этого выходит, что классическая риторика гораздо ближе к настоящей человеческой коммуникации. Современное общество подвергается сильному давлению со стороны СМИ, которые не стремятся

ни к реальному, ни к фиктивному диалогу со своими оппонентами, как это было в древние времена. В нашем докладе мы хотим показать, что риторика не является аналогом этики, и это не делает ее хорошей или плохой, скорее это этическое/неэтическое отношение того, кто ее использует. Именно поэтому в современном обществе, где главенствует массовая медиальная коммуникация, изучение риторики может быть эффективным оружием не только в руках ораторов, но и их аудитории.

Винкельман Анна Михайловна

НИУ «Высшая школа экономики»

преподаватель, стажер-исследователь

I WANT TO BE HAPPY, BUT I KANT:

МОЖЕТ ЛИ КАНТИАНЕЦ ПИТЬ АНТИДЕПРЕССАНТЫ?

Человек по своей природе стремится к счастью. Этот тезис не оспаривался и, полагаю, не будет оспариваться со времён античной философии. Однако события мира часто, и даже почти всегда, препятствуют счастью.

Классическая философия в лице И.Канта объясняет это так: состояние счастья – реализация представления или представлений, которые нам «посылает» способность желания. Таким образом, человеческое счастье – момент реализации представления и, возможно, ещё некоторое время после, «по инерции». Счастьем противопоставляется блаженство, т.е. состояние, когда желаний попросту нет. С рядом оговорок, речь либо о святости, либо о смерти.

Конечно, такое понимание счастья не может удовлетворить философию. При всей видимой ясности и простоте, мы наталкиваемся на сложность: бывает так, что все основные представления реализованы или реализуются, а ощущения того, что «все правильно и идёт так как нужно» нет. Человек чувствует себя несчастным.

Внимательное изучение вопроса покажет нам, что само это ощущение не является эмпирическим. напротив – оно не зависит от опыта и фактов мира. Часто бывает так, что фактическое положение дел плохое, а состояние «гармонии» есть, человек может сказать, что он счастлив, что всё хорошо. Получается тогда, что следует разделить «счастье» на эмпирическое и трансцендентальное.

Эмпирическое счастье – предмет философской антропологии или психологии. Нас же интересует глобальное состояние, которое, предположительно, ближе к категориям «блага» и «гармонии».

В этой связи важно рассмотреть: (1) характеристики этого состояния, (2) способы его достижения. И первое и второе достойно отдельного обсуждения. Я буду исходить из того, что это состояние достижимо, так как является взаимоотношением способностей души (в кантовском смысле слова). Искомая гармония, таким образом, всегда предполагает активность, усилие. Счастья как целостного состояния можно достигнуть, но большим этическим трудом.

Отсюда вопрос – можно ли/морально ли использовать «вспомогательные» средства для достижения счастья? Ряд медицинских препаратов может обеспечить состояние, которое внешне напоминает гармонию души. На этот вопрос мне видится два полярных ответа, и, соответственно, две разных модели аргументации, которые я бы хотела вынести на обсуждение.

Виноградова Ольга Андреевна

аспирант, 2 курс, стажер-исследователь

Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В.Полетаева
НИИУ «Высшая школа экономики»

**ЭТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ И МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ
ТРАНГУМАНИЗМА : КАК ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА МЕНЯЮТ НАШ МИР**

Данный доклад мы бы хотели посвятить этическим аспектам трансгуманизма, его корреляции с теорией прогресса и идеей совершенствования человека, а также философским дискурсам и моральным дилеммам, которые эти доктрины порождают.

В течение доклада мы хотели бы, во-первых, рассмотреть и систематизировать основные контраргументы и риски, которые волнуют биоконсерваторов и противников прогресса. Во-вторых, определить современные этические дискурсы, которые вытекают из идей трансгуманизма и совершенствования человека и общества. И, в-третьих, изучить и инициировать обсуждение моральных дилемм, сформированных в контексте данных этических дискурсов.

Вслед за биолуддитами и критиками трансгуманизма мы рассмотрим следующие шесть типов рисков, связанных данной проблематикой: риски антропологические; экономические и политические; экологические; индивидуальные (личные); экзистенциальные и административные. А также основные контраргументы противников этой идеологии (социальные, религиозные и моральные).

Используя Интегральную теорию Кена Уилбера, мы бы хотели проанализировать риски и контраргументы и выделить наиболее значимые из них. Безусловно, мы понимаем, что простое перечисление рисков и контраргументов не даст нам готовых решений и не будет способствовать диалогу между антагонистами и адептами совершенствования человека. Поэтому мы предлагаем взглянуть на проблему с другой стороны и переформулировать наиболее значимые риски и контраргументы, представив их в виде моральных дилемм.

Можем ли мы позволить человечеству жить вечно? Разрешим ли мы доступ к трансгуманистическим технологиям на основании каких-то привилегий (денег, происхождения, уровня IQ, принадлежности к классу)? Должны ли мы предоставить полный контроль над технологиями только лишь научному сообществу? Приведет ли развитие трансгуманистических технологий к исчезновению человечества целиком или какой-либо его части? Является ли трансгуманизм как идеология угрозой семье, обществу или государству? И т.д.

Эти и другие моральные дилеммы заставляют нас задуматься о том, какие этические дискурсы уже сейчас стоят перед мировым научным сообществом.

Первый дискурс: дискурс свободной воли. Улучшать или не улучшать, вот в чем вопрос. В обществе, где быстро развиваются трансгуманистические технологии, возникает вопрос об обязательном или необязательном совершенствовании, а также о санкциях и наказаниях (или их отсутствии) в случае отказа от улучшения. Именно этика должна стать своего рода основой для этики трансгуманизма.

Второй дискурс: дискурс лимитов. Общество должно будет выработать административные, юридические, технологические, экономические, социальные и моральные лимиты, возможно, новые концепции и критерии норм и аномалий.

И последний дискурс – дискурс контроля. Процессы трансгуманизма, как и все другие потенциально опасные процессы, требуют социального, гражданского или демократи-

ческого контроля обществом и государством. Важно также понимать, что этот контроль должен быть достигнут не только в государствах, но и на международном уровне.

Гайворонская Станислава Андреевна
студент, 1 курс, Кубанский государственный университет

ЭТИКА ХАКЕРА ИЛИ ШИФРОКЛЮЧ СЕТЕВОЙ СЕМИОСФЕРЫ

Декларация независимости киберпространства 1996 г. сформировала новое понимание теории информационного общества как способа создания сетевой семиосферы. Лотмановское семиотическое пространство так же, как и причисленное к нему представление о киберпространстве, базируется на понятии «ноосфера»; семиосфера реализуется только при наличии четырёх составляющих: адресанта, адресата, канала, навыков семиозиса. Сопоставление теорий семиотики и криптологии позволяет объяснить потенциальность семиозиса в качестве знания и использования шифроключа. Провозглашение культуры знаковой системой формирует необходимость нахождения шифроключа изучаемого киберпространства. Архитектоника семиотического пространства подтверждает существование данного инструмента семиозиса; декомпозиция культуры обнажает этический рефрен. «Культуротворящая энергия этики» объявляет идеал культурного человека «как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность». Таким образом, этика представляется в качестве образующей как самой культуры, так и синтезированного этой культурой киберпространства, уподобляемого монаде монад.

Согласно The Jargon File (version 3.0.0) хакерская этика формируется убеждением в том, что информация является общественным достоянием, а взламывание системы вне преступного интереса этично. В книге Хакеры: Герои компьютерной революции 1984 г. Стивен Леви в качестве параметров этики хакера выявляет в том числе: неограниченный доступ к знаниям об устройстве мира, принцип децентрализации, синтез красоты и искусства посредством компьютерных технологий.... Американский журналист иллюстрирует последнюю норму следующим примером: комментарий «RIPJSB» на 1750-ой строке одной из компьютерных программ 1950-1960-х гг. расшифровывается как «Rest In Peace Johann Sebastian Bach» [Иоганн Себастьян Бах, покойся с миром]. Финский философ Пекка Химанен в книге Хакерская этика и дух информационной эры 2001 г. выделяет трилогию этик: труда, денег и сети. Таким образом, работы, посвящённые проблеме хакерской этики, подготовленностью человечества к осознанию «мозга в колбе» трансформируются в своеобразные статьи глобальной Конституции информационализма.

Дальнейший ход исследования базируется на выявлении соотношений между шифроключом и уровнями сетевой семиосферы. Этический рефрен обнаруживается на каждом этапе реконструкции киберсемиосферы: хакерская культура; культура интернета (для которой «характерна четырехслойная структура: техномеритократическая культура, культура хакеров, культура виртуальной общины и предпринимательская культура»); общая сетевая семиосфера. «Этика Хакера» становится доменным именем: остоном догмата хакерской культуры – The Jargon File – выступают параметры хакерской этики, а соответствующие этической традиции «интенсивность и осознанность хакерских изобретений делают сборник хакерского сленга особенно полезным окном в окружающую культуру»; пропагандируемая хакерской этикой свобода информации становится аксиомой интернет-культуры; расширение и развитие киберпространства оказывается невозможным вне представлений о заложенной хакерами TX-0 этики.

В подведении итогов следует указать на то, что хакерская этика представляет одновременно и имманентный, и трансцендентный интересы. Ценности формирования представлений об изучаемом культурном феномене и выявления причин его качественной интеграции в структуры сетевой семиосферы равнозначно важны для понимания каждой отмеренной Хроносом эпохи киберпространства: минувшей, нынешней, грядущей.

Гарвардт Андрей Эрвинович

кандидат философских наук, доцент

заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Котласский филиал Государственного университета

морского и речного флота им.С.О.Макарова

ЦЕННОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПЕРИОД КРИЗИСА ЭТНИЧНОСТИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Этничность, как система или совокупность признаков принадлежности к некоторой этнической общности явно претерпевает кризис. Очевидность этих признаков состоит не столько в их утрате значительной частью представителей этих этнических сообществ, сколько во всё возрастающих усилиях государственных институтов и институтов гражданского общества, направленных на сохранение этих признаков или их видимости в общественном сознании.

Сущность кризиса этничности видится в том, что возникшая на соответствующем историческом этапе антропосоциогенеза этническая структура общества выполняла функцию куматоидного инструмента социальной адаптации индивида к реальным условиям его обитания в естественной среде. В этом смысле принадлежность к этносу, т.е. собственно этничность можно считать «естественной» настолько, насколько можно назвать естественной принадлежность индивида к социальной, т.е. по определению – «не-природной», среде. Развитие цивилизационных инструментов и механизмов взаимодействия общества с природой вытесняет этничность из ряда средств социальной адаптации, заменяя её иными социальными куматоидами, свойственными собственно общественной логике исторического прогресса. Этими куматоидами выступают в первую очередь институты образования, профессионализм, техническая грамотность.

Суть проблемы, отмечаемой в нашем обращении к теме видится в том, что по мере утраты утилитарной ценности этничность приобретает ценность символическую. Само по себе это явление отнюдь не уникально. По меньшей мере, значительная часть, если не все известные ныне ритуалы вежливости и этикета представляют собой именно символы лишённые имевшегося когда-то утилитарного содержания. Проблема видится в том, что упомянутые символические ценности вежливости и этикета представляют собой неформальные и, что важнее, неформализуемые коды культурной принадлежности и культурной общности.

В то же время этническая принадлежность имеет двойное ценностное содержание. С одной стороны она представляет собой такую же неформальную символическую ценность культурно-исторической самоидентификации. В этой своей ипостаси духовная ценность этничности стоит в общем ряду культурно-исторических кодов, формирующих собственно культурную самоидентификацию, как отдельного индивида, так и всей социальной общности в целом.

С другой стороны, этническая принадлежность формализуется государством, как основание для предоставления привилегий ведения хозяйственно-экономической деятельности. Даже в тексте Конституции мы наблюдаем формальное логическое проти-

воречие, принципиально недопустимое в тексте правовой нормы: так ст.3 утверждает «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», а ст.69 «...гарантирует права коренных малочисленных народов». Логически это означает, что среди единого «многонационального народа» законодатель выделяет-таки некие «... коренные малочисленные народы» и гарантирует именно их права. Логически это означает вольную или невольную дискриминацию тех «народов», которые к числу упомянутых «коренных малочисленных» не относятся.

В юридической плоскости проблема состоит в том, что основанием формально-правового различия становится неформальная историко-культурная самоидентификация. В аксиологической же плоскости мы имеем дело с противопоставлением ценности этничности в духовном и политико-экономическом измерениях. Первое по определению должно объединять социальную общность, второе с необходимостью её разделяет.

Гарвардт Мария Андреевна

студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

В настоящее время мы являемся свидетелями очевидной трансформации такого радикального инструмента внешней политики как война. В политической терминологии это явление получило название гибридная война – такой вид борьбы на международной арене, когда вместо классического применения вооружённых сил применяются саботаж, подрывные операции, кибервойны и поддержка повстанцев на территории противника.

В контексте нашей темы исследования нас может интересовать в первую очередь именно аксиологический аспект гибридной войны. Особое значение этого аспекта видится нам в том, что этот аспект несёт двойственную (или даже двойную) смысловую нагрузку в осмыслении явления гибридных войн. Причина этого (не вдаваясь в детали) видится в расширении т.н. информационного общества, сокращении возможностей тайной дипломатии и расширении сферы демократических институтов и гражданского общества, вынуждающих политическую элиту как минимум «сохранять лицо».

С одной стороны, аксиологическая дискредитация противника имеет характер оправдания применения против него всех возможных средств давления. Достаточно доказать (убедить без действительных доказательств в порядке феномена постправды), что некий имярек террорист (коммунист, фашист, гомофоб ит.д., значения не имеет, важно, чтобы ярлык нёс заведомо отрицательную смысловую нагрузку) т.е. исповедуемая им система ценностей прямо противоречит общечеловеческой (т.е. вашей и всех, кто ассоциирует себя с ней) и тогда применение против него любого средства подавления (пытки, тайные тюрьмы, кассетные боеприпасы, фосфорные и урановые снаряды лживые обвинения ит.д.) становится заведомо оправдано, т.к. применяются против «абсолютного зла», которое, как известно, стоит вне любой системы ценностей и нравственного осмысления в принципе.

С другой стороны аксиологическая дискредитация противника несёт целевую нагрузку в общей картине войны. Т.к. признание противника ценностно ничтожным косвенно, но неизбежно утверждает его оппонента ценностно абсолютным (по крайней мере, в том конкретном контексте смыслов, в котором происходит данное политическое действие). Соответственно, целью войны вступает уже не борьба за реальные, но неизбежно временные политические интересы, а установление вневременной «абсолютной справедливости» в её нынешнем понимании. Т.е. война становится тем самым

походом к «вечному миру» и любая война может рассматриваться как кантовская «последняя война».

Сейчас мы не можем с уверенностью говорить о том, что одно государство ведет войну с другим – объявление войны как дипломатическая процедура не используется со времен Второй мировой войны, а применение силы на других территориях обозначаются как «антитеррористические операции», «политические акции» и т.п. Акторами таких «акций» обычно являются не армии, а частные военные компании. Вторые, в отличие от первых, не несут политических обязательств, а значит, государство освобождает себя от ответственности за применение тех же средств ведения войны, что использует противник, сохраняя, таким образом, видимость «абсолютной справедливости» своих ценностей.

Гафарова Юлия Юрьевна

кандидат философских наук, доцент

Кириллова Анастасия Владимировна

магистр социологии, старший преподаватель

Белорусский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ШЕРИНГОВЫХ ПРАКТИК В БЕЛАРУСИ

БРФФИ №Г18Р-181 «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм»

Шеринговые проекты, построенные по принципу краткосрочного объединения людей для решения общей проблемы на базе технологической платформы, обеспечивающей осуществление коммуникационных сетевых практик и частично берущей на себя функции по обеспечению контроля и безопасности участников коммуникации, развиваются в Беларуси на протяжении несколько последних лет. Однако переломный моментом в популяризации белорусского шеринга стало лето 2019 года: появление в Минске желтых велосипедов Kolobike и самокатов Eleven стало широко обсуждаемой новостью в белорусском информационном пространстве. Анализ публикаций в таких изданиях, как citydog.by, kyku.org.by, sb.by, tut.by, и комментариев пользователей к этим публикациям, а также исследование интервью с владельцами и организаторами шеринговых площадок в Беларуси позволили выявить ряд этических проблем, связанных с развитием и продвижением шеринговых практик. К основным из них относятся (1) проблема неравенства в доступе к информации; (2) проблема доверия и (3) проблема ответственности.

Одним из ключевых вопросов в анализе шеринговых практик становится вопрос неравенства в распределении знания в явных и латентных формах его проявления. Максимально открытый доступ к сети лежит в основе шеринговой экономики. В Беларуси разные уровни доступа к сети – как технологические, так и пользовательские – определяют не только неравенство возможностей получения знаний о шеринге или возможностей участия в его конструировании и распределении, но и ранжируют само «знание» по качеству и классу. Эксперты отмечают низкий уровень осведомленности белорусов о сущности, принципах и отличительных чертах шеринга, что задаёт специфику продвижения проектов и формирует особенности самих практик. Доступ к сети и информации неизбежно связан с переосмыслением вопросов доверия акторов сети друг другу и развитию новых технологических способов обретения доверия и обеспечения репутационных гарантий (отзывы, рейтинги, онлайн-обзоры, оценки пользователей). Пользователь, субъект экономических отношений, принимающий участие в производстве, распределении, обмене и потреблении шеринговых благ, должен уметь выстраивать взаимодействие и работать со своей репутацией, создавая

пространство доверия. Данные, полученные в результате проведённого исследования, позволяют говорить о низком уровне личного и системного доверия в белорусском обществе. Недоверие можно наблюдать как со стороны бизнеса, который не готов инвестировать в шеринговые проекты, так и со стороны значительного числа пользователей, критически относящихся к ценностям взаимопомощи, организации схем формирования доверия и контроля в процессах совместного доступа к пользования вещами. Всё это приводит к кризису ответственности по отношению к объектам совместного доступа. Отсутствие прямого личного контакта «совместных пользователей» или арендатора и арендодателя при использовании новых технологий – при очевидном удобстве, экономии ресурсов, времени и усилий – часто порождает проявление безответственного и девиантного поведения со стороны пользователей из-за иллюзии нехватки внешнего контроля.

Глобина Анна Константиновна
студент, 3 курс
Игнатъева Софья Валерьевна
аспирант, 2 курс

Санкт-Петербургский государственный университет

ТОПОНИМЫ (И НЕ ТОЛЬКО ОНИ), ДО КОТОРЫХ ДОВЕДЕТ НАС ЯЗЫК

С детства каждого человека упорно приучают, следить за самой бесхребетной частью тела, тем не менее, в наши дни значимость этого гиперболизирована, что создает обширное поле для анализа.

Вербализация репрезентует индивидам объективную общественную реальность. Так, посредством механизма актуализации информации определяются универсальные правила поведения; формулируются законодательные нормы; язык является ценнейшей единицей культурного наследия страны, общей интеллектуальной собственностью, краеугольным камнем цивилизации. Проблема осмысления языка как социокультурного перводвигателя на сегодняшний день активно обсуждается философами и этиками, филологами и лингвистами, политологами и юристами... Все культурные паттерны зашифрованы речевым скриптом и выражаются через речь, а, соответственно, и существуют за счет языкового пространства.

В современном информационном пространстве человек, особенно публичный, воспринимается в первую очередь как «лингволичность». Следовательно, нельзя игнорировать тот факт, что в некоторые языки закодирована социальная стратификация индивидов по ряду вариативных оснований, в том числе физико-генетических, социально-профессиональных и культурно-символических.

С другой стороны, приобретает острое звучание вопрос, где стремление не задеть моральные чувства другого агента коммуникации нарушает границы логики.

Уместно ли движущееся на гребне популярности введение феминитивов как искусственное вмешательство в язык (блогерка, проффесорка, врачесса и т.д.)?

Являюсь ли я антифеминисткой, если намеренно употребляю о себе «студент»?

Есть ли граница «оженствливания» языка (herstory, womyn etc.)?

Насколько точно возможно определить негативную или положительную коннотацию слова?

Что делать, если вербальный вызов современности не приживается в языке?

Так возникает необходимость проанализировать истоки и предпосылки возникновения конфликтной среды или языкового насилия, связанного с перманентной необходимостью корректировать вокабуляр под стандарты той или иной социальной группы. К слову, неоднократно выпускались словари политкорректных терминов.

Постоянная гонка за формирование нового, толерантного языка приводит к тому, что уже новые выражения попадают в категорию «нон-грата».

Да, нельзя ограничиваться лишь одной идентификацией личности, но в предельно дифинированных условиях представляется возможным возложить на себя эту «ответственность». Обществу не привыкать конструировать границы между людьми: спорт, бизнес, выбор партнера... Список сфер, устраивающих отбор по специфике и акцентирующих внимание на конкретном аспекте, бесконечно продолжителен. Действительно, для определенного типа интеракций требуется тот или иной типаж, иначе говоря, индивид с заданным набором характеристик.

В то же самое время важно понимать, что сегодня создается и ощущается острая потребность в искренности; чему немало способствуют передовые коммуникативные технологии, нещадно сокращающие времена на составление ответа коммуникативному агенту.

Эвфемизмы, черты которых ясно просматриваются в практиках толерантного общения, представляют собой как раз ту самую неискренность и требуют дополнительных временных ресурсов по подбору речевых оборотов.

Головков Владислав Владимирович

студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

РОБОТ КАК МОРАЛЬНЫЙ АГЕНТ

В настоящее время в условиях быстрого развития технологий каждый следующий день может породить новую, в том числе и этическую, проблему. Одной из таких потенциально проблемных сфер человеческой жизни является робототехника. В своём докладе я бы хотел подробнее рассмотреть вопрос о моральном агентстве машины, возможно ли подобное и, если да, то каким образом.

При рассмотрении данной проблемы я буду говорить о таких машинах, которые имеют как минимум возможность выбирать стратегию достижения поставленной цели. Наличие вариативности в действиях робота обязывает нас дать ему этическую базу. Вопрос о присвоении статуса морального агента роботу выходит из необходимости оснастить его этикой. Машины могут представлять угрозу даже своими рациональными суждениями, которые не всегда являются верными в контексте человеческого существования. С этой точки зрения, ограничение только лишь робоэтикой представляется опасным и недостаточным решением.

Если мы полагаем, что этика необходима роботам, то тогда возникает вопрос о том, какие этические принципы мы должны вложить в головы этих машин. Я бы хотел рассмотреть две этические системы, которые могли бы стать основой, базой морали машин. Это принцип гедонистического акта и теория *prima-facie* обязанностей.

Первый подход основывается на удовольствии или неудовольствии человека, которого затрагивает действие морального агента. Эта теория удобна в контексте машин тем, что она предполагает некоторую цифру по итогу оценивания поступка через три критерия: интенсивность удовольствия/неудовольствия (например, по шкале от 2 до -2, где 2 – наивысшее удовольствие, а -2 – наивысшее неудовольствие), продолжительность (в какой-либо единице времени, например, в днях) и вероятность, что это удовольствие/неудовольствие будет происходить для каждого возможного действия. Такая модель может быть достаточно просто формализована.

Второй подход предполагает, что существует семь *prima-facie* обязанностей, которым нужно стараться следовать, но которые могут быть отменены более сильными обязанностями. Данная теория хороша тем, что представляет более вариативную картину этики, нежели утилитаризм. У данного подхода есть и недостаток. Его автор, шот-

ландский философ Уильям Дэвид Росс, не проясняет, как действовать в ситуации, когда несколько таких обязанностей пересекаются, какая из них становится сильнее. Если мы примем одну из них за постоянно сильную, можем ли мы однозначно утверждать, что в каждой конкретной ситуации именно эта обязанность будет постоянно сильнее остальных?

На данный момент времени существующие роботы и искусственный интеллект не могут являться полноценными моральными агентами. Что же касается будущих машин, сказать что-то точно затруднительно, ведь не все разделяют позицию о возможности существования автономного искусственного интеллекта вообще. Чисто теоретически, мы понимаем, что концепт робота как морального агента имеет право на жизнь.

Горбачева Екатерина Сергеевна

магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ОЦЕНКА НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

НА ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛА РЕБЕНКА

Будущее генетики и репродуктивной науки если уже не наступило, то явно находится где-то рядом. Общество еще не решило морально этический вопрос с Экстракорпоральным оплодотворением (ЭКО). И как относиться к тому, что люди взяли под свою юрисдикцию области человеческой жизни, которые были подвластны только разве что природе и Богу. Даже, не затрагивая религиозный вопрос, этика не может игнорировать такие проблемы как разрушение традиционных семей (и ускорение этого процесса из-за внедрения процедуры в относительную доступность для общества) и удары по здоровью как будущих мам, так и их потомству.

Но тут уже новый научный прорыв от ученых из Университета Хиросимы, в частности работа велась под руководством Масаяки Шимады. Суть открытия заключается в том, что будущие родители смогут выбирать пол будущего малыша, без преуменьшения, в домашних условиях. Стоит отметить, что изначально открытие планировали применять в сельском хозяйстве, однако авторы исследования уже признали, что его можно использовать и для человека.

В основе способа лежит использование отличий X- и Y-хромосом. Тои есть ключевых элементов, которые определяют пол человека (у женщин это XX, у мужчин — XY). Среди почти 3 000 генов X-хромосомы ученым удалось найти 2 гена рецепторов — TLR7 и TLR8. Если активировать оба эти рецептора, вступает в реакцию целая цепочка сложных реакций, в результате которых сперматозоид теряет способность двигаться, так как ему на это не хватает энергии.

В итоге, можно заключить, что подобными манипуляциями можно «отключать» один из ведущих элементов, определяющих пол ребенка, а именно – сперматозоидов, что означает, и управлять полом будущего потомства (оба рецептора кодируются именно генами, находящимися на X-хромосоме и поэтому отсутствуют у «мужских» сперматозоидов). Иными словами, махинации имеет смысл предельно только с одним видом хромосом.

Ученые подтвердили, что провести подобную процедуру предоставляется возможным и домашних условиях, если ресиквимод или его аналог поместить во влагилице. При этом рассматривается возможность воздействия на организм и другими, популярными в аптеках препаратами.

Способы повлиять на пол будущего ребенка уже были, однако они не были доступны каждому из-за своей стоимости и предполагали свое применение в рамках процедуры

ЭКО. Теперь же это становится доступным каждому и врачи как связующее звено, выпадают из этой цепочки.

К чему это может привести? Чего боится научное сообщество, которое запретило подобные исследования? Это принудительная попытка остановить развитие науки и сохранить консервативный уклад экономической составляющей репродуктивной сферы, которая ставится под удар или всё же попытка спасти государства и нации от демографического дисбаланса?

Грачева Мария Витальевна

аспирант, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЮМОРА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Феномен юмора – невероятно важный элемент социальной жизни. Вместе с изменением общества, его традиций, норм и моральных установок, происходила также трансформация юмора. Данный феномен является не только отражением культуры, но и отображением моральных ценностей, заданных социумом.

Феномен юмора преобразовывался на протяжении всей истории человечества, переживая те же «взлеты» и «падения», что и общество, отражая животрепещущие проблемы и социальные потрясения. Юмор прошел путь от грубого, приземленного и телесного до абсурдного и остросоциального.

В процессе трансформации предельной точкой феномена юмора становится юмор абсурда, возникший на волне потрясений после Второй мировой войны. Истоком данного направления был черный юмор, появившийся раньше, в начале XX века. И так же, как и абсурд, черный юмор был попыткой взглянуть на смерть и страх сквозь призму комического, зачастую доходящего до цинизма. Это было выражением максимального отчаяния, когда смысл теряет все, даже сама жизнь. Абсурд же стал неким абсолютным отрицанием здравого смысла.

Казалось бы, после того, как был опровергнут смысл как таковой, феномену юмора остается лишь циклично повторяться, возвращаясь к более ранним своим формам и обратно. Подобная тенденция в принципе прослеживается в современном обществе.

Однако, юмор выходит в цифровое пространство. И преобразуется по законам информационного общества. При этом он начинает генерировать и совмещать свои разнообразные формы и проявления. Появляются новые способы выражения юмора, такие как «мем». Прослеживается тенденция упрощения подачи информации, но, тем не менее, не упрощения самой информации. В пространстве Интернета сосуществуют и грубые формы юмора, и сложные абсурдистские (порой даже одновременно).

Но в том числе появляются новые моральные вопросы. Одной из главных проблем становится вопрос о том, как именно возможна этическая экспертиза юмора в информационном пространстве, и возможна ли она вообще. Проблемой является и само определение предмета этической экспертизы в информационном пространстве в сфере комического. Открытым остается вопрос, что именно должно быть объектом этической оценки: шутка сама по себе или реакция, которую она вызывает?

Другим важным вопросом, связанным с предыдущей проблемой, становится разделение индивидуального и общественного. Проблема публичного и частного, его разграничения и защиты в информационном поле тесно связана с Интернетом, так как именно данный источник информации убирает границы между индивидуальным и общественным. В сфере комического это иллюстрируется обычным примером того, как чей-то неудачный или неуклюжий поступок, попадая в Интернет становится общедоступной шуткой, порой невзирая ни на контекст происходящего, ни на чувства че-

ловека, ни на приватность информации. Поэтому вопрос о том, возможна ли защита личного в цифровом пространстве, является одним из самых актуальных, в том числе, и в контексте юмора.

Именно юмор оказывается одной из более сложных и неоднозначных сфер в контексте информационного пространства и проблемы приватного и публичного, так как является одним из востребованных, популярных, и в то же время уязвимых направлений. С этим связана необходимость его подробного анализа.

Давлетшина Гульназ Гафуровна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Почти полвека назад французский социолог и культуролог Жан Бодрийяр критиковал существующее общество потребления в своей одноименной книге. Он предвосхищал неизбежную катастрофу, обвиняя массовую культуру в превращении всего вокруг в знаки и демонстрации. Насколько актуально комментировать данную ситуацию в условиях современного общества? В век, когда информация и технологии заполняют нашу повседневность, кажется, что все это является неотъемлемой частью жизни любого человека. Мы вряд ли можем представить свою жизнь без всевозможных гаджетов и отказаться от нескончаемого предложения со стороны вездесущей рекламы. Вопрос в том, задумываемся ли мы об этической стороне форм и средств потребления?

На сегодняшний день потребление включает в себя все сферы жизни: товары, услуги, отношения, науку, культуру. Любой феномен и любая вещь способна так или иначе приобретать свойство потребляемой вещи. Всё вокруг теряет свою изначальную функцию и сущность, перевоплощаясь в знак престижа и демонстрацию социального статуса человека.

Насколько верно говорить, что человек в условиях нескончаемого прогресса и развития новых технологий, удовлетворяет свои собственные естественные потребности, а не навязанные ему с помощью манипуляций и знаков со стороны рекламы? Стоит отметить, что для манипуляции используются самые различные способы. Так, еще в 1970-е годы Бодрийяр задавался вопросом: в чем причина чрезвычайного оживления тем тела и секса в продвижении товаров и услуг? К сожалению, актуальность данной темы все еще не угасает. В современных реалиях мы повсеместно видим баннеры с изображением обнаженного женского тела. Реклама, словно гимн общества потребления, продолжает использовать тело и красоту, как способ для успешной торговли. Отсюда следует вопрос, который тревожил умы философов еще в двадцатом столетии: свидетельствует ли культ тела о том, что место души и человечности заняли физиологические характеристики?

Есть мнение, что в обществе потребления исчезают нравственность и этичность. Большинство представителей левых так или иначе ругали капитализм за его беспощадную систему. Так, например, Герберт Маркузе был убежден, что развитие техники неблагоприятно влияет на человеческую жизнь, формируя так называемого «одномерного человека» – представителя капиталистического общества. Именно такой тип человека легко поддается манипуляциям потребления. В таких условиях можно говорить о разрушении истинных потребностей и возникновении ложного гедонизма. Возможность неумеренного потребления может помешать нам понять истинную сущность счастья и удовольствия. В данном случае интересно еще раз обратиться к Бодрийяру, а точнее к его концепции о проблеме усталости как следствие общества потребления. После преодоления голода и нехватки вещей приходит усталость, которая не является пассивностью, а наоборот представляет собой единственную форму ак-

тивности. Уставший человек противостоит условиям принуждения со стороны капитализма. Настоящая пассивность заключается в согласии соответствовать системе. Общество, в котором мы живем, представляет собой не только состояние вечного прогресса, но и бесконечный поток конкуренции, стресса и напряжений. В этом обществе распространяется то, что не перестает вызывать противоречивые вопросы: эксплуатация женского образа и тела, давление конкурентноспособного окружения, требование постоянно быть в курсе чего бы то ни было. Подобные условия заставляют смещать ракурс актуальности в сторону этической проблемы в рамках общества потребления.

Данилкина Дарья Сергеевна

аспирант, 3 курс, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ВОПРОСЫ НЕЙРОЭТИКИ В РАМКАХ ПРОЕКТА «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МОЗГ»

В связи с появлением глобальных проектов по изучению мозга, одной из приоритетных задач является решение вопроса о выявлении и устранении этических, социальных проблем в ходе нейробиологических исследований, также масштабность проекта предполагает совместное стремление к этической допустимости таких исследований, что обуславливает необходимость появления подпроекта «Этика и общество», задачами которого является этический, социальный и философский анализ исследований данных мегапроектов, а также разработка ряда подходов к проблемам, возникающих в ходе таких исследований, что, в свою очередь, способствует формированию комплексного представления. Для этого группой нейробиологов и нейроэтиков было определено пять основных вопросов нейроэтики, которые необходимы для рассмотрения в семи действующих центрах, работающих в области исследования мозга на национальном уровне (Австралия, Канада, ЕС, Япония, Корея, США, Китай): 1) роль влияния нейронаучного описания болезни на отдельных людей, сообщество и общество 2) этические стандарты биоматериала и сбора данных, соотношение местных и глобальных стандартов 3) моральное значение нейронных систем, разрабатываемых в нейробиологических лабораториях 4) как влияют вмешательства в головной мозг на автономию 5) в каком контекст могут быть использованы нейронаучные технологии. Особый интерес представляет вопросы об экономической, правовой и социальной ответственности за последствия вмешательств в мозг, которые способны изменить личность, поведение, свободу действий и т.д., о связи прогнозирования заболевания головного мозга с переосмыслением жизненного пути и т.д.. Поднятые проблемы и вопросы также предполагают, что для построения более глобальной и культурно-ориентированной нейроэтики, нужно учитывать три аспекта: большая инклюзивность, которая подразумевает участие большого числа представителей из разных стран и обсуждение более широких вопросов, например, вопросов о справедливости; такой аспект как образование связан с небольшим числом формальных учебных пособий по нейроэтике, а также с отсутствием формального образования по профилю этики и нейроэтики; политика и общественная коммуникация предполагает постоянное осведомление общественности об изменениях в научной среде, для чего необходимо создание диалога между учеными и общественностью. Действительно, изучение таких вопросов необходимо для прогнозирования отрицательных последствий экспериментов, для предотвращения различного рода конфликтов и т.д. В данной связи, ученые предлагают подход, который основан на междисциплинарном сотрудничестве между исследователями с использованием эмпирических методов для оценки общественного мнения. Также большое внимание уделяется вопросу об осторожности при оценке культурных перспектив (учитывая глобальность

проектов) во избежание появления стереотипов. Однако, стоит, отметить, что в условиях быстрого развития наук и появления новых задач, прийти к общему решению практически не представляется возможным.

Демидова Вера Константиновна

студент, 3 курс, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

ЦИФРОВОЕ ПРАВО. ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На сегодняшний день, если верить статистике в отчетах We are Social и Hootsuite, то на момент 2019 г. аудитория интернета насчитывает 4,39 миллиарда человек. В социальных сетях зарегистрировано 3,48 миллиардов пользователей. За последний год сохранилась тенденция прироста аудитории в сети. В среднем люди находятся онлайн в течение 6 часов и 42 минут каждый день, из чего следует, что интернет, на данный момент, объединяет весь мир, соответственно у большинства пользователей появляется новый объект гражданских прав – цифровые права.

Распространенное толкование гласит, что цифровые права, понимаются как вид прав человека, заключающееся в праве людей на создание и использование цифровых произведений, доступ к компьютерам и коммуникационным сетям и т.д. Также, цифровые права можно толковать как универсальные права человека, адаптированные к условиям быстро развивающегося информационного общества, в частности, право на неприкосновенность частной жизни, право на обмен информацией, право доступа к электронной сети, на свободное выражение мнения в сети. Рассматривая цифровые права с этической точки зрения, то оно является положительным явлением, так как это еще один путь для предмета исследования этики как таковой – морали и нравственности. Люди, зарегистрированные в социальных сетях, склонны проявлять свои как положительные, так и отрицательные стороны и последние преследуемы по закону, например экстремистские записи. Цифровые права призваны дать больше возможностей для реализации уже существующих прав человека – права на свободу мысли и слова, на неприкосновенность частной жизни.

Каждый имеет право на свободу слова, но на современном этапе развития общества, мы видим, что на постиндустриальном этапе, где, казалось бы, свобода должна быть возведена в ранг гарантированного принципа, принимаются решения и законы, которые противоречат естественным правам человека. Например, российские правоохранительные органы не считают, что ключи шифрования относятся к тайне связи, и они ни в коем случае не задевают право тайны переписки. По их мнению, они не подлежат охране. По моему глубокому убеждению, это не этично и является проявлением безнравственности и неуважения по отношению к современному обществу. Хотя и современная нравственность субъективна и может не иметь место в моральных принципах большинства людей, но существует одно из главных, неопровержимых правил морали: «Живи, как знаешь, и не суйся в чужую жизнь, если не просят».

Демин Ростислав Николаевич

Русская христианская гуманитарная академия

старший преподаватель

УЧЕНИЕ СОКРАТА О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «КЛИТОФОНТ»

РФФИ №18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре»

«Клитофонт» представляет собой одно из самых кратких сочинений Платоновского корпуса. Существуют различные точки зрения на данное сочинение, как по вопросу

его подлинности, так и цели. Ряд авторов, начиная с Марсилио Фичино, высказывает сомнения в подлинности сочинения. Среди обращающихся к нему получили распространение следующие мнения: это незаконченное произведение, это пародия на такой жанр философской литературы как протрептик, это введение к сочинению Платона «Государство».

Философ и астролог Трасилл, издавший сочинения Платона, разделил их по тетралогиям. В восьмую тетралогию он поместил диалоги «Клитофонт», «Государство», «Тимей» и «Критий». Диалог «Клитофонт» Трасилл характеризовал как этический. Содержанием диалога является разговор малоизвестного софиста Клитофонта, близкого к знаменитому софисту Фрасимаху, и Сократа. Затрагивается вопрос об определении справедливости. Клитофонт выступает с критикой позиции Сократа, призывающего к добродетели, но не дающего точных дефиниций этических понятий, и высказывает в связи с этим намерение более тесно общаться с Фрасимахом.

В выступлении затрагивается проблема правомерности упреков Клитофонта Сократу. Критика Клитофонтом Сократа определяется как результат приведения Сократом Клитофонта к апории. Вопрос о смысле молчания Сократа (в ответ на обвинения) в данном диалоге анализируется в контексте молчания Клитофонта в «Государстве». Рассматривается данное в сочинении описание применения майевтики Сократа Клитофонтом в беседах с учениками (друзьями) Сократа в поисках определения этических понятий. Анализируются ответы учеников Сократа на вопрос, что является плодом изучения искусства справедливости. Высказывается предположение о том, с кем именно из учеников Сократа мог беседовать Клитофонт.

Обращается внимание на этическое содержание речей Сократа в пересказе Клитофонта и связь этого содержания с другими диалогами Платона. Рассматривается предположение, что «Клитофонт» – это своего рода отклик на так называемое «Прото-Государство», текст первоначально, как предполагают, представлявший собой отдельный диалог под названием «Фрасимах» или «О справедливом». Обсуждается вопрос о возможном авторе этого сочинения. Подвергается критике интерпретация сочинения как содержащего скрытую критику Антисфена. Рассматривается обоснование предположения, что данное сочинение, необычно критичное по отношению к Сократу, может быть своего рода апологией Клитофонта.

Держивицкий Евгений Викторович
кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«ЗЕЛЁНЫЕ» ТЕХНОЛОГИИ И ГОЛУБЫЕ МЕТЧЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ

В начале XXI века проблема защиты окружающей среды стала осознаваться мировым сообществом не только как глобальная, но и требующая срочных мер для ограничения негативного антропогенного воздействия на природу. В первую очередь это стало очевидным для индустриально развитых стран, которые либо в индивидуальном порядке, вроде Швейцарии или Японии, либо в составе региональных организаций, вроде Евросоюза начали предпринимать действенные меры. В современной Европе, пожалуй, дальше всех продвинулась Германия, которая еще к концу XX в. свернула свою программу развития атомной энергии, а 2030 г. взяла на себя обязательство полностью отказаться от использования на территории страны автомобилей с двигателями внутреннего сгорания. Несмотря на то, что автомобилестроение относится к числу наиболее развитых отраслей промышленности ФРГ, занимая первое место (около 15%) в суммарном обороте отраслей промышленности страны, большинство в немец-

ком общественном мнении согласны пойти на рискованные перемены ради выполнения требований экологов. В немалой степени это стало результатом коалиционного соглашения, которое удалось достичь после выборов в Бундестаг в сентябре 2017 г., когда Ангеле Меркель, для того чтобы сформировать правительство, пришлось пойти на серьезные уступки в отношении потенциальных союзников из Партии зеленых. Однако выполнение этого требования, по прогнозам экспертов, может оказаться преждевременным и даже вредным ввиду того, что «экологический баланс» электромобилей в настоящее время проигрывает автомобилям с ДВС, небольшие выбросы CO² которых в атмосферу после ужесточения нормативов на содержание вредных веществ в бензине наносят окружающей среде несравненно меньший ущерб, чем производство аккумуляторов, весьма энергозатратном и сопровождаемое большим образованием диоксида угля. Эта и другие проблемы, связанные с использованием «зеленых» технологий активно обсуждаются в немецком обществе, несмотря на тот факт, что среди «зеленых» есть не только системные активисты, опирающиеся на поддержку избирателей (уровень таковой у Партии зеленых в настоящее время составляет около 20%), но и те, кто, подобно движениям Attas или Sand im Getriebe (песок в коробку передач) готовы действовать не только легально. Очевидно, что задаваемый последними уровень эмоциональности на грани нетерпимости создает немало проблем как для немецкого этического дискурса, так и для других обществ, воспринимающих основные темы его социальной коммуникации.

Джабраилов Руслан Ильгарович

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

«ПЛАГИАТ» В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКИ

Современное образование в Российской Федерации на всех этапах постоянно сталкивается с проблемой, которую мы знаем как «плагиат». Обсуждению этой однозначной (на первый взгляд) проблеме и будет посвящён доклад. Прежде чем перейти к обсуждению «плагиата» как такового, необходимо определиться с тем, что мы понимаем под «цифровым обществом», а иначе разговор даже вне контекста доклада сможет спокойно стать примером «переливания из пустого в порожнее». Ответом на вопрос о том, что же такое это общество цифры (или цифровое общество, – это кому как нравится), станут два определения. Первое определение будет дано Дэниел Бэллом – социологом, покинувшем нас 8 лет назад (он умер в 2011 году). Обратимся к его книге «Грядущее постиндустриальное общество» (книга была написана в 1973 году, задолго до так называемой «цифровой эпохи», в которой мы сейчас находимся). Белл писал, что постиндустриальное общество (начало последующего «цифрового общества» – это то общество, где под термином «постиндустриальный» имеется в виду не общественный уклад людей, в котором человек будет вытеснен из процесса производства, а общество, где индустриальный сектор потеряет свою ведущую роль под воздействием возрастающей технологизации, где основной производственной силой станет наука, потенциал же всякого общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает. И что же мы видим теперь? Производство, распределение благ, сравнение темпов развития и другие количественные показатели, которые анализируются преимущественно в сфере экономики и социологии, становятся злободневными и для философии. Хочется также процитировать предисловие самого Белла к вышеупомянутой книге в 1976 году: «Постиндустриальное общество... не замещает индустриальное, так же как индустриальное общество не ликвидирует аграрный сектор экономики. Подобно тому, как на древние фрески в последующие

эпохи накладываются новые и новые изображения, более поздние общественные явления накладываются на предыдущие слои, стирая некоторые черты и наращивая ткань общества как единого целого». Одно не отменяет другое, постиндустриальное живёт в индустриальном, как цифровое живёт в постиндустриальном. Логика здесь весьма наглядная.

Говоря же об определении автора этого доклада, надо отметить, что напора на историзм не будет (о грядущем уже говорят как о наступившем). Цифровое общество – это общество синергетическое, которое самоорганизуется путём регуляции информации. Синергетика как метод и наука занимается изучением эволюции и анализом систем открытого типа с нелинейными обратными связями. Вот эти открытые системы как раз и имеют доступ к внешним источникам информации (но не исчерпывается только ей). И здесь на сцену выходит плагиат. В современном мире понятие плагиат весьма размыто и очень притянута за уши. Желание измерить философию процентами и так называемыми «цитированиями», – это то же самое, что высасывать науку из пальца. Особенно сильно от этого страдают люди, которые занимаются написанием любого вида письменных работ в сфере гуманитаристики. Вот о таких с виду простых проблемах автор доклада и расскажет в контексте цифрового общества.

Долоцкая Наталья Алексеевна

аспирант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ И ОПРАВДАНИЕ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Вопрос дифференциации моральной легитимации и оправдания не является широко обсуждаемым в рамках этической теории, что, однако не умаляет его важности. В контексте рассмотрения проблемы насилия (а именно разграничения концептов власти и насилия), в одноименном произведении Ханны Арендт можно встретить несколько коротких замечаний относительно разграничения данных понятий. Так, власть, которая никогда не принадлежит одному, а является некоторым согласованным широким кругом лиц делегированием полномочий конкретному лицу, не нуждается в оправдании, поскольку «составляет неотъемлемый элемент самого существования политических сообществ». Властная структура сама по себе является тем дискурсивным полем, которое задает координаты для действий индивидов в категориальном дуализме «цель-средства». Но данная позиция не отрицает необходимости в легитимации.

Ключевым моментом проходных замечаний Х.Арендт относительно легитимности является собственно разграничение понятий легитимности и оправдания. Если легитимность для своего подтверждения апеллирует к прошлому, то оправдание обращается к будущим целям. На основании этого автором делается вывод о том, что насилие может быть оправдано (в качестве примера приводится использование насилия при самообороне), но не может быть легитимным.

Различие логик апелляций к прошлому и будущему заключается для Арендт в тесной связи между парами власть-легитимность и насилие-оправдание. Если власть, становится легитимной на основании некоторого «мифического» согласия в прошлом, то насилие оценивается (и соответственно оправдывается) на основании собственной цели. Но спорным моментом, существенно влияющим на возможность легитимации насилия, является приписывание данному концепту исключительно инструментального значения, что может быть поставлено под сомнение ссылкой на коммуникативную составляющую данного феномена.

В «О революции» Х.Арендт также определяет власть как то, что возникает вследствие объединения людей вместе для достижения цели Действия (action). Чтобы быть силой

(force) в политике власть нуждается в институализации. Так, текущие политические структуры (такие как закон, полиция, представители правительства) могут считаться легитимными благодаря ссылке на прошлое в виде “первичного согласия” (founding promises). И таким образом, сама процедура легитимации выглядит как оценка соответствия текущего состояния (воплощения) того или иного института принципам, которые институализируют публичную власть. Только действие, моральная ценность которого находится под вопросом, может требовать оправдания. Именно поэтому власть не нуждается в оправдании. Насилие также не может быть легитимировано и, следовательно, обращаться к прошлому, поскольку насилие всегда предполагает некоторый разрыв: разрыв настоящего и прошлого. В то время как один из случаев легитимации укрепляет легитимации других институтов, оправдание в случае насилия каждый раз должно рассматриваться в качестве отдельного автономного кейса. Власть, структурированная собственными институтами, может быть понята и в контексте правоподдерживающего и правоустанавливающего насилия М.Вебера, где последнее также означает некоторый разрыв, блокирующий возможность легитимации. В теории данного автора правители признаются легитимными на основании того, что подданные принимают их господствующую позицию, что демонстрирует некоторую солидарность с позицией Х.Арендт, как первоначального объединения, но не учитывает возможность смещения господствующей фигуры.

Дробышева Анастасия Владимировна

аспирант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ИЗМЕНЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ПОКОЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Глобальные изменения, происходившие с рубежа 80-х – 90-х гг. XX в. в России, сопровождались социокультурной трансформацией российского общества, выразившейся, в том числе, в существенных сдвигах в нравственном сознании поколений. Изменения в нравственном сознании поколений могут быть охарактеризованы путем изучения соотношения традиционных и новых элементов, отражающихся в его структурах – нравственных ценностях, нравственных установках, нравственных оценках и нравственных качествах.

Под элементами традиционной морали мы понимаем характеристики нравственного сознания, сложившиеся в советский период развития российского общества и сохраняющиеся в постсоветский период. В качестве элементов новой морали выступают характеристики нравственного сознания, получившие широкое распространение в результате проведения радикальных реформ 90-х годов XX века.

Вопрос о соотношении традиционных и новых элементов в современном (постсоветском) российском обществе решается отечественными исследователями по-разному. Одни из них акцентируют свое внимание на произошедшем, по их мнению, в постсоветский период резком надломе преемственности поколений, конфликте или противостоянии поколений. Другие же обращают особое внимание на отсутствие разрыва поколений, на продолжение диалога и преемственности поколений.

Анализ динамики структур нравственного сознания, проведенный на основе материалов Всемирного исследования ценностей (1990 и 2011 гг.) и Европейского социального исследования (2006 и 2016 гг.), позволил прийти к выводу, что на протяжении постсоветского периода у всех поколений продолжают сосуществовать и взаимодействовать элементы традиционной и новой морали, между поколениями сохраняется преемственность, выражающаяся в постепенном смещении ценностных приоритетов. С одной стороны, младшее поколение, ориентируясь преимущественно на элементы

новой морали, в большей мере, чем раньше, придает значение элементам традиционной морали. С другой стороны, старшее и среднее поколения, напротив, корректируют свои ценностные представления в пользу большей, чем раньше, ориентации на элементы новой морали. Преемственность поколений заключается не только в том, что младшее поколение перенимает некоторые элементы у старшего. Старшее и среднее поколения частично пересматривают традиционные ценности, в большей степени, чем раньше, ориентируясь на новые ценности. Это способствует диалогу между поколениями, взаимопониманию между ними и более осознанному восприятию молодым поколением традиционных ценностей.

Проведенный анализ показывает, что с начала современного, постсоветского периода, поколения в России, возможно, в значительной мере неосознанно, движутся навстречу друг другу, в определенной степени сближаются друг с другом по своим ценностям и установкам. Это свидетельствует о постепенном движении российского общества к достижению нового социокультурного баланса, который обуславливается сочетанием и активным взаимодействием традиционных и новых элементов нравственного сознания у всех поколений.

Дрозденко Арсений Владимирович

студент, 2 курс, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им.Н.Г.Чернышевского

ЭТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ "ОБЩЕСТВА РИСКА"

В данном докладе нам хотелось бы обратить внимание на несколько парадоксов, вытекающих из принятия широко распространенной в современной гуманитарной мысли т.н. «концепции общества риска». При этом мы не претендуем на полноту перечня выявляемых парадоксов, однако следующие нам кажутся наиболее существенными:

- Бек пишет о переходе от "общества консолидации нужды" (классового) к "обществу консолидации страха" (риска), так же требует распространения знаний о рисках. Если принять эти положение и требование, то при принятии политических решений политикам будет проще спекулировать этой тематикой и под предлогом охраны от рисков ужесточать контроль за обществом, тот "Паноптикум" в такой ситуации достигнет своей полной силы. Однако, Ульрих Бек как будто этого не замечает.
- Сомнительным выглядит требование, чтобы утверждения и предсказания учёных, занятых естественными науками, обладали такой же политической ответственностью, как и занятых социальными науками. Вообще требование практической пользы от всех наук из-за возросших опасностей начисто уничтожает изначальный умозрительный характер науки. Наука, решающая только насущные проблемы общества, неспособна к существованию.
- Утверждается необходимость слияния естественных и социальных наук не только по общности ответственности, но и "невозможности мыслить природу отдельно от общества". Такая ситуация возникает сейчас, когда природа мыслится "больной", такой же, как и общество, поэтому их и нельзя более разделять. Человек в "обществе риска" больше не видит превосходство Природы, а считает себя покорителем её, более того, думает, что может Ей помочь.
- При возросшей "институционализации" растёт и зависимость каждой сферы жизни общества от права. Во-первых, становится невозможно моральное суждения, т.к. всё по идее должно быть прописано в праве, к которому надо обращаться как к некому Первоначалу. Во-вторых, становится практически невозможным то творчество, в широком смысле производство контркультуры, которое вырывает людей из обы-

денной жизни, комфорта "перед телевизором" (пример Бека). В обществе "невротиков", революционер и художник мыслятся одинаково – врагами общества.

Еременко Татьяна Вадимовна

доктор педагогических наук, профессор

Рязанский государственный университет им.С.А.Есенина

МУЖЕСТВО КАК ЦЕННОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЭТИКИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

РФФИ №19-013-00108

Мужество – «этическая добродетель, характеризующая нравственную меру в преодолении страха; одна из четырех кардинальных добродетелей античности наряду с умеренностью, мудростью и справедливостью» [1]. Толкованию мужества как ценности академической этики наиболее близка точка зрения И. Канта, который определяет мужество как способность «отваживаться на то, что велит долг», считая, что есть опасности, для преодоления которых нужно больше мужества, чем для поединка в бою (например, страх насмешки) [1]. Именно в таком значении характеризуется мужество как академическая ценность в буклете Международного центра академической честности Клемсонского университета, США [4]. Чтобы академические ценности являлись подлинной основой для повседневной жизни вуза, их недостаточно провозглашать. Их нужно отстаивать, в ряде случаев преодолевая давление и страх, что требует именно мужества [4]. В терминологии «Бухарестской декларации этических ценностей и принципов высшего образования в Европе» мужеству по смыслу соответствует прямота как ценность добросовестного академического сообщества [2].

Понимая, что мужество – это более качество личности нежели чем ценностная ориентация, тем не менее укажем, что вузовская среда способна поддержать и развить в студентах мужество в контексте формирования академической этики. Ключевым фактором является создание в вузе благоприятных условий для проявления мужества как преподавателями, так и студентами в их стремлении поддерживать академические стандарты. Поступки, в которых проявляется смелость в защите академической честности при выполнении и оценке учебных и научных работ, в таких условиях становятся образцами для подражания. Принципиальное значение имеет наличие в вузе системы эффективного контроля за соблюдением норм академической добросовестности, т.к. действенные механизмы этического регулирования культивируют в вузе ценности академической этики.

К сожалению, полученные в ходе проведения фокус-групп со студентами-магистрантами Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина данные свидетельствуют о низкой значимости ценности мужества для российских студентов как ориентира поведения в вузе. Фокус-группы, организованные в феврале – мае 2019 г., имели цель выявить спектр мнений по вопросу о том, каковы ценностные ориентации современных российских студентов при работе с информацией в процессе обучения (подробно результаты анализа представлены в статье Еременко Т.В. и Мартишиной Н.В. [3]). Всего в работе фокус-групп приняли участие 53 студента. Характерно, что практически все участники отметили, что, даже зная о нечестности при выполнении письменных работ или подготовке экзаменационных ответов, они не станут сообщать о таких нарушениях преподавателю. Нескольким студентам в частном порядке признались преподавателю-модератору, что «испытывают радость и удовлетворение, когда такой обман открывается», но добавили, что «самый хороший вариант, когда преподаватель сам увидел или догадался». Показательно и такое высказывание: «ответы своих товарищей на занятиях студенты не могут объективно оценить

скорее всего из-за личных взаимоотношений, не пытаются задавать острые вопросы по теме ответа».

В целом этическая напряженность в поле мужества как академической ценности современных российских студентов делает этот комплекс вопросов потенциально интересным для дальнейшего анализа.

Литература

1. Альтернативный философский словарь. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/альтернативный-философский-словарь/мужество> (дата обращения: 04.09.2019).
2. Бухарестская декларация этических ценностей и принципов высшего образования в Европе. 10 авг. 2005 г. / ЮНЕСКО-СЕПЕС. URL: <https://pandia.ru/text/80/287/48642.php> (дата обращения: 04.09.2019).
3. Еременко Т.В., Мартишина Н.В. Ценностные ориентации информационного поведения российских студентов в аспекте академической этики (в печати).
4. The Fundamental Values of Academic Integrity / International Center for Academic Integrity; T. Fishman, Editor. Second Edition. 2014. URL: <https://academicintegrity.org/wp-content/uploads/2017/12/Fundamental-Values-2014.pdf> (дата обращения: 04.09.2019).

Захарова Анастасия Антоновна

студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧНО ЛИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПЛАТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В ШКОЛЕ?

Современная российская школа без сомнений является местом, где существует целый букет ценностных конфликтов на различные темы и среди нескольких поколений. Но в последнее время к противоречиям по поводу выставления оценок, поведения учеников на уроках, целесообразности введения новых предметов и экзаменов прибавляется вопрос об обязательно-оплачиваемых услугах, предоставляемых со стороны школы (которая в данном случае включает в себя и учителей, и администрацию учебного заведения). Обычного бесплатного образования, предоставляемого школой для семей, становится в наши дни недостаточно для подавляющего большинства детей, чтобы успешно сдать экзамены и поступить в высшие учебные заведения, а иногда, и чтобы получить приемлемые знания и оценки в журнале. Школы организуют различные курсы и элективы для подготовки к ОГЭ и ЕГЭ, за посещение которых родителям приходится платить деньги. Закона, по которому школьники обязаны ходить на такие занятия, конечно, не существует, но тем не менее посещение крайне желательно. К таким курсам в школе часто прибавляются персональные занятия с репетитором, в роли которых преимущественно выступают учителя. Такие частные уроки пользуются популярностью не только среди выпускников девятых и одиннадцатых классов, но и среди других ребят, которые хотят узнать больше по определенным предметам или для которых информации, полученной на школьных уроках, недостаточно для усвоения материала и, как следствие, хороших оценок.

Суммарно за год дополнительные уроки в школах и с репетиторами составляют очень приличную сумму, причём не только в крупных городах. Получается, что за последние годы сформировалась тенденция «доплачивания» не за уникальную информацию, которую невозможно получить в обычной школе, а за естественные знания, которые по законам нашей страны должны предоставляться на безвозмездной основе и в равной мере для всех граждан. Некоторые семьи принимают такой ход событий и записываются на дополнительные занятия заранее, а некоторые пытаются справляться

своими силами и брать максимум от того бесплатного, что есть в школьном образовании. В связи с такой тенденцией встаёт множество вопросов о том, насколько сложившаяся ситуация этична и приемлема, почему так происходит, можно ли каким-то образом это изменить и нужно ли это менять, или же мы наблюдаем стандартное проявление современного мира.

Захарова Лидия Борисовна

кандидат биологических наук, доцент

Ковалева Татьяна Викторовна

кандидат философских наук, доцент

Парийская Елена Николаевна

кандидат биологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ПРИНЦИП ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧЕНОГО РФФИ №18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

Соглашаясь с характеристикой постиндустриального современного общества известного социолога Д. Белла, необходимо отметить изменение роли ученого в научной и профессиональной картинах мира и его значимости для общества. Ученый – профессия, которая подчиняется этическим кодексам и нормам. Общество применяет к ученым один принцип – «честность», как достоверность результатов исследования. Тенденция в науке второй половины XX в. – стремление к синтезу знаний, полученных в рамках отдельных научных дисциплин и их научная и профессиональная интеграция из одной области в другую. Такой процесс привел к кризису экспертной деятельности, поскольку потребовал от эксперта знаний в нескольких разных областях. Теперь стало необходимо профессионально разбираться, например, не только в биологии, медицине, но и одновременно в этике, философии, культуре и антропологии. Овладение диаметрально противоположными знаниями и объединение взглядов представителей разных направлений в науке оказалось обоюдно трудной задачей. Поскольку все знать невозможно, а увеличение спектра взглядов на одну и ту же проблему – сложная задача, осуществимая далеко не каждым ученым, то появились сомнения в компетентности ученых, работающих в междисциплинарных сферах. Другая сторона проблемы возникла в стремлении профессиональной этики найти способы объективной оценки экспертизы того или иного ученого, который работает над выявлением новых реалий или рассматривает текущее явление в перспективном ключе. Объем материалов, изученных с точки зрения одной науки, сегодня превышает допустимые нормы. Науки, направленные на менеджмент, предложили вариант осуществления объективной оценки через содействие независимых экспертов, которые далеки от сферы определенной научной разработки. Это привело к появлению поляризации оценки суждения, где данный эксперт, плохо понимая суть проблемы, дает резко критическую оценку исследованию или же встает на соглашательскую позицию, позволяя появляться псевдонавым идеям и теориям. В связи с усилением роли СМИ и Интернета в нашей жизни научными открытиями заинтересовались журналисты, которые оценивают деятельность ученых, исходя из сформировавшегося профессионального видения. Нацеленность масс медиа на досуг и развлечения общества, заставляет журналистику адаптировать науку под нужды и ожидания общества. В результате их экспертной деятельности адаптированная информация приобретает условно правдивый характер, не проходит этическую и научную экспертизу со стороны работающих в этой области профессионалов. Игнорирование данной проблемы приводит к появлению ложной информации, выстраиванию искаженных стереотипов и появлению ненаучных теорий, которые распространяются не только в одном обществе, но

под воздействием глобализационных процессов охватывают весь мир. Чем популярнее та или иная область науки, тем чаще в ней появляются заблуждения и ложная информация. Современное виртуальное пространство изобилует экспертами в области медицины или биологии, которые проводят консультации, дают советы, не отвечая за последствия применения их рекомендаций. Безличность дающего информацию приводит к нивелированию понимания ответственности эксперта за свою работу. Даже, если и провести экспертизу представленной информации, это фактически не даст никакого результата, ведь виртуальный эксперт уже имеет статус «божественности», поэтому остается лишь верить в его абсолют или отвергать его и искать новый. Свобода и вседозволенность позволяет всем жителям виртуального мира при желании претендовать на научный статус и опыт в этом секторе жизни. Таким образом, формирование стереотипов и идеалов пока полностью лежит на плечах представителей СМИ, которые формируя общественное мнение, способны обратиться намеренно или нет искаженную информацию во имя политических требований, социальной стабильности и прочих нужд.

Зеленкина Анна Андреевна

студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ ЭТИКЕ

Этическое лидерство становится необходимым компонентом в современном обществе. Если раньше в обязанности руководителя входили лишь должностные полномочия, подразумевающие контроль, планирование и организацию деятельности своих подчиненных, то с недавнего момента важным обстоятельством является и поддержание внутренней культуры компании. Прежде руководитель, считая свое мнение единственно правильным, принимал единоличные решения, не руководствуясь предложениями своих подчиненных, что говорит о непрофессионализме человека и его некомпетентности. Помимо этого, проблемой был и акцент руководящего лица на один компонент – или на взаимоотношения между коллегами, или на достижение целей. В таком случае возникала ситуация нарушения системы, что приводило к конфликтам. Подобное положение дел в компании и сейчас является нередким явлением. Однако в современном обществе все чаще встречается такое понятие как этическое лидерство, которое как раз и подразумевает продвижение корпоративной культуры и этических принципов для создания благоприятной атмосферы среди сотрудников. Истинный лидер и руководитель отличается от обычного руководителя тем, что всегда действует на благо своей компании. Он ориентирован не только на получение большей прибыли, но и на укрепление отношений среди подчиненных, на усиление доверия друг к другу и к вышестоящему лицу. Давая стимул для достижения наилучших результатов, он регулирует и межличностные отношения в группе, стараясь обеспечить их гармоничность. Им обеспечивается защита и справедливое отношение ко всем членам организации. Не каждый человек является лидером, а только тот, кто обладает определенными характеристиками, которые будут вдохновлять людей и способствовать возникновению у них желания следовать предлагаемым установкам. Лидерство и поведение сотрудников определено взаимосвязаны. Здесь будут играть существенную роль не просто властные отношения, а степень доверия сотрудника своему руководству. На основе доверительных отношений возможно решать проблемы, которые неизбежно преследуют компанию в процессе ее становления. Именно поэтому на отношения между лидером и его подчиненными обращают пристальное внимание. Это доказывает существование курсов для обучения, где не только сотрудники могут получить необходимый опыт, но и лидеры имеют возможность отточить свои навыки управления персоналом. Подобные курсы необходимы для того чтобы каждый член органи-

зации мог чувствовать себя уверенным и готовым делать все возможное для компании. Именно от такого лидерства зависит удовлетворенность клиентов и их заинтересованность в покупке предлагаемой продукции. Этическое лидерство все больше набирает обороты и способствует развитию деловых отношений.

Зимбули Андрей Евгеньевич

доктор философских наук, профессор

Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена

ОЧЕРЕДЬ: КУЛЬТ ИЛИ КУЛЬТУРА?

Автор исходит из того, что ОЧЕРЕДЬ занимает существенное место в общественной жизни, особенно – в жизни российской. Каждый из россиян получает с детства сами собою понимающиеся «прививки» стояния в очередях. Пожалуй, можно было бы сказать, что человека в значительной степени характеризуют те очереди, которые он выбирает и каких избегает. Для этики сугубо важно то, что ОЧЕРЕДЬ УРАВНИВАЕТ ТЕХ, КТО В НЕЙ СТОИТ – в отличие от тех, кто пытается пробраться к цели без очереди, или кому предоставляются исключительные права проходить её ускоренно а то и вообще в ней не стоять. Как ни парадоксально, в современных справочно-философских изданиях понятие «очередь», к сожалению, не отражено, несмотря на культурную значимость коннотата. Есть смысл понимать очередь как группу субъектов, упорядоченным образом организуемых для совершения какого-либо действия. В статье обозначаются наиболее значимые параметры очереди, которые могут представлять интерес для этики. В частности это: СУБЪЕКТЫ (КТО НАПРАВЛЯЕТСЯ). ОБЪЕКТЫ (КУДА). ПО СВОЕЙ ЛИ ВОЛЕ. ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ ЛИ ПРОИСХОДЯТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ. КАКОВ РЕЗУЛЬТАТ ЭТИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ. ОТНОШЕНИЕ УЧАСТНИКОВ К РЕЗУЛЬТАТУ. ВОЗМОЖНАЯ ВНЕШНЯЯ ОЦЕНКА. Указанные параметры в статье поочередно кратко рассматриваются, и выявляются самые существенные для каждого из них этически значимые характеристики, в частности, такие как: СВОБОДА, ДОСТОИНСТВО, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ; МОРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА, СОВЕСТЬ; СВОБОДНАЯ ВОЛЯ, ПРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР; ОРГАНИЗОВАННОСТЬ, САМООРГАНИЗАЦИЯ; ОБРЕТЕНИЕ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ; ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ, ОБЪЕКТИВНОСТЬ.

В любом случае от нас зависит – сохраним ли мы объективность в восприятии происходящего, сумеем ли извлечь из увиденного-испытанного в очередях и около них хоть мало-мальскую душевную пользу. Не стоит видеть в них ни какой-то жупел, ни что-то неизбежное, тем более показатель присутствия истинных культурных ценностей. От нас всех и каждого зависит то, сможем ли мы НАУЧИВАТЬСЯ ВСТАВАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В НУЖНЫЕ ОЧЕРЕДИ, ВЕСТИ СЕБЯ В НИХ ЦИВИЛИЗОВАННО, А ПЕРЕХОДЯ ОТ ОЧЕРЕДИ К ОЧЕРЕДИ – ЖИТЬ ПО УМУ И ПО СОВЕСТИ.

Игнатьева Софья Валерьевна

аспирант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ОБ ОПЫТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ЭТИЧЕСКОЙ

В Российской журналистской среде отношение к этическому кодексу и любым попыткам кодификации принципов поведения журналистов достаточно амбивалентное, представители СМИ и новых медиа не склонны прислушиваться к универсальным нормам, принятыми формально. Более того, отмечается, что в современных условиях развития журналистики становится невозможным соблюдение предложенного в общероссийском

«Кодексе этики профессионального журналиста». Представители профессии находят нереалистичность соблюдения положений об отказе от размещения рекламной и коммерческой информации, поддержания честной конкуренции и т.д. [3].

Вследствие чего наблюдается критически большое количество резонансных конфликтов связанных с обвинениями журналистов и представителей новых масмедиа (интернет-блоггеров) в клевете, оскорблении, разжигании национальной, расовой или религиозной розни, оскорбление чести и достоинства и т.д.. Прецедент таких конфликтов носит характер правонарушения, не смотря на то, что не относится к материальной области смыслов, сущностное свойство таких актов правонарушения — множественная интерпретация. Обостряет общественный резонанс таких конфликтов столкновение различных форм восприятия морали: традиционного, рационального и пострационального [1].

В случае подобных прецедентов правовая система стремится к наибольшей степени объективности, вследствие чего был разработан и в настоящий момент активно принимается метод лингвистической экспертизы конфликтных текстов. Предметом анализа здесь выступает не намерение или мотив ответчика, а содержание текста на предмет лексики, носящей обидный, агрессивный или пропагандистский характер. Агентами экспертизы в данном случае выступают две стороны: наивные толкователи (автор текста и рецензент) и профессиональные толкователи (лингвисты-терминоведы и юристы). Крайне важна объективная оценка текста именно с точки зрения выделенных критериев, чего так остро не хватает на данный момент этической экспертизе. «...Лингвисты-эксперты не могут ответить на вопрос, является ли информация порочащей, потому что это все равно, что спросить, соответствует ли она действительности. Лингвисты могут только указать, какую информацию проверять надо» [4], дальнейшую работу и оценку текста на предмет оскорбления или пропаганды проводят юристы.

Тем не менее, как видно из цитаты, лингвистическая экспертиза сама по себе не дает полного исчерпывающего ответа на вопрос имеет ли место оскорбление или насилие выраженное информативно. Не определяет лингвистическая экспертиза и степень вины автора, т. к. одним из неотъемлемых составляющих поступка является мотив действующего лица и его последствия. Вследствие чего для установления действительности состава правонарушения в области человеческих отношений становится необходимой последующая психологическая и этическая экспертиза. Эту необходимость подчеркивает все более активно развивающаяся тенденция генерализации дел в отношении конфликтных текстов [2], что является признаком общественного запроса на действие в поле морали в том числе.

Таким образом, для выявления фактов нарушения журналистами и представителями медиа сферы необходима как объективная оценка текста и предмета возможного нарушения, так и общая оценка состава поступка, включающего мотивы и последствия публикации. Этическая экспертиза так же в качестве объективного основания собственного анализа может взять экспертизу лингвистическую, что поможет раскрыть суть поступка и факт его совершения в социальной среде.

Литература

1. Бахштановский В. Этическая экспертиза идеи саморегулирования «медиацеха» // Фонд защиты гласности. Саморегулирование журналистского сообщества. Перспективы становления в России. М. : Издательский дом «Стратегия», 2003. С.93.
2. Кара-мурза Е.С., Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. №27.

3. Киреева И. В. Кодификация российских СМИ: дискуссионные проблемы (по материалам фонда защиты гласности) // Вестник ННГУ. 2007. №5.
4. Центр Экспертиз при институте судебных экспертиз и криминалистики, Лингвистическая Экспертиза – это. URL: <https://ceur.ru/library/articles/jekspertiza/item100421/>, в открытом доступе (дата обращения 29.09.2019).

Кадыров Арген Ишенбекович

магистрант, 2 курс, Российский университет дружбы народов

СОВРЕМЕННАЯ ЭТИКА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ:

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В современном мире, особенно в России, ученому-преподавателю необходимо постоянно публиковать результаты своих исследований в рецензируемых журналах. Эти требования в последние годы ужесточились в связи с реформированием системы высшего образования. Ученому-преподавателю известно правило «публикуйся или умри», поскольку именно количество цитирований и публикаций во многом определяют академическую карьеру учёного. Это, наверное, является одной из причин нарушения этики научных публикаций, но далеко не единственной из них.

Можно перечислить наиболее часто встречающиеся виды нарушений в сфере этики научных публикаций.

С точки зрения этики науки и этики научных публикаций одним из грубых нарушений является плагиат текста. Распространённость этой проблемы связана с ненаказуемостью за заимствование текста. Многие молодые и даже состоявшиеся исследователи прибегают к плагиату, поскольку это легко может увеличить количество публикаций и цитирований, а вероятность получить наказание не такая уж большая. Но с развитием информационных технологий создаются мощные системы проверки плагиата, перекрываются возможности для недобросовестных исследователей.

Выявлением плагиата текста в последнее время так или иначе хорошо справляются специальные программы, такие как антиплагиат. Это «дело» мы доверили технике. Но то, что не могут сделать эти программы, – это выявить плагиат идей. Да, самому человеку трудно выявить плагиат идей у другого автора, поскольку к одному и тому же выводу авторы могут прийти и не читая работы друг друга.

Другим важным нарушением этики публикаций является повторное использование текста, который был уже опубликован в другом журнале этим же автором и при этом нет даже ссылки на этот текст. Такой манёвр называют самоплагиатом.

Также встречаются публикации, которые выполнены на основе уже опубликованных этим же автором исследований и по сути являются «рерайтом». Часто авторы в таком случае меняют название, аннотацию и частично текст статьи.

Когда успешность твоей ученой деятельности определяют наукометрические данные, полезно иметь несколько публикаций, публикуя частями одну статью. В итоге получается, что ты будешь иметь несколько статей вместо одной.

Говоря о современной науке нельзя не учитывать тот факт, что большая наука делается большими коллективами, сообществом ученых. В таких случаях становится трудно определить личный вклад каждого отдельного ученого. Кроме того, с целью придать «вес» своему исследованию, часто включают в соавторство знаменитого и авторитетного ученого, по сути не имевшего прямого отношения к данному исследованию.

Следует выделить еще такой вид нарушения этики публикаций как фабрикация результатов. Редакциям журналов трудно удастся проверять достоверность результатов исследований, которые они публикуют, хотя существует жесткая система проверки поступающих в редакцию статей. Конечно, такой вид обмана встречается редко, го-

раздо более распространены частичная публикация результатов, манипуляции с фотографиями и графиками и т.д. Также нужно указать на то, что в естественных науках возможность сфабриковать результаты больше. Статьи в этих науках носят описательный характер тех экспериментов и наблюдений, которые проводились, т.е. статья является неким протоколом. А в гуманитарных науках при написании статьи почти невозможно сфабриковать результаты, поскольку так или иначе гуманитарии работают с «мыслями» которые непосредственно выражаются в тексте статьи.

Еще одной существенной проблемой является ценовая политика журналов. Поскольку я являюсь магистрантом, я на личном опыте знаю, что, чтобы публиковаться, например, в журналах, которые рецензируются в таких международных базах данных как Scopus или Web of Science придется платить не малые средства. Цены могут достигать тысяч долларов за одну публикацию. Это очень дорого для многих авторов, и не все институты могут позволить себе такие затраты. В данном случае учёные из небогатых провинциальных ВУЗов и институтов просто не в состоянии позволить себе оплатить публикацию. Превращение этой сферы в бизнес и погоня за прибылью затрудняет карьерный рост для небогатых исследователей и не даёт институтам с периферии подняться до уровня институтов из развитых стран, закрывая для них возможности роста. Поэтому принцип «публикуйся или умри» должен претерпеть изменения, чтобы существенно снизить количество нарушений. Пока карьера и заработная плата учёных будут зависеть от наукометрических показателей, вряд ли стоит ожидать серьёзных изменений.

С другой стороны, хотел бы отметить и позитивную сторону требований написания статей, например, студентами, магистрантами и аспирантами. Поскольку у молодых людей с помощью написания статей будут отрабатываться навыки и умения систематизации и обобщения того, что они изучали в процессе обучения. А также, выражать свои позиции в научной статье более четко, аргументированно и структурно.

Каменцева Марина Александровна

магистрант, 2 курс, НИУ «Высшая школа экономики»

УТВЕРЖДЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ

КАК РЕАЛИЗАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

1. Когда мы говорим о ценностном конфликте, мы зачастую обращаемся к моральным дилеммам. Чтобы показать необходимость моральной оценки действия субъекта. Первичным же конфликтом выступает определения самого себя как целостного существа. На основании преодолений внутренних моральных конфликтов мы утверждаем себя с точки зрения субъективности в ряде других субъективностей. «Во-первых, способность говорить, вступать в общение с другими посредством языка. «Я могу говорить». Во-вторых, способность вмешиваться в ход вещей посредством действий, усилий, если так можно выразиться, прокладывая свой путь в физическом мире. «Я могу действовать». В-третьих, способность рассказывать о своей жизни и, следовательно, формировать собственную идентичность посредством повествования, основываясь на своих воспоминаниях. «Я могу рассказать о себе» ... В-четвертых, способность быть субъектом действия, рассматривать самого себя в качестве автора собственных поступков, то есть быть вменяемым» [Рикёр П. История и истина. СПб., 2002. С.15-16].
2. В данном случае нам важно обратить внимание на то, что для формирования идентичности субъекта недостаточно просто указания или действия в отношении самого себя. Представленного выбором или речью. Когда мы говорим о целостном субъекте, мы говорим о некоей интенциональности субъекта в том плане, что он способен быть направленным на самого себя как рассказчика, как того, кто способен выделить

себя как действующее лицо в нарративе. Он будет соизмерять себя во времени с теми событиями, которые с ним происходят, способен будет давать им этическую оценку, при этом всегда понимая, что эту оценку и это переживание всегда являются только его. 3. Когда мы говорим об идентичности, перед нами встает вопрос о значении данного феномена. С одной стороны, мы воспринимаем как нечто самотождественное. Неизменное в том плане, что это всегда одно и то же тело и одна и та же личность. С другой, мы говорим о темпоральном характере идентичности, но речь идет о том, при изменении окружающего мира и условий существования в нем наша самость остается прежней. Наша самость является в данном случае является центральным стержнем, который удерживает вокруг себя все основные характеристики субъекта, такие как: воображение, память, целеполагание и прочие.

4. Реализация субъекта происходит с помощью диалектики, а затем происходит её воплощение в действовании. Задавая вопросы о том, кто говорит, действует рассказывает и является моральным субъектом вменения и определения, Рикёр пытается проложить средний путь между картезианским и ницшеанским когито, между апологетикой мыслительной субъективности и её ниспровержением. Средний путь заключается в том, что наше действие, в котором заключается сознательное воплощение когито, реализует себя как аттестованное. Аттестация для Рикёра – понятие, соотносимое не только с субъективным действием, но и моральной оценкой и вменением. Таким образом, аттестация является моральным сознанием субъекта, и отсюда следует, что когито как перформативное явление обладает не только актом мышления, указующим на самое себя, но и феноменом, способным осознавать себя морально в действии и нарративе. Моральный прогресс субъекта позволяет постоянно заново утверждать ценностную перспективу самого себя, и, таким образом, выстраивать коммуникацию с другими субъектами.

Карпова Ольга Евгеньевна

аспирант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

МЕСТО ТРУДА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Уходят в прошлое ясные карьерные перспективы, преданность делу жизни, профессии и тем более компании. Однако индустриальный трудоецентризм, по-прежнему, актуален.

Труд значительно менее территориально фиксирован, чем это было в недавнем индустриальном прошлом. Становится все более распространенным фриланс, проектная работа, частичная занятость. Происходит мнимое возвращение к работе на дому.

Широко распространена личная ответственность человека за собственную жизнь, в том числе в плане выстраивания успешности карьеры.

Труд дематериализуется, начинает преобладать непроеизводственная сфера.

Капитал не привязан к месту и людям. Если работник не готов следовать за ним, будут найдена местная дешевая рабочая сила.

В то же время для управления фордизм и тейлоризм с его ресурсным подходам уходят в прошлое для управления трудовыми ресурсами в умственной сфере.

Несмотря на то, что труд по-прежнему главный источник дохода, от труда ждут удовлетворения собственного интереса: все больше людей готовы выбирать работу ради интересного времяпрепровождения.

С развитием технического прогресса проблема безработицы, особенно в развитых странах будет расти. Если в индустриальном обществе поддержка безработных была выгодна государству. Эти люди представляли собой трудовую "резервную армию", то сейчас эта "армия" больше не нужна, и определенный процент граждан не сможет

найти работу, так как технический прогресс позволит обходиться меньшим количеством работников, выполняющих рутинную работу.

В связи с этим возникает дополнительная этическая дилемма: люди, лишенные возможности самостоятельно зарабатывать, становятся вынужденными иждивенцами государства, то есть живущими чужой милостью. Лишившись власти, они лишаются возможности что бы то ни было выбирать и управлять, не имея капитал.

Временно безработные, а также люди, лишенные труда с социальными гарантиями, составляют прекариат. Пока что нет оснований считать, что в ближайшее время они осознают себя как класс и начнут политическую борьбу за свои права, благодаря ослабляющему действию общества потребления.

Возможные варианты решения данной проблемы: первый – дополнительное искусственное создание спроса на новые услуги, которыми займется незанятые трудовые резервы, второй – участие в общественнополезном труде (уход за больными, экологические проекты и т.д.), оплачиваемом либо государством, либо частными фондами или краудфандингом.

Другой важной особенностью труда в постиндустриальном обществе является новая иерархия профессий. Профессии, связанные с физическим трудом, окончательно теряют свой престиж.

Кашиников Борис Николаевич
доктор философских наук, профессор
НИУ «Высшая школа экономики»

ЭТИКА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И МОРАЛЬ СЕЦЕССИИ

Самоопределение является основным принципом современного международного права и нормой закрепленной во всех основных документах, регулирующих международные отношения. Тем не менее, если только мы начинаем внимательно анализировать этот принцип, мы не можем прийти к выводу, что он покоится на очень зыбких моральных основаниях причем одновременно с точки зрения морали мотивов и с точки зрения морали последствий. Анализ того и другого позволяет мне прийти к выводу о том, что принцип пережил свою значимость и свой смысл и должен быть заменен чем-то другим или полностью оставлен за ненадобностью. Если говорить о мотивах, имеющих отношение к принципу самоопределения, мы должны задаться вопросом: кто является предполагаемым агентом само-определения, иначе: кто является народом. Мы не находим однозначного ответа на этот вопрос. В современной литературе мы встречаемся с тремя версиями. Это может быть нация, население определенного административного образования или вообще любая группа людей компактно проживающая на определенной территории. Любой из этих ответов не выдерживает никакой критики с точки зрения определения мотивов самоопределения. Проблема возникает не только в связи с известной проблематичностью коллективного выбора как такового. Нация может предполагать подавление индивидуального начала. Население административного может быть зависимо от администрации, а группа людей компактно проживающая на определенной территории имеет сомнительные права на территорию, на которой она находится. Если говорить о последствиях самоопределения, даже если эти последствия являются достаточно мягкими и не требуют полного отделения, то мы можем видеть неизбежность нарушения прав человека, напрямую вытекающее из самоопределения и сомнительную связь этого принципа с либеральным началом. Последствием неизбежно является отчуждение территории, перемещенные лица и беженцы. Предполагаемое право самоопределения это провокационный принцип, который рождает надежды, но не дает никаких гарантий поскольку фактически в рам-

ках существующих институтов международного права, реализация этого принципа зависит не столько от моральной воли того или иного субъекта, сколько от объективной расстановки политических сил на мировой арене и вопрос давать или не давать самоопределение решается не посредством моральной или юридической универсальности а в результате того или иного соотношения политических сил. Все это позволяет мне прийти к выводу об избыточности этого принципа или, по меньшей мере о его этической пустоте.

Каяндер Ольга Александровна

магистр прикладной этики, Personal support assistant
Университет Стратклайда, Глазго, Великобритания

ЭТИКА ОБРАЗОВАНИЯ КАК РАЗДЕЛ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ.

Образование является одним из важнейших институтов современного общества и отвечает за относительно контролируемый процесс социализации его членов. Научно-технический прогресс, информатизация общества и глобализация экономики трансформируют институт образования и ставят перед ним задачу модернизации. Наиболее часто тема образования исследуется в рамках таких наук как социология, педагогика и психология, рассматривающих его соответственно, как социальный институт, целостный педагогический процесс и изучение законов приобретения и усвоения знаний. Такое предметное рассмотрение образования упускает из виду его интегрирующий компонент – ценностное измерение.

В 2018 году организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выпустила документ, в котором изложила видение и некоторые основополагающие принципы будущего образования, где ведущую роль занимают ценностные ориентиры и установки личности в современном социально-культурном пространстве. Данное положение демонстрирует актуальность аксиологической рефлексии в сфере образования. К сожалению, практически полное отсутствие исследований ценностных компонентов современного образования на макро и микроуровнях не дают возможности полноценно обратиться к вопросу ценностных ориентиров в образовании, а значит и его модернизации. Анализ ценностного компонента на культурном, институциональном и личном уровнях может быть успешно реализован в рамках прикладного этического знания, а именно, этики образования. Прикладная этика как отдельная область знания оформилась во второй половине двадцатого века в ответ на необходимость этической рефлексии по отношению к “биосу” в условиях научно-технического прогресса, но на современном этапе ее развития все больше обращается к социально-политическим вызовам времени, подвергая рефлексии социально-политические институты общества.

Исходя из этого, в рамках данного доклада предпринимается попытка обоснования этики образования как одного из направлений прикладной этики, служащим эвристическим конструктом для постановки и решения проблем в этой области. Обоснование темы выстраивается через:

- 1) Описание правомерности формирования этики образования как прикладной этики;
- 2) Актуальность ее возникновения в современных социокультурных реалиях;
- 3) Средства, позволяющие измерять ценностный компонент образования как институциональной практики, а также как деятельности, в которую вовлечен моральный субъект;
- 4) Связь личности как субъекта морали с ценностно-целевым компонентом института образования;
- 5) “Поле присутствия” или область специфичных проблем, которые непосредственно связаны с практическим применением этики в образовании.

Доклад строится на анализе работ по прикладной этике, социальной философии, аксиологии, педагогики, социологии и психологии морали, что в свою очередь, демонстрирует междисциплинарный характер этики образования. Этика образования, таким образом, может служить компонентом, склеивающим мозаичные и разрозненные представления в области образования, через артикуляцию интересов личности как субъекта морали с одной стороны и как объекта образования с другой.

Киняев Роберт Сергеевич

аспирант, 1 курс, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

МЕТОД ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ЭТИКИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Проблематичность исследования этики справедливости в современном мире и практически полное отсутствие методов эмпирического исследования данного феномена, а также всё возрастающий социальный запрос общества на справедливость и её понимания, делает данную тему актуальной.

Дискурс-аналитический подход можно рассматривать, как метод позволяющий анализировать дискурсы отдельных групп идентичностей, которые обладают достаточным влиянием, чтобы формировать контекст социальных практик, а тем самым и конструировать то или иное понимание справедливости. Формируя метод на основе теории дискурса Лакло и Муфф, мы предлагаем определять дискурс как артикуляцию некоего количество знаков (под которыми мы будем понимать как слова присутствующие в речи, так и вещи находящиеся вокруг людей, в момент формирования дискурса) вокруг ключевых точек [3; с.105-108] (под которыми мы будем понимать различные идеи справедливости, взятые из теории градов).

В качестве модели для теоретического рассмотрения справедливости в пространстве ситуативной этики, рассматривается теория градов Л. Болтански и Л. Тевено. На основе этих шести градов: вдохновения; рыночного; научно-технического; гражданского; патриархального; репутационного, можно сформулировать шесть полей различного понимания и функционирования справедливости, [1; с. 57-58] и каждое такое поле можно анализировать как дискурс, со своей логикой объяснения справедливости в нём.

Ключевое внимание обращается на наглядные или неявные ситуации конфликта идентичностей, как между несколькими участниками дискурса (или различных дискурсов), так и внутренний конфликт разных идентичностей внутри одного индивида. В зависимости от исхода такого конфликта, все знаки, участвующие в нём, будут артикулированы тем или иным образом [2; с. 51-55]. Такие конфликты, будут обозначаться исследователем в логике теории градов, а именно, как столкновение различных риторик, в попытке аргументировать справедливость того или иного града. Идентичности будут организовываться ключевыми знаками, обозначающими идею справедливости в одном из градов.

Ключевыми шагами в таком анализе будут являться: 1) Транскрипция контента; 2) Разделяет материала на общие темы, которые могут соответствовать дискурс-графам; 3) Выделение в контенте модулей по принципу их происхождения (кем, в каком контексте, и для чего изначально был создан); 4) Определение узловых точек каждой из тем и тех ключевых знаков, которые артикулируются вокруг них; 5) Определение присутствующих в контенте идентичностей; 6) Нахождение и описание конфликта между найденными идентичностями; 7) Далее, мы должны найти аргументацию в обосновании приоритета одной идентичности над другой, если она имеется. Это позволит нам выявить ситуации конфликта дискурсов, после детального рассмотрения, которых мы сможем обосновать справедливость одной идентичности над другой, в

рамках конкретно той ситуации, в которой произошёл конфликт. Такое обоснование, конечно будет основываться на теории градов Л. Болтански и Л. Тевено.

Таким образом, совмещая теорию градов Л. Болтански и Л. Тевено с дискурс-аналитическим подходом и теорией дискурса Лакло и Муфф в качестве её основы, можно сформировать эффективный метод эмпирического исследования справедливости на основе ситуативной этики, который можно дополнять в зависимости от целей исследования.

Литература

1. Болтански Л. Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: «Новое литературное обозрение», 2013.
2. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Д. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: «Гуманитарный центр», 2008.
3. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. London: Verso, 2001.

Ковалева Татьяна Викторовна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Плашиенкова Златица

доктор философии, профессор

Университет им.А.Я.Коменского в Братиславе, Словацкая Республика

ОТ ГУМАНИЗМА К ПОСТГУМАНИЗМУ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

APVV-18-0103 «Paradigmatic changes in the understanding of Universe and Man from philosophical, theological, and physical perspectives».

Употребление термина «гуманизм» (в силу его многогранного понимания) вызывает ряд интерпретационных проблем. В рамках философской мысли это понятие имеет «долгую историю» и многие философы понимали его назначение и смысл по-разному. Обычно, трансформация значения слова «гуманизм» происходила в периоды больших социальных перемен, фундаментальных переоценок ценностей, когда общество вынуждено было задаваться вопросом – В чем должен выражаться гуманизм? Каковы требования к человеку и его человечности? Если мы обратимся к определению этимологии слова гуманизм, мы обнаружим, что оно имеет общую основу со словами: homo, humanus, humanitas (человек, человек, человечество). Слова humanus и humanitas связаны главным образом со специфическими характеристиками человека (homo), которые отличают его от других живых существ, проще говоря, это характеристика быть человеком, как эволюция, возникающая из био-исторического времени и, в то же время, выражающая нравственный идеал человека. На следующем этапе философско-исторической ретроспективы от Античности через Средневековье, от Ренессанса вплоть до Нового времени следует добавить новую характеристику гуманизма, связанную с воспитанием человека, образованием, моралью, духовностью и тонким вкусом. Философский словарь дает значение гуманности (помимо человечности и любви к человеку), как этическое понятие, которая указывает на гармоничное развитие духовной и разумной жизни человека, соотнося их с необходимостью соблюдения человеческого достоинства, свободой, правом, справедливостью, личной ответственностью, развитием образовательного и культурного уровня. Исходя из этих определений, можно дать характеристику носителю идей гуманизма, гуманисту, которого можно считать человеком, чья жизнь и жизненное отношение определяются конкретными характеристиками гуманизма, поскольку, с уверенностью можно сказать, что гуманизм не заложен изначально в людях, он формируется и концептуально развивается ими, реализуясь в повседневной жизни, как общественные отношения.

Новая концептуализация европейских представлений современного человека о гуманизме нашла свое выражение в форме, так называемого, «нового гуманизма», который сегодня вновь меняется на более новую форму, связанную, прежде всего, с резким развитием наук. Гуманитарные науки особо выделяют гуманизм, как важное социальное и культурное явление, вырабатывая подходы к формированию гуманитарного идеала, где, с одной стороны, совершенный человек сформулирован с позиции несовершенного человека, а, с другой – человек не является от природы абсолютно совершенным и законченным субъектом, поэтому ему необходимо совершенствоваться, формировать и достигать равенства с самим собой. В современном мире, где происходят большие перемены (и даже в планетарном масштабе), которые «сотрясают» многие традиционные ценности, новые измерения нашего человеческого существования и идентичности заставляют нас по-другому смотреть на, как казалось бы, устойчивое понятие «гуманизм». Деформация гуманизма становится наиболее очевидной, когда мы переходим на почву биоэтического и биофилософского дискурсов, предпочитающих иное смысловое поле понимания гуманизма. Ведь путь совершенствования себя привел к уже упомянутому осознанию человеческого несовершенства и стремлению «преодолеть» его на основе использования научных знаний в области биологии и химии, а также современных биотехнологий, здесь уже в связи с вопросом выживания человеческого вида речь идет о переходе от антропоцентрического гуманизма к постгуманизму и трансгуманизму. Мы также сосредоточимся на исследовании такого парадигматического изменения, которое представляет собой сдвиг от традиционной концепции «гуманного человека» к трансгуманному человеку. На основе критической интерпретации трансгуманистического видения наша следующая цель будет состоять в том, чтобы выявить особенности трансгуманизма.

Кондратенко Константин Сергеевич
кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕШЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

РНФ №19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости»

Современный мир сегодня все чаще характеризуется как «VUCA world» – аббревиатура, означающая «мир изменчивости, неопределенности, сложности, неясности». Надо полагать, что цифровизация реальности призвана решать именно проблему неопределенности, представляя не только справочные системы, но и механизмы прогнозирования, управления, структурирования реальности, пусть и за счет умножения аспектов реальности и погружения их в виртуальный мир. Однако мир цифровизации сталкивает человека с новой проблемой – с информационной перегруженностью, избыточностью информации, предлагая мир, который еще не нашел баланс между достаточной и необходимой информацией.

Наиболее часто упоминаемая в научной литературе причина неопределенности – недостаток информации. Другие трактовки связаны с неопределенностью стимула и необходимостью его вычленения из множества подобных, с отсутствием строгой детерминированности в сознании индивида ни в способах решения, ни в искомом результате, со смысловым абсурдом, с неизвестностью будущего, с невозможностью управления развитием событий, и пр.

Сама по себе неопределенность как когнитивный ресурс сложно недооценить. Судя по всему, процесс познания предполагает столкновение с ситуацией неопределенно-

сти или порожденной неопределенностью в сознании индивида (например, через сомнение) и попытки выхода из этой проблемы на практике. Фактически неопределенность как познавательный механизм предполагает проблематизацию и вопрошание относительно определенности – имеющейся (для подтверждения ее истинности) и отсутствующей (для ее обнаружения). Независимо от источников неопределенности единственным выходом из нее является экспериментирование, понимаемое в широком смысле – от научного до метода «проб и ошибок».

Чем больше неопределенность таит в себе рисков, чем выше она оценивается субъективно, чем значительнее цена вопроса, тем больше эта ситуация требует от субъекта принятия решений навыков применения копинг-стратегий и толерантности к неопределенности. Но даже успешность психологического совладания с неопределенностью не страхует лицо, принимающее решения, от ошибок, напрямую вытекающих из неопределенности ситуации, стоящей психологический барьер. Ошибки и промахи, принятые в условиях неопределенности, зачастую подвергаются моральному порицанию, однако и это может вытекать из высокой коммуникативной неопределенности, что составляет суть проблемы моральной оценки последствий решений, принятых в условиях неопределенности.

Королева Влада Владимировна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА. БУДУЩЕЕ ИЛИ МИФ?

Со стремительным развитием технологии искусственного интеллекта, и ее активным внедрением в повседневную жизнь, не только меняется мир вокруг нас, но и появляются новые области в этике, такие как этика искусственного интеллекта.

Стив Торренс дает следующее определение этике искусственного интеллекта: “проектирование машин, совершающих “поступки”, которые, когда они совершены людьми, являются критериями обладания «этическим статусом» у этих людей”. Джеймс Мор определяет этику искусственного интеллекта, как моральное поведение машин с искусственным интеллектом. Эти два определения показывают различные подходы к этике искусственного интеллекта. И если в определении Торренса моральным агентом является человек-создатель машины, то Мор считает моральным агентом непосредственно сам искусственный интеллект.

Для того чтобы различать эти два противоположных подхода, в докладе употребляются два разных термина: этика машин и робоэтика. Этика машин в данном случае рассматривается как область знаний, которая изучает поведения непосредственно искусственного интеллекта, а робоэтика анализирует поведение людей при дизайне, конструировании и отношении к субъектам искусственного интеллекта. Термин “субъект” используется в работе не случайно, и призван обратить внимание на проблему определения искусственного интеллекта как “объекта” или “субъекта”, которая является краеугольным камнем в данной области этики.

Здесь, стоит упомянуть, что проблема “морального поведения машин”, еще на самом первоначальном этапе ее рассмотрения, вынуждает нас задуматься над ответом на основополагающий для философии искусственного интеллекта вопрос, некогда заданный Алланом Тьюрингом: “Может ли машина мыслить?”. И именно от ответа на этот вопрос будет зависеть то, как мы будем отвечать на остальные вопросы, которые рассматривает этика искусственного интеллекта. Способна ли машина демонстрировать моральное поведение и выступать агентом этого самого поведения? Может ли искусственный интеллект быть ответственным за свои действия или же ответствен-

ность лежит на его создателе? Является ли искусственный интеллект “живым субъектом” или “неодушевленным объектом”?

В данном докладе, автор рассматривает с противоположных стороны эти и другие вопросы, изучаемые этикой искусственного интеллекта, пытаясь не только ответить на вопросы об “этичности поведения машин”, но и понять насколько человек в праве это поведения оценивать. Поскольку сама оценка поведения искусственного интеллекта как морально допустимого или нет, налагает на человека выбор антропоцентрический или информационноцентрической точки, что, сплетаясь с вопросом о способности машины быть “субъектом действия” образует замкнутый круг, из которого этика искусственного интеллекта пытается найти выход.

Кошкин Андрей Вячеславович

студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ТРАДИЦИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Культура является общеизвестным выражением самых актуальных общественных настроений и изменений в представлениях о добре и зле. Соответственно, изучением веяний в культуре как материала для понимания изменения в ценностях целых поколений пренебрегать нельзя. Целью же данной работы является проследить взаимосвязь развития постмодернизма в литературе и возвращения позиций этического релятивизма в XX веке.

Эпистемологический кризис, обозначенный в заглавии, является в своем роде предтечей постмодернизма. Провал проекта Просвещения означает провал постулируемых им ценностей: прогресса, истины, смысла и справедливости. В постструктуралистской традиции они обличаются как иррациональные, беспочвенные и разрушительные. Это всё связано с постулируемой невозможностью объективного познания и отрицании существования критериев достоверности. Отрицание модерна для постмодерна является ударом, прежде всего, по ценностям с результатом в виде их субъективизации. Низведение абсолютных истин, непоколебимости традиций, внутреннего мира человека и даже самого Бога до текста в кличе «Всё есть текст» является не только актом недоверия этим принципам как лишь легитимирующим власть и закрепляющим системы угнетения, но и обесценил универсальность как таковую. Человек для постмодерниста лишь продукт усваивания моделей поведения и способов восприятия реальности. Простая случайная сумма из самых разных метанарративов, историй и простеньких многочисленных рассказов, не имеющей ценности, кроме как интерпретации бесчисленных семиотических систем и пополнения их же.

Это безупречно соотносится с принципами этического релятивизма. Еще со времен рабовладельческого общества первые этические релятивисты, софисты, пропагандировали относительность моральных принципов, показывая их как чрезвычайно различающиеся от общества к обществу. Что одними народами могло считаться добродетелью, другими народами, по словам софистов, воспринималось как порок. Эта борьба с религиозно-идеалистическим представлением о морали продолжалась вплоть до возникновения нигилистических воззрений. И тогда приходит время неопозитивизма. Моральные представления сторонниками неопозитивизма признаются относительными, и что немаловажно, относительными субъективно. Уже не образ жизни народа или то, как зарождалась религия, определяют относительность норм, а воззрения человека. И эмотивисты и представители школы лингвистического анализа сходятся на личном произволе каждого человека в определении ценностей, и что ни этическая

теория, ни что-либо еще не способны дать верифицируемый абсолютный ключ к решению моральных проблем.

Таким образом, серьезным вопросом, на который не дает однозначного ответа неопозитивизм остается то, откуда берутся ценности, от которых отталкивается человек в осуществлении своего выбора? Как раз с именно ответом на него и приходит традиция постмодернизма. Ценностные модели это такая же семиотическая конструкция, выработанная в человеке как реакция на все колоссальные объемы текста, существовавшие до него, на все те истории, что пережил он лично или опосредовано, через восприятие текстов других людей.

Кунцевич Евгений Сергеевич

студент, 3 курс, Белорусский государственный университет

НЕГАТИВНАЯ ЭТИКА А.А. ГУСЕЙНОВА КАК «ЭТИКА ЗЛА»

В отличие от классической этики, для которой важнейшей задачей было определение категории добра, постклассическая этическая мысль сосредоточена на проблеме зла, определении зла и новой роли категории зла в теории морали. Актуальность этой проблематики связана с тем, что классическая трактовка роли зла, фундированная христианским представлением о его несубстанциональном характере, перестала устаривать общество, в котором всевозможные конкретные виды зла порождаются человеком и должны быть устранены самим человеком.

Основания для новой трактовки роли зла можно обнаружить в концепции «негативной этики» А.А.Гусейнова. Сущность ее выражается словами: «мораль получает свое адекватное теоретическое выражение в отрицательных определениях, а практическое воплощение в запретах» [Гусейнов, А.А. Негативная этика // Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. С.69]. Если классическая этика стремилась определить добро и ответить на вопрос, «как правильно жить», то негативная этика должна дать ответ на вопрос: «как жить неправильно», «чего я должен не делать».

Однако, чтобы не делать (не поступать) неправильно, надо сначала знать, что значит «неправильно» или: «что значит зло». Таким образом, основное предписание негативной этики, касающееся того, «чего я должен не делать», подразумевает ответ на вопрос «что такое зло». Чтобы обязать себя чего-то не делать, человек должен 1) знать, чего он должен не делать, и 2) знать, почему он должен этого не делать. Первый вопрос зависит от второго, а второй – от знания того, что такое зло, так как причиной обязанности «не делать» может быть только моральное понимание того, что нечто является злом.

Рефлексия над моральной ситуацией, начинающаяся с определения зла, имеет то преимущество, что обоснование поступка через отказ от зла не может привести к дурным последствиям, так как злом нельзя оправдать зло. Во имя добра или по обязанности можно делать зло, прикрываясь этими понятиями. Тогда зло, по крайней мере, на словах, перестает быть злом. Однако даже меньшее зло, которое совершается для того, чтобы остановить большее зло, злом быть не перестает. Оправдать зло злом так, чтобы оно перестало быть злом, невозможно ни в теории, ни на практике.

Таким образом, дальнейшая разработка негативной этики предполагает ответ на познавательный вопрос об определении зла. При этом этика в целом понимается как общее исследование того, что такое зло, с целью совершения негативных поступков, мотивированных отказом от зла.

Курхинен Павел

кандидат философских наук

сотрудник – координатор проекта, Metsu ry –

Finnish Organization for international Co-operation in Natural Sciences, Хельсинки
**ЯВЛЯЕТСЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА ИЗЛИШНИМ ТЕРМИНОМ ИЛИ МЫ
НЕ ДОЛЖНЫ СЛИШКОМ УПРОЩАТЬ МОРАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ?**

Экологическая этика находится на междисциплинарной и весьма спорной территории. Возникает вопрос: а могут ли вообще этики заниматься такими вопросами экологии, о которых у них весьма поверхностное знание? Не является ли экологическая этика излишним или усложненным понятием? Наука экология намного разноплановее и объемнее, чем даже биология, так как в ней есть как живая, так и неживая природа. На каких ценностях должна базироваться экологическая этика, на ценностях гуманитарных или же на ценностях эмпирической науки? Имеем ли мы право переносить «субъективные» ценности гуманитарной науки на «объективную» эмпирическую науку.

На каких моральных понятиях стоит строить экологическую этику? Ответ на поставленный вопрос зависит от того мировоззрения и философской системы ценности, которая принимается в качестве исходной и истинной. Если мы исходим из системы ценностей утилитаризма (от лат. utilis — полезный) — направление в этике), который был популярен в 19 веке, то моральная ценность поведения или поступка определяется его полезностью. Утилитаризм и вытекающий из него позитивизм с его упрощенной моральной системой работают далеко не всегда. Согласно этим направлениям, цель оправдывает средства, и, следовательно, другие люди являются средством для достижения цели, но никак ни самоцелью. Поэтому упрощение и уменьшение новых моральных понятий и терминов, как сейчас в научных кругах принято рассуждать, не обязательно ведет к должному результату.

В основном, вопросы экофилософии – это еще и вопросы создания новой экологической культуры. Поэтому экологическая философия и этика имеют дело с гуманистическими ценностями, пытаться изменить как индивидуальное, так и коллективное мышление. Экологическая этика работает с моральным мышлением человека, а не с самой природой, чем занята экология. В кризисной экологической ситуации экологическая философия и этика не являются избыточными и надуманными. Экологическая ситуация усложнилась и поэтому старая «западная культура» не выдерживает новых экологических и этических вызовов.

В такой экологической ситуации должна действовать «кризисная мораль», когда необходимо пожертвовать некими благами, чтобы добиться определенного результата во имя всеобщего блага. Вопросы, связанные с потреблением и бережным отношением к природе, непосредственно соотносятся со способностью экологической этики к выработке новых этических норм на «экологическом» поле. Это глобальный вопрос выживания человечества.

Кутузова Анна Олеговна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет
ПРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Общество с каждым технологическим открытием становится ближе к внедрению и распространению среди всех его членов развитых нейросетей, автономной робототехники и сильного искусственного интеллекта.

Несмотря на то, что военно-промышленный комплекс является двигателем прогресса технологий, большинство людей заинтересовано в устройствах, решающих мирные и

социально важные проблемы и на это ориентированы производители и инженеры со своими идеями. Так многие технологии направлены на проблемы терапии и восстановления больных, старения и улучшения качества жизни.

Ведь человечество иногда раздумывает о возможности полностью автоматизировать производство, поставить рядом с каждым больным робота-терапевта и робота-хирурга, без последствий наслаждаться поездками в автономном транспорте и жить семьями в покое, пока граница государства охраняется роботом-военным.

Общество всегда задаёт вопросы о характере вмешательства технологий в жизнь социума и отдельного человека. На данный момент многие технологические и этические проблемы являются непреодолимыми трудностями на пути к обществу, где робот – это друг человека. И этот момент позволяет нам задуматься о многих проблемах этики будущего, которые воспроизводятся в истории этики достаточно давно.

И в этих тезисах основной проблемой ставится гипотетическая возможность становления робота нравственным образцом для человека.

Предпосылками для этой гипотезы выступают такие тенденции современного общества :

- обогатить человечество безвредными технологиями, выступающими моральными субъектами
- решить проблему доверия между роботом и человеком с помощью обучения или программирования машины этическим действиям и способности принятия решений
- вложить в машину самые лучшие этические практики, лишив возможности поступать аморально
- установить единый этический стандарт для машин

Обратившись к словарным определениям нравственного идеала, можно будет выделить существенные качества идеала – это совершенство, наличие лучших моральных качеств, выступающее образцом исполнения нравственных норм. Стандартизация нравственного поведения робота и установление в общем понимании идеала доброго поступания для машин даёт повод думать о воплощенном идеале, а не кумире или идоле. На практике при программировании действий машин инженеры помимо утилитарных целей озадачены возможностью представить технологию как сумму всех лучших этических практик. Робот может стать воплощением цели нравственного самосовершенствования, ведь в его программе нет возможности выбирать действие греховное/благое или моральное/аморальное и своим примером у него есть возможность влиять на людей, особенно на детей.

Возможно ли представить, что образцом совершенной личности станет что-то нечеловеческой природы, этот вопрос достоин обсуждения.

Куцев Александр Анатольевич
аспирант, 1 курс

Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена
ЭТИКА ОРГАНИЗАЦИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ.

СТРАННЫЙ ФЕНОМЕН

Теория злоупотреблений описывает структуру злоупотреблений и на основании этого выявляет зло везде, где оно может находиться. Из этого следует, что злоупотребление – это конкретное зло в отличие от абстрактной категории зла. Далее выявляется, что структуры эти априорные, т.е. зло и добро осуществляются по правилам, существующим до опыта, – это внутренние правила, и что подача человеку нравственных заповедей или норм есть подача человеку знания этой структуры с их внешней стороны, скорее по их последствиям. Наша же задача – описать и их внутреннюю сторону с

тем, чтобы увидеть и все действия самого искажения этих заповедей или правил, что позволяет от них уходить.

Структура злоупотребления, вкратце, состоит из «идеальной ссылки», которая есть её начало и которая даёт санкцию на поведение, разрешает его. Идеальная ссылка превращает то, на что ссылаются в источник разрешающий данное поведение, само по себе не уместное, более того, не должное в данной ситуации, противоречащее ей и её цели.

Любая организация уже сама по себе содержит пафос, который отсылает к совершенной форме и этот пафос начинает руководить нашим поведением вопреки целям самой организации и нас самих. Верхом здесь является организация-утопия и любой утопизм.

Соотношение преступной и легальной организации прекрасно иллюстрируют этот тезис.

Лосева Ольга Вениаминовна

магистрант, 2 курс, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО СТАТУСА ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКЕ

Нечеловеческий гуманизм – тенденция, захватывающая сегодня равно как этические теории, так и общественные движения. Несмотря на то, что наукообразно оформленные исследования, обращенные к проблемам нечеловеческих животных (non-human animals), восходят по меньшей мере еще к Аристотелю, есть основания полагать, что свой современный вид данное направление знания приобрело в последней четверти XX века.

Исследовательница в области естественной и социальной истории, занимающаяся историей животных, Гарриет Ритво рассматривает нечеловеческий поворот («animal turn») как финальный сдвиг в либерализации и ослаблении господства человеческо-животных оппозиций, решающий шаг в сторону глобальных перемен текущего порядка представлений в отношении животных. При этом, говоря о хронологических рамках, Г.Ритво классифицирует animal turn как явление последних двух-трех десятилетий [6], несмотря на то, что существенный рост интереса к этическим проблемам животных был еще в 70-80 годах XX века («Освобождение животных» Питера Сингера (1975) [3], «Анархия, государство и утопия» [2] Роберта Нозика (1974), «Дело о правах животных» Тома Ригана[5] (1983)).

Беря в расчет контекст современных исследований, скажем, что первоочередной задачей в этой области является проблематизация статуса животных как моральных агентов. Для этого необходимо переосмысление и определение критериев морального агента. Таких критериев в разных формулировках в большинстве современных исследований два: разумность (наличие сознания / психики) и способность испытывать боль/страдания. Спорным критерием относительно морального рассмотрения животных выступает способность выступать субъектом морали.

Для того чтобы понять, способны ли живые существа отвечать этим критериям, мы вынуждены опираться на данные, полученные в результате проведения научных исследований, экспериментов, нагруженных специфическим инструментарием и методологией. Здесь возникает ряд проблем и дискуссий относительно проблемы редукции этики к эпистемологии, проблемы автономности этики. Перечислим острые вопросы данной этической дискуссии, которые обсуждаются в нашем исследовании:

- Могут ли наши моральные предпочтения основываться на научных исследованиях? Данной проблемой занимаются исследователи университета Лунд, Швеция [1], исследователи в области социальной эпистемологии, истории науки [1].

- Что является морально значимым для наделения статусом морального агента? Есть ли у людей моральные обязательства перед животными?

- Имеет ли здесь место ценностный конфликт?

В данном исследовании анализируются проблемы прикладной этики, одновременно с чем рассматриваются теоретические тексты, разрабатывающие границы применения этики.

Литература

1. Дастон Л. Галисон П. Объективность. Пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
2. Нозик Р. Анархия, государство и утопия (Anarchy, State, and Utopia, 1974) / Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008.
3. Сингер П. Освобождение животных. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 2002.
4. Andersson C.; Björck A.; Jennbert K.; Lönngren A. «Exploring the Animal Turn: Human-animal relations in Science, Society and Culture». The Pufendorf Institute of Advanced Studies, Lund University. 2014.
5. Regan T. The Case for Animal Rights, University of California Press. 1983.
6. Ritvo H. On the animal turn. Daedalus. Vol. 136, No. 4, On the Public Interest. 2007.

Маклаков Владимир Тихонович
кандидат философских наук, доцент
Маклаков Кирилл Владимирович
кандидат биологических наук, доцент

Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н.Ельцина

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ВРЕМЕНИ ПОСТМОДЕРНА: векТОРЫ АВТОНОМИИ И ГЕТЕРОНОМИИ

Преамбула. В заложенной Д. Беллом традиции анализа постиндустриального, информационного, электронного и т.д. общества морально-этическая тематика принадлежит к периферии, хотя весомые в этом сюжете фигуры – Ю.Хабермас, создатели постмодернистского дискурса Ж.-Ф.Лиотар, Ж.Бодрийар – сигнализируют о ее потенциальном весе в постсовременной истории. Вопрос о причинах «такой несправедливости» может показаться нарочитым, но не бессмысленным. Поверхностная причина – в акценте на социально-экономические факторы иного общественного состояния. Эта тематика становится более зримой в последующих исследованиях о культурных и антропологических трансформациях (Э.Гидденс, М.Кастельс, Дон Тапскотт). Неповерхностная причина – в самом статусе этического эйдоса или моральной идеи, которая существует в режиме «возвращения», осознания, рефлексии и экспертизы, когда процесс пошел-произошел и его результаты более-менее проясняются. Тогда морально-этическая составляющая изменившегося социокультурного ландшафта становится обозреваемой, «возвращение блудного сына» произошло: «Смотрите, кто пришел!» (название известной пьесы В.К.Арро). Перемены морально-этического ландшафта существенны, перекроились пространственные контуры моральной жизни. Первично их можно оценить по векторам автономии и гетерономии, внутренних и внешних обусловленностей в рассмотрении морали.

1. вектор автономии. Этическая автономия как ядро моральности на фоне новых вызовов переживает сложную противоречивую трансформацию. С одной стороны, вир-

туальный мир является залогом свободы, пространством вариативности, новых возможностей и личностной реализации. С другой, оборачивается «компьютерной автаркией», скорее, «бегством в свободу», «одионочеством в сети», наконец, необходимым опытом построения и апробации собственной нормативности. Следовательно, актуальными становятся техники освоения и ценностной навигации в этом мире, задаваемые образованием и воспитанием, подобные, вспоминая Аристотеля, неистребимым дианоэтическим и этическим добродетелям. При этом персональная подконтрольность каждого в эпоху технологического контроля за правовой, финансовой, производственной и бытовой деятельностью сужает личный моральный выбор.

2. вектор гетерономии. Возникновение современных коммуникативных технологий, социальных сетей и электронных медиа обернулось «эффектом сгущения» вокруг этической тематики, когда, независимо от характера информации и обсуждаемых в виртуальном поле вопросов, она выходит на передний план, более того, приобретает форму манипуляции и морализаторства нового образца. В поле новых медиа в варианте блогерской деятельности складывается иная публичность как альтернатива традиционным СМИ, в особенности, телевидению, его героям и авторитетам. Гетерономное давление социальной среды на отдельного человека здесь как будто ослабевает, но очевидная виртуал-эрозия этической нормативности компенсируется партикулярными, профессионально-корпоративными механизмами регулирования малых этосов, относящихся к областям прикладной этики. Таким образом, анонимность в виртуальных сообществах «большой сети» компенсируется повышенной моральной ответственностью в малых, персонифицированных по составу группах. Этика нуждается в постоянном согласовании моральных норм на личностном уровне с нормами на разных надличностных уровнях (правовом, экономическом, политическом, национальном и т.д.) – структуры прежнего ландшафта выветриваются, но не исчезают и продолжают задавать рельеф.

3. Утопичность взглядов Белла (в 1970-е гг.) на пост-индустриальное общество выражается в нынешнем обострении экологического кризиса. Поэтому в дополнение к предыдущему или как ещё один можно выделить морально-этический вектор ЭКОномии – нормирование «домоводства» в глобальном масштабе. Попытки вменить экологические правила как моральные нормы от персонального до глобального уровня, хоть и с переменным успехом, но будут продолжаться. Эта ситуация ещё раз доказывает, что мораль возникает как решение вопросов выживания.

Мапельман Валентина Михайловна

доктор философских наук, профессор

Московский городской педагогический университет

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО И МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС

Обновления, происходящие довольно энергично в научно-технической сфере в настоящее время однозначно определяются как прогрессивные. При этом, как правило, социальное развитие, составной частью которого они являются, далеко не всегда можно квалифицировать подобным образом. В сферах морали и нравственности ситуация складывается ещё более неоднозначная. При этом необходимо учитывать два обстоятельства. Первое, это то, что прогрессивное не просто новое, а лучшее на данный момент. Второе – то, что прогресс и регресс, если учитывать временной вектор, реализуются однонаправленно. В связи с этим приходится допускать, что активное стимулирование инноваций в области техники и поддержка обеспечивающих её наук способны провоцировать не только прогрессивные, но сопровождающие их регрессивные последствия.

Социальная структура социума, обусловленная естественными, экономическими и культурными причинами, консолидируя внутренне градированное человеческое общество, препятствует сосуществованию разных людей по одинаковым образцам, даже если их квалифицируют как всеблагое. Далек не каждый человек связывает (и связывал) счастье с обладанием (собственностью, властью, влиянием), свободу – с безответственностью за свои поступки, а справедливость – с заботой о «наибольшей выгоде наименее преуспевших» (Дж.Ролз). Однако именно властные, неподотчётные и преуспевающие заинтересованы в гарантированном обеспечении именно своих интересов, которые они стремятся представить как закономерные, прогрессивные и предпочтительные для «наиболее достойных». Убедительность таких теоретических выкладок не последним образом зависит от личной позиции их авторов.

Примером такого построения является работа «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» Дэниела Белла. Оказавшись в эпицентре очередных коренных обновленческих процессов буржуазного общества, автор предлагает свою версию его дальнейшего развития. При этом вся предшествующая история человечества (докапиталистическая) у него странным образом цементируется в единый период. При таком подходе назвать версию описания будущего социума прогностическим не представляется возможным. Не является она и альтернативной марксистской схеме, так как не равноценна ей по временному охвату, полноте и разнообразию рассмотрения социальных процессов, а, кроме того, её нельзя квалифицировать как противоположную (она просто иная). Это, несомненно, версия научного предвидения, оказавшаяся достаточно влиятельной. В частности, в настоящее время даже историю науки стали отсчитывать, начиная лишь с XVI–XVII веков.

Кроме того Белл предложил и довольно уязвимую социальную градацию общества на «творческую элиту учёных и высшей профессиональной администрации», «средний класс» и «пролетариат умственного труда». Из этой иерархии совершенно выпадает колоссальное количество населения нашей планеты, да и её саму при ближайшем рассмотрении сложно назвать научно обоснованной. При этом она крайне несправедлива, так как полностью настроена на обеспечение привилегий элитарных группировок, точнее, мировых финансовых элит. Судя по всему, её представители и есть основные заказчики теоретического обоснования пропагандируемых ценностных ориентиров, которые настоятельно внедряются в сознание населения посредством систем образования и всех (прежде всего информационных) средств массовой пропаганды. В частности, в ходе активного восхваления знаний, речь по сути дела ведется об их суррогате – информации; при определении наиболее достойных в качестве ведущих предлагаются два параметра: степень личных усилий (effort) и интеллекта (IQ); виртуальный мир представляется более предпочтительным, чем реальный; целенаправленно компрометируются естественные особенности человека и проявления его культурных традиций.

Приняв идею цифрового общества как данность, неизбежность, современная этика пытается её обслужить. Однако может быть сначала лучше осуществить экспертизу моральных принципов и идеалов, предлагаемых для его благоустройства? А вместо разработки этики «цифрового общества» дать нравственную оценку, рекомендуемых его идеологами стилей поведения?

Марина Мария Васильевна

аспирант, 4 курс, Воронежский государственный технический университет

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В
ПРОСТРАНСТВЕ МУЗЕЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ИХ ОСОБЕННОСТИ В МУЗЕЯХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

В последние десятилетия наблюдаются гигантские изменения в общественной жизни, тесно связанные с глобализацией, развитием научных и технических отраслей, ростом объема информации, получаемой человеком в процессе жизнедеятельности, а также с его растущими потребностями. На мировом рынке основной товар – различные знания и информация. Человечество достигло следующего этапа развития, выстраивается совершенно новое общество – информационное или цифровое. Каждая из развитых или развивающихся стран движется к информационному обществу, в зависимости от политических, социальных, культурных и экономических факторов своего развития. Все это формирует абсолютно новую модель поведения людей.

Автор доклада исследует влияние информационного общества на один из основополагающих феноменов культуры, сформированный многовековой традицией, — музей, а также его особая форма – музей образовательного учреждения.

Музеи играют ключевую роль в жизни современного общества, и именно они продолжают оставаться тем центром, который сохраняет культурные традиции, формирует в той или иной степени моральные ценности, наконец – является показателем развития цивилизации в целом.

За последние три десятилетия музеи и вся сфера культурного наследия претерпели кардинальные изменения и прошли путь от консервативных просветительских институций, в которых первостепенным являлся объект, до коммуникационной платформы, направленной на комплексную передачу социально сформированной коллективной памяти и оказание общественных услуг.

Музеи, чтобы привлечь новых посетителей, меняют как направление работы, так и форму экспонирования, применяя в своей работе новые технологии. Так как музей становится частью сферы услуг, это способствует открытию большого количества частных музеев, многие из которых акцентированы на сохранение наследия в меньшей степени, нежели государственные музеи. Такие музеи более интерактивные и, следовательно, понятнее и интереснее посетителям. Но при этом такие музеи склонны вольно интерпретировать прошлое, а иногда и вовсе занимаются мифотворчеством.

К сожалению не все государственные музеи «шагают в ногу со временем», оставаясь местом парадного показа прошлого и хранилищем старины. Так как музеи просветительские учреждения, они транслируют в общество ценности той или иной части общества. И, следовательно, существуют заинтересованные стороны, которые решают, что стоит сохранить и какой именно посыл транслировать. Таким образом осуществляется управление коллективной памятью. В условиях информатизации, чем крупнее музеи, и чем они ближе к власти, тем они максимально идеологизированы.

Особенным образом развиваются музеи образовательных учреждений, которые наиболее близко находятся к каждому из своих посетителей, их основная цель интеграция истории, культуры и искусства в повседневность. Ориентируясь на ценности цифрового общества, они помогают посетителю из объекта превратиться в субъект музея. Кроме того, такие музеи становятся еще и центрами интеграции различных социальных институтов.

Музеи образовательных учреждений позволяют испытать «радость узнавания» себя и повысить самооценку посетителя. Они способствуют приобщению студентов к профессии. Конечно, в смысле наполнения техническими новшествами эти музеи проигрывают, но как интерактивный и живой организм развиваются быстрее, потому что не только существуют для учащихся и студентов, но и зачастую создаются при их непосредственном участии, а значит, направлены на ценности своих создателей и посетителей.

Изначально начинавшее развиваться в образовательных учреждениях еще в средние века, музейное дело сейчас вновь переживает подъем именно в этой сфере. Таким образом, в отличие от крупных музеев с налетом консервативности, идеологии или потребления, музеи из сферы образования больше нацелены на нужды общества и, следовательно, развиваются вместе с ним.

Мочалова Ирина Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

**СОКРАТ, АНТИСФЕН И ИСОКРАТ О ПРИРОДЕ АРЕТЕ,
ИЛИ МОЖНО ЛИ НАУЧИТЬ ДОБРОДЕТЕЛИ?**

РФФИ №18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре»

Одним из ключевых вопросов этических дискуссий, имевших место в Афинах во второй половине V – первой половины IV вв. до. н.э. был вопрос о том, можно ли научить добродетели (и если можно, то как это сделать?). Ответ на этот вопрос не мог быть найден без уяснения природы арете. В докладе будет рассмотрена эволюция арете от значений «добротности» вещи и умений достигать «добротности» (в софистической пайдейе достижение арете – необходимое условие успеха) – к арете как моральному качеству (в практической этике, как правило, это такие качества как умеренность и сдержанность) и этической категории.

Понимание природы арете определило три основных варианта ответа на вопрос о возможности научить арете (Pl. Men. 70 a; ср.: Arist. E. N. 1099 10–14): 1) если арете – это природный дар, то научить арете нельзя, можно лишь создать условия для того, чтобы он в полной мере раскрылся (традиционная аристократическая пайдейя, Пиндар и др.); 2) если арете – это совокупность умений, навыков и знаний, необходимых для политически активного гражданина полиса, то профессиональные учителя-софисты могут обучить арете, обучая прежде всего искусству риторики и эристики (Протагор и в целом софистическая пайдейя); 3) если арете – это моральное качество, обучение необходимо, но состоит оно не в передаче готовых знаний, а в личном усилении и упражнении (Сократ, Антисфен, сократическая пайдейя).

К началу четвертого века стало понятно, что софистическая пайдейя как педагогическая стратегия не достигла своей цели; общее образование, или иначе, мусическое воспитание, оказалось не способным делать главное, обещанное Протагором, – делать людей хорошими, т.е. добродетельными, гражданами (Pl. Prot. 319 a 4–5). В качестве альтернативных этико-педагогических программ будут рассмотрены программа Исократ и программа Сократа и Антисфена.

В споре с софистами Исократ выступал наследником аристократической пайдейи: не считая добродетелью знанием, он полагал, что обучить арете нельзя, можно лишь развить то, чем ученик одарен от природы, обучая искусству слова, ибо человек не мог быть добродетельным, не владея словом. Обучение могло быть успешным только в том случае, если сам учитель обладает этим качеством и может служить образцом для

ученика (Isocr. XV, 274). Слово благородного учителя или добродетельного, мужественного и справедливого героя, усвоенное учеником, выступает носителем добродетели, а само красноречие принимает на себя функции учителя добродетели.

Предложенная Сократом и письменно зафиксированная Антисфеном пайдейтическая стратегия будет рассмотрена в качестве альтернативы не только утилитарной пайдейке софистов, но и стратегии Исократ. Идеалом сократической пайдейки становится самодостаточный частный человек, только личные усилия которого могут привести его к добродетельному образу жизни. Развивая идеи Сократа, Антисфен утверждает возможность обучения аreté под руководством учителя. Последний выступает в роли тренера, требующего выполнения ряда специальных упражнений, и сурового врача, помогающего выздоровлению больного. Трудные интеллектуальные и физические упражнения, по мнению Антисфена, должны служить воспитанию силы, необходимой для совершения нравственных поступков, позволяющей выносить страдания и лишения, воспитывать невозмутимость и выносливость, и, в конечном счете, достигать аreté, «орудия, которого никто не может отнять».

Мухутдинов Олег Мухтарович

кандидат философских наук, доцент

Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н.Ельцина
АВГУСТИН АВРЕЛИЙ. ЭТИКА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

1. Экзистенциальная ситуация.

В десятой книге «Исповеди» Августин переходит от повествования о своей прежней жизни к размышлению о том, каким он является «сейчас». Это размышление осуществляется из определенного опыта существования в мире. Исповедь, с одной стороны, обращена к тем, кого Августин называет верующими сынами человеческими: «они мои сограждане и спутники в земном странствии, все равно, предшествовали они мне, последуют ли за мною или сопровождают меня в моей жизни» [1, 131]. Опыт совместной жизни с другими людьми описывается из привычной временной структуры исторической жизни, включающей в себя представление о прошлом, настоящем и будущем. С другой стороны и прежде всего исповедь Августина обращена к Богу. Такое обращение требует безусловной открытости человека перед Богом. Экзистенциальный характер ситуации определяется вопросом «quid amo, cum te amo?» («Что же, любя тебя, люблю я?») [там же, 132].

Экзистенциально-онтическое переживание времени устанавливает возможные горизонты, в которых осуществляется поиск ответа на вопрос «quid amo, cum te amo?». В горизонте связанного со структурами созерцания и восприятия настоящего времени «теперь» Августин обращается с этим вопросом к земле, морю, безднам, обитающим в безднах пресмыкающимся, к веющим ветрам и всему воздушному пространству с его обитателями, к небу солнцу, луне и звездам – к вселенной, ко «всему, что обступает двери плоти моей» [там же, 132]. Открывающаяся в чувственном представлении красота мира предстает в этом поиске как красота божественного творения.

Экзистенциальный опыт самоопределения существования человека в мире разворачивается в форме противопоставления внутреннего и внешнего человека: «Вот у меня тело и душа, готовые служить мне; одно находится во внешнем мире, другая внутри меня. У кого из них спрашивать мне о Боге моем, о котором я уже спрашивал своими внешними чувствами, начиная с земли и до самого неба, куда только мог послать за вестями лучи глаз своих? Лучше, конечно, то, что внутри меня» [там же, 132]. В существовании человека в сотворенном Богом мире определяющим моментом является

присутствие Бога в душе человека. Ибо Бог есть «жизнь жизни» [там же, 133] («Deus autem tuus etiam tibi vitae vita est»).

Так возникает представление об экзистенциально-герменевтической структуре опыта переживания мира исторической жизни ранних христиан. Три элемента этой структуры составляют пребывание человека в мире, пребывание мира в Боге, пребывание Бога в душе человека. Ни в одном случае это пребывание не следует понимать в пространственном смысле. Ключевым фактором интерпретации этой структуры является аналитика феномена трансценденции (*die Inständigkeit des Daseins*).

2. Память (*memoria*).

Память хранит «бесчисленные образы всего, что было воспринято» [там же, 133], «сведения, полученные при изучении свободных наук» [там же, 135], «бесчисленные соотношения и законы, касающиеся чисел и пространственных величин» [там же, 137]. Для экзистенциальной интерпретации феномена исторического мира ранних христиан принципиальной является возможность понимания *memoria* не только как способности припоминания, но прежде всего как способности сознания горизонтов прошедшего и будущего времени. Ибо я помню не только прошедшее, но удерживаю в памяти и предстоящее. Память как способность представления в настоящем (и вместе с ней забвение/забывчивость) ориентирована на мирское существование, а потому не может рассматриваться как основание познания Бога человеком. «Память есть и у животных, и у птиц, иначе они не находили бы своих логовищ, гнезд и многого другого, им привычного; привыкнуть же они могли только благодаря памяти. Я пренебрегу памятью» [там же, 140].

3. Благая жизнь (*vita beata*).

Идея первоначального настоящего времени раскрывается у Августина в ходе обсуждения благой жизни. Содержанием благой жизни является «радость, даруемая истинной» [там же, 144] («*Beata quippe vita est gaudium de veritate*»). Переживание радости истины является равным образом способом содержательного переживания настоящего времени. «Христианская религиозность живет первоначальным настоящим временем как таковым» («*Die christliche Religiosität lebt die Zeitlichkeit als solche*») [2, 80].

Неявный характер «радости истины» первоначального настоящего времени определяется тем, что речь здесь идет о полностью скрытой от нас «нашей [обладающей] жизненностью жизни» [3, 365].

Литература

1. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий. Исповедь : Абелия П. История моих бедствий. М.: Республика, 1992. – 335 с.
2. Heidegger M. *Phänomenologie des religiösen Lebens* // Heidegger M. GA, Bd. 60. Vittorio Klostermann, Frankfurt a. M. 1995. – 351 S.
3. Husserl E. *Analysen zur passiven Synthesis*. Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten, 1918-1926 // Hua XI. The Hague, Martinus Nijhoff, 1966. xxiv + 532 S.

Назарова Юлия Владимировна

доктор философских наук, профессор

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Этическое образование в современной России осуществляется в системах высшего (как философская этика и как профессиональная этика) и дополнительного образования (как профессиональная этика в ходе повышения квалификации); вопрос о транс-

формации этического образования в условиях информационного общества остается открытым.

Этическое образование наиболее распространено в системе высшего образования, где, в основном, оно концентрируется на изучении профессиональной этики. Такой подход свойственен и западной системе образования: развитие в 60-х годах XX века прикладной этики повлекло за собой создание центров этических исследований; этические требования стали распространяться на представителей большинства профессий, поэтому вузы были вынуждены включить профессиональную этику в свои образовательные программы. Профессиональная этика часто воспринимается и преподается в отрыве от философской этики, что выражает определенное научное мнение, считающее ее самостоятельной дисциплиной; однако непонимание философского содержания нравственных категорий, лежащих в основании этики, заставляет воспринимать профессиональную этику как некий нравственный минимум, формируя дилемму – «должен ли хороший профессионал быть еще и хорошим человеком», однозначный ответ на которую (не обязательно должен) – определяет ряд других неразрешимых дилемм. Поэтому проблему разделения философской и профессиональной этики в современном этическом образовании можно назвать концептуальной.

В СССР этическое образование, напротив, отличалось тем, что этика, которая преподавалась в советских вузах с 50-60 годов, рассматривалась исключительно как теоретическая дисциплина, и универсализм методов изучения этики, по словам А.А. Гусейнова, стал причиной появления «этической схоластики»; впрочем, и сугубо практический подход, характерный для современного этического образования, выглядит как иная крайность: «когда мы говорим о преподавании этики, необходимо различать два аспекта: этика как составной элемент профессиональной подготовки специалиста... и этика как момент становления студента в качестве личности. Их надо различать не для того, чтобы развести, а для того, чтобы умело соединить... Одна из труднейших исследовательских задач в области этики, точно также как один из самых серьезных вызовов этическому образованию, состоят в следующем: как многообразие прикладных этик сегодняшнего дня соединить с этическим универсализмом классики» (Гусейнов, А.А. Об этическом образовании // Вестник Российского философского общества. 2003. №2).

Проблема совмещения теоретической и практической этики является наиболее важной для формирования оптимального содержания этического образования, но помимо этого существует и ряд других проблем:

- для отечественного этического образования характерен недостаток специалистов по профессиональной этике, обладающих философским образованием;
- недостаток учебных пособий по профессиональной этике, главным принципом которых был бы синтез философской и практической этики;
- иностранный опыт этического образования известен в России лишь среди узких специалистов

Все перечисленные факторы являются причинами того, что: в российском обществе часто возникают публичные конфликты, связанные с нарушением этических норм; не существует действенных кодексов профессиональной этики; возникают ситуации, которые невозможно разрешить правовыми средствами, что усиливает напряжение и агрессию в обществе.

Недостаточная эффективность специалистов с этическим образованием наблюдается в нашей стране в сферах, связанных с образованием, наукой, политикой, медициной, бизнесом, журналистикой. Особый вопрос – развитие цифровых технологий; возможно, что цифровая этика станет той частью этического образования, которая через несколько лет будет актуальна для большинства специалистов. Этическое образование в

России будет вынуждено развиваться условиях глобализации, в сферах биомедицины, педагогики, инженерии, архитектурной деятельности, так как в этих профессиях соответствие этическому стандарту является одним из уровней профессиональной квалификации.

Нечаева Ольга Дмитриевна

студент, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАВО ГУСЕНИЦ НА ЖИЗНЬ:

ЭТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЖИВОТНЫХ В АСПЕКТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Имеют ли животные право на этическое к себе отношение? Большинство современных людей утвердительно ответят на этот вопрос. А имеют ли животные «право на право», могут ли они выступать субъектами прав? Ответ уже не очевиден. Гражданский Кодекс Российской Федерации, например, относит животных к категории «имущество», а имущество прав не имеет. Однако наделение правами неразрывно связано с этикой. В.С.Соловьев определял право как необходимый «минимум нравственности». Почему же в гуманном современном обществе не укоренена мысль о том, что не только человек имеет право на этот «минимум»? Сегодня особенно важно знать историю этического и правового отношения к животным: зоозащитные движения набирают популярность, в России принят закон от 27.12.2018 №498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении поправок в отдельные законодательные акты Российской Федерации», при этом видео с крупных животноводческих ферм могут ужаснуть самого несентиментального человека.

Когда зародилась мысль о необходимости этического отношения к животным? В Средневековье существовал юснатуралистский тип правопонимания, в соответствии с которыми все элементы мироздания считались наделенными правами и обязанностями. Результатом такого восприятия стали судебные процессы над животными, совершившими «правонарушения». Подобные процессы вовсе не были проявлением жестокости. Например, в 1545 г. французские землевладельцы затеяли судиться с жуками-вредителями. Однако суд вынес решение, что земля сотворена Богом равно для зверя и человека, и жуки имеют право на ее плоды. А в начале XVI в. французский адвокат Бартеlemi де Шаснэ сделал карьеру на защите... мышей, убедив судью, что мыши, съевшие посевы, не могут явиться в суд, так как это связано с риском для их жизни – они боятся кошек. В тяжбе с гусеницами, оккупировавшими поля (1659 г), итальянский суд признал «право гусениц на жизнь, свободу и стремление к счастью».

Благодаря средневековому восприятию правового статуса животных, животные оставались включенными в этическое и правовое поле. В эпоху же Просвещения зародилось отношение к животным как к машинам, автоматам, не чувствующим боли. Оно появилось во многом потому, что именно в эту эпоху развивался этактический тип правопонимания. Юснатурализм провозглашает нравственную основу права: то не является правом, что не является добром. Этактизм же отходит от этой концепции: право – это любое предписание государства, оно не имеет нравственной основы. Такой подход к праву повлиял и на этические нормы – животные были исключены как из правового, так и из этического поля.

Сегодня ситуация меняется, звучат требования этического отношения к животным и законодательного закрепления их прав. Проследив историю правового и этического статуса животных, можно понять, что эти изменения связаны с возрождением юснатурализма. После потрясений XX в. становится очевидным, что законодательство может быть безнравственным, поэтому законы должны полагаться нравственным идеалом – соответствием принципу защиты прав человека и других живых существ.

Таким образом, нравственно-этический аспект отношения к животным напрямую связан с аспектом правовым, юридическим. Только их взаимодействие, право, основанное на нравственности и нравственность, подтвержденная правом, сможет привести к истинно этическому отношению к животным – и многому в этой сфере нас может научить исторический опыт.

Новикова Ольга Валерьевна

кандидат философских наук

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
старший администратор международных программ

Еременко Юлия Андреевна

Социологический институт РАН (г. Санкт-Петербург), младший научный сотрудник

ЭМПАТИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЙ

Будучи важными составляющими многих сфер, эмпатия и идентичность находятся в центре грубой концептуализации в социальных науках и философии. В своем исследовании мы рассматриваем, как эти понятия формируются в различных теориях. В представленной работе мы анализируем наиболее часто используемые описания эмпатии и идентичности, употребляемые вместе или по отдельности. Например, некоторые ученые и журналисты видят социальную ценность в эмпатии и идентичности – их отсутствие влечет за собой появление неравенства и не толерантности. Другие рассматривают их с биологической точки зрения, отдавая все свое внимание человеческому мозгу как источнику этих феноменов. В этих и других примерах мы находим разные определения этих понятий, также как и разные отношения между указанными феноменами. Иногда нет никакого определения вовсе – в подобных исследованиях авторы предполагают, что все итак знают, что означают идентичность или эмпатия и, в конечном итоге, они могут представлять множество понятий в одном исследовании. Мы находим, что ни одно из них является последовательным или достаточным для того, чтобы использовать его для последующих исследований. Мы показываем, как новый теоретический словарь можно применить, чтобы разрешить противоречия и поднять на новый уровень наше понимание этих важных терминов. Мы утверждаем, что, давая определения этим терминам, важно видеть их как неотделимые части одного процесса. Однако нужно также определить, где проходит граница между этими понятиями: в каком случае следует использовать термин идентичность, а в каком эмпатия. Это исследование открывает новую перспективу на решение таких социальных и философских проблем как отношение разума и тела, свободы и детерминизма, природа социальных отношений.

Во-первых, мы рассматриваем различные подходы к идентичности, конструируемую объективно или субъективно. Мы сконцентрируемся на национальной и этнической идентичности. Во-вторых, мы перейдем к описанию идеи эмпатии и теоретических подходов к ней, в частности, к ее нейробиологической и социальной составляющих. В конечном итоге мы объединим контекст, в котором используются оба термина, на основании первых двух частей и покажем, что рассмотрение их в одном исследовании, при внимательном их определении и разделении, дает не только видение этих понятий в отдельности, но и раскрытие процесса понимания другого человека с наиболее низкой, биологической ступени и до формирования такого социального феномена как идентичность.

Оводова Светлана Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Омский государственный университет им.Ф.М.Достоевского

ДЕКОЛОНИАЛЬНАЯ ЭТИКА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОПЫТА КУЛЬТУРНЫХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРАВМ В ГЛОБАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

грант Президента РФ проект МК-6373.2018.6.

В исследовательских программах XX-XXI вв., *postcolonial studies* и *trauma studies*, осмысляется опыт людей, ранее вытесняемый из пространства как официальной, так и массовой культуры. Глобализационные процессы позволяют во множестве локальных событий, культурных практик и в отдельных жертвах травмирующих событий увидеть общие свойства. Для концептуализации и выявления механизмов построения репрезентаций идентичностей подчиненных и травмированных в исследованиях вводятся методологические рамки, позволяющие зафиксировать уникальный опыт людей. В постколониальных исследованиях для описания уникального опыта подчиненного и угнетенного используется понятие *subaltern*, анализируется его гибридная идентичность. В *trauma studies* для осмысления опыта травмированного субъекта вводятся понятия свидетеля и жертвы. При анализе способов репрезентации голосов «неуслышанных» в *postcolonial studies* и *trauma studies* выявляется ряд методологических сложностей и обосновываются ограничения, которые должны быть учитываться при дальнейшем создании культурных форм, рассказывающих об опыте травмированных и подчиненных.

Представители *decolonial turn* говорят о различии колониализма как исторического факта и колониальности как схем мышления, продолжающих воспроизводить доминирование и подчинение в культуре. Несмотря на то, что колониализм как факт остался в прошлом, тем не менее, властные механизмы угнетения продолжают действовать. Представители *decolonial option* критикуют *postcolonial studies* за то, что те обозначили проблему угнетения и доминирования, но для описания этой проблемы используют западные интеллектуальные образцы. Деколониальный поворот ставит вопрос о категориях восприятия культурной реальности, акцентируя внимание на том, что привычные теоретику культуры понятия и категории, в большинстве порождены западной наукой. Освобождение от привычных методологических схем и ходов системы знания аргументировано тем, что знание контекстуально, что, используя современную логику, постколониальные исследователи продуцируют западное знание. Для устранения ситуации подавления и подчинения представители деколониального поворота пытаются создать внеиерархичные пространства, где бы любой человек не чувствовал притеснения и угнетения. Они в своих работах даже отказываются от фиксации деколониальности как исследовательской практики (*studies*), ибо это есть деление на субъект и объект, а, следовательно, формирование оптики надзирателя и исследуемого, что противоречит деколониальной этике.

Как в отношении «травмированных», так и в отношении «подчиненных» проблема корректного осмысления и репрезентации травмирующего опыта не решена до сих пор. При создании форм репрезентации голосов «неуслышанных», нарративов о травмирующем опыте существуют две предельные крайности, которое необходимо избегать. Рассказ об опыте травмированного может либо стигматизироваться и замалчиваться, либо коммодифицироваться и превращаться в шокирующее глобальное шоу на рынке медиа для общества впечатления. И тот и другой сценарий искажает опыт и не позволяет зафиксировать настоящий опыт травмы. Потенциал развития методов *trauma studies* и *postcolonial studies* нам видится в применении деколониальной этики

для создания адекватного языка описания и анализа опыта людей, чьи идентичности кардинальным образом трансформируются после пережитой травмирующего события и оказываются вытесняемыми из понятия нормы, вследствие чего люди и их «голоса» маргинализируются.

Овсяный Игорь Юрьевич

магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

РЕЦЕПЦИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЫ В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА: МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ YOUTUBE)

Все более возрастающая роль медиапространства в трансформации и развитии общества ставит новые задачи перед современной наукой, в том числе обязывает исследователей обратить внимание на этический аспект данной сферы. Доступность медиаресурсов порождает массу новых информационных потоков, которые позволяют изучать культурное и этическое восприятие индивидов и социальных групп того или иного феномена.

Определение в качестве объекта настоящей научной работы именно блокады обусловлено не утихающим интересом к ней общества и современной гуманитарной науки.

Несомненным фактом является наличие большого количества контента, уделяющего внимание тематике блокады Ленинграда в русскоязычном информационном поле. Кроме того, отдельного внимания заслуживает аналогичная тенденция на увеличение количества материалов в зарубежных медиа-источниках, в частности в иноязычных сегментах сайта YouTube. В качестве площадки для исследования был выбран именно этот информационный ресурс, поскольку он является популярнейшим видео-хостинговым сайтом и одним из лидеров по количеству посещений.

Общеизвестным является отношение к блокаде на постсоветском пространстве, что в свою очередь влечет за собой закономерный вопрос о взгляде противоположной стороны этого конфликта. К примеру, при поисковом запросе на портале YouTube «Belagerung von Leningrad» или «Blockade von Leningrad» (с нем. «блокада Ленинграда»), количество видео, которые были опубликованы за последний год, значительно превышает показатели предыдущих лет.

Кроме того, по мнению автора, одной из приоритетных задач является так же анализ комментариев пользователей сервиса к видео-роликом по избранной тематике, содержащих этическую оценку произошедшего события. С целью конструктивного анализа было принято решение систематизировать все изученные комментарии по двум категориям:

1. комментарии, которые не содержат этическую оценку блокады;
2. комментарии, которые содержат этическую оценку блокады;

А в последствии комментарии второй группы были проанализированы на основе упоминания различных этических проблем.

Результаты проведенного исследования подтверждают гипотезу автора о все более возрастающем интересе к указанной теме со стороны пользователей, представляющих немецкий сегмент интернет-хостинга Youtube. Свидетельством этого служит большое количество просмотров и комментариев, содержащих этическую оценку события. Помимо этого, зрителями предпринимается попытка осмысления произошедшего через призму современности. Взгляды на проблему существенно разнятся. В комментариях отражается большое количество этических проблем: правда, истина, честь, совесть, гордость и т.д. Кроме того, учитывая сложность, неоднозначность, а также

малую степень изученности выбранной темы, был сделан вывод о необходимости более углубленного ее изучения.

Овчинникова Елена Анатольевна
кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

РУССКАЯ ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ:

АКТУАЛЬНОСТЬ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА

РФФИ №19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли»

Постановка данной проблемы обусловлена, с одной стороны, логикой развития современной теоретической этики и необходимостью обобщающих исследований в области истории русской этической мысли, с другой стороны – практическими задачами прикладных этических исследований, обращению к открытым проблемам современного российского общества, переживающего очередной этап социальных трансформаций на пути к цифровой экономике. Разработка понятийно-категориального аппарата была и остается одним из главных условий построения теории, поскольку именно в понятиях и категориях фиксируется и закрепляется не только сам объект исследований, но и его специфические характеристики, закономерности развития, выявляя его предметное содержание. Изучение теоретического языка этики необходимо для решения многих современных интеллектуальных и практических задач. Недостаточная разработка и упорядоченность этого инструмента теоретического анализа усложняет строгое вычленение и описание явлений морального порядка, анализ феноменов, входящих в структуру морали, исследование способов их существования и динамики развития. Современные исследования в области теоретической этики свидетельствуют об интересе к классическим проблемам, которые то отходят на второй план перед насущными современными моральными вызовами, то вновь возвращаются в дискуссионное поле – это проблемы универсальности в морали, абсолютного и относительного, традиции и трансформации этики. На наш взгляд, в этом выражается стремление к совершенствованию категориального аппарата этики, строгости концептуального поля исследований, исследование современного понятийного языка морали. Изучение категориального аппарата представляется одной из наиболее сложных теоретических проблем в этике. В понятийно-категориальных структурах явления морали фиксируются, терминологически и логически закрепляются со стороны их универсальных внутренних связей и закономерностей, что позволяет объединить с помощью рациональных процедур все многообразие исследуемых явлений в едином концептуальном поле.

Русская этическая мысль как живая традиция, ценностное основание современных нравственных практик и доминант общественной морали российского общества должна быть осмыслена и представлена в своей категориальной целостности. Таким образом, изучение категориальных структур отечественной этики актуализируется, с одной стороны, как теоретико-методологическая проблема, с другой – как необходимость выделения теоретических концептов для осмысления нравственной жизни современного российского общества.

Проблема категориального строя русской этической мысли остается открытой для дискуссий, дальнейшего изучения, актуализируется в контексте построения теоретических моделей современных прикладных этик, является необходимым компонентом современного этического образования.

Перова Нина Вадимовна

студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА БИОЛОГИЧЕСКОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В современном философском дискурсе понятие совершенства становится все более многофакторным, а разнообразие подходов и ракурсов рассмотрения приводят к нарастающим дискуссиям о природе идеала и путях его достижения. Когда речь заходит о совершенстве, интересна позиция Канта. Идеалом красоты он считал человека, и человека же он называл идеалом совершенства. При этом, красоту Кант видел как символ нравственности. Следуя логике Канта в понимании идеала, следует обратиться к его основанию – нравственной красоте личности, нравственному совершенствованию, которое воплощается в эстетически прекрасном.

В современных концепциях перфекционизма наиболее дискуссионной становится проблема биологического совершенствования, новых способов и методов создания «идеального морального человека». В истории есть примеры активного использования медикаментов и хирургических операций (таких как лоботомия) в попытках контролировать поведение людей. Существует мнение, что общество нуждается в новой системе морали, новых способах и методах создания «идеального морального человека».

На сегодняшний момент нравственно-эстетическое совершенство является объектом жарких дискуссий. В наиболее общем виде аргументы за биологическое совершенствование выглядят так:

1. Естественность. Сторонники нейросовершенствования утверждают, что нет принципиальной разницы между улучшениями, исторически использовавшимися людьми и улучшениями с помощью лекарств или других нейротехнологий. Многие даже утверждают, что постоянное стремление к совершенствованию является признаком человека.
2. Когнитивная свобода. Другие аргументы основаны на идее автономии субъекта. Согласно им, важным элементом автономии является свобода определять для себя, что делать с нашим разумом, включая когнитивные улучшения, если мы того пожелаем.
3. Утилитарные аргументы. Многие сторонники когнитивного улучшения указывают на положительные эффекты совершенствования и утверждают, что выгоды перевешивают затраты.

При этом есть и противники биологического усовершенствования. Их основные аргументы можно изложить следующим образом:

1. Нанесение вреда. Вмешательства в мозг несут риски причинения вреда, которые делают использование этих вмешательств неприемлемым. Некоторые предполагают, что в целях улучшения не оправдано никакого риска.
2. Неестественность. Ряд мыслителей утверждают, что в той или иной форме использование лекарств или технологий для повышения наших способностей является неестественным, и считают, что неестественность подразумевает аморальность.
3. Снижение человеческой активности. В данном аргументе утверждается что эффект усиления будет состоять в уменьшении человеческой свободы действий, подрывая необходимость в реальных усилиях и позволяя добиться успеха с помощью морально-бессмысленных «коротких путей». Человеческая жизнь потеряет ценность, достигнувшую в процессе стремления к цели, и в результате будет полностью обесценена.
4. Равенство и справедливое распределение. По мере того, как совершенствования увеличивают возможности тех, кто использует методы биологического совершенствования,

ования, они, вероятно, еще больше увеличат и без того немалый разрыв между имущими и неимущими.

5. Принуждение. Очевидно, что, если государство решит сделать совершенствование обязательным, это фактически принуждение. Хотя прямое принуждение кажется маловероятным в ближайшее время, менее явные формы принуждения являются более реалистичными угрозами, например, такие как принуждение общественным мнением. Оставив в стороне вопрос о практической возможности реализации данных теорий, можно увидеть множество проблем, вставших перед этикой в связи с перспективами биологического морального совершенствования. Каким образом эти методы соотносятся со свободой человека? Каковы риски их использования? И какое влияние они окажут на социо-экономическую систему мира? Эти и множество других вопросов относительно биологического морального совершенствования на сегодняшний день не имеют ответов. Их поиск является одной из основных задач современной этики перфекционизма.

Полякова Наталья Валерьевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ «СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.

Практическая реализация системы «социального рейтинга» (Social Credit Score или SCS), запущенная в 2014 г. на государственном уровне в Китае, обозначила множество проблемных точек этого пилотного социального проекта, в том числе, и этического характера.

К 2020 году Китай планирует подключить всех граждан к системе социального рейтинга: пока этот замысел не реализован, но активно продвигается государственными структурами на всех уровнях и в разных направлениях. Сутью данной системы является отслеживание социального поведения граждан с помощью постоянного контроля и учета их действий по самым разным параметрам не только в публичном, но и в частном пространстве, что позволит давать многомерную оценку этому поведению в форме рейтинга. Итогом должно стать построение своеобразной модели благонадежности каждого гражданина с точки зрения государства как института, на основе которой будет вырабатываться степень его доверия к каждому отдельному человеку. Основной целью внедрения данной системы постулируется не государственная безопасность, а «построение гармоничного социалистического общества», главной ценностью которого провозглашается честность во всех аспектах человеческого поведения. В качестве рычагов управления используется традиционная по своей сути политика «кнута и пряника» – разнообразные санкции за нарушение этого доверия (например, запрет на поездки за границу, ограничение доступа к интернет-услугам и др.) и соответствующие процедуры поощрения за проявление благонадежности (например, допуск к бюджетным рабочим местам, повышение уровня социальных услуг и др.).

Западные политологи при этом отмечают, что китайская модель контроля за обществом в формате выстраивания «социального рейтинга» своих граждан, которую многие называют «тоталитарной», со временем, в соответствии с логикой развития современного общества будет принята в различных модификациях и в т.н. демократических странах, поскольку в этих новых условиях все государства будут стремиться укреплять правовые, нормативные и политические процессы посредством применения информационных технологий. При этом китайский вариант осуществления данного проекта, во многом опирающийся на сильные традиции конфуцианства, фиксирует с по-

мощью определенных технологий внимание внешнего наблюдателя на таких тонких гранях социальности, которые ранее, оставаясь за рамками политико-правового регулирования, составляли пространство, в первую очередь, моральной регуляции: например, практики частного взаимодействия с другими людьми, в том числе, близкими родственниками (процедуры знакомств и свиданий, проявления агрессии в семье, процесс деторождения, отношение к собственным родителям и т.д.). Именно поэтому реализация данного проекта поставила на повестку дня не только политико-правовые проблемы, связанные с защитой прав и свобод человека, но, в том числе, и этические вопросы.

Попов Данил Сергеевич

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА И ЭСТЕТИКА СЕБЯ КАК КОНТРСТРАТЕГИИ МЕХАНИЗМУ БИОВЛАСТИ В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ПРОЕКТЕ М.ФУКО

По мысли М. Фуко в европейской истории можно выделить несколько типов борьбы за свободу: во-первых, противостояние этническому, социальному и религиозному господству; во-вторых, противостояние эксплуатации, отделению индивида от производимого им; наконец, в третьих, борьбу против подчинения субъективности. Последний тип наиболее присущ современности и связан с ситуацией биополитики, характеризующей наше время. Нормализация жизни сегодня стала главным фактором несвободы: современный человек знает про себя все, что, как полагает, должен знать: «что значит быть видом живого в мире живого, иметь тело, условия существования, статистическую продолжительность жизни, индивидуальное и коллективное здоровье, силы, которые можно изменять, и пространство, где они могут быть распределены оптимальным образом». Стратегией борьбы против такого положения дел не может являться ни бунт, ни легальная борьба в рамках политического поля, ни критика на страницах научных книг и журналов: техники биовласти присутствуют на всех уровнях социума, разворачиваясь в образе жизни обычного человека ничуть не меньше, чем на уровне государственной политики. М.Фуко, в свою очередь, связывал возможность отстаивания собственной свободы в таких условиях с тематикой философского этоса, который в его позднем творчестве оказывается тесно связан с понятиями этика/эстетика себя, искусство существования. Идея подобного проекта состоит в том, что если в настоящем мы не предпринимаем попыток культивировать себя этико-эстетически (вне предписываемых диспозитивом образов действий) кто-то или что-то выполнит эту работу над нами за нас. Самотрансформация, этос существования в той мере, в какой это возможно предохраняют нас от объективации жизни. Однако анализ последних лекционных курсов М.Фуко показывает, что эстетика себя позволяет не только избежать биополитической нормализации в процессе конституирования субъекта но и выступает условием позитивного духовного опыта – опыта истины, претворяющего интеллектуальную критику биовласти в конкретный философский этос. Ведь с точки зрения М.Фуко, история западной философии есть неразрывное единство доктринальных традиций и традиций существования. Иными словами, философия не только являет собой историю идей, но также историю тех форм, стилей и типов жизни, которые сопровождали эти идеи и воплотились в конкретном этосе их носителей как в формах философского героизма. Таким образом, возможный акцент на «себе» не как на какой-либо субстанции, но как на жизни (bios) и образе жизни, который ни в чем не укоренен, дает возможность получения уникального духовного опыта, свободного от доктринальности «метафизических» традиций и, соответственно, биополитической нормальности. Этот духовный опыт, репрезентирующийся в образе

существования субъекта является в некотором смысле философским опытом, опытом истины, что, в свою очередь, требует от субъекта предельной ответственности перед самим собой и перед той истиной, которую он претворяет в жизнь. Кроме того, такое «искусство существования» предстает как очень мобильный принцип, способный достаточно гибко изменяться и реагировать на те или иные аспекты, которые открываются перед субъектом через генеалогические разыскания и философскую рефлексию. И хотя, вероятно, говорить о идее какого-либо окончательного освобождения у М.Фуко невозможно, эстетизирующий собственное существование субъект, несомненно, имеет целью своего движения свободу: не как субстанцию или точку на пути, но как что-то, что он всегда заново разрабатывает для себя сам.

Ракетская Анастасия Олеговна
студент, 3 курс

Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н.Ельцина

ТИПЫ МОРАЛЬНОГО КЛИМАТА И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Моральный (этический) климат в определении Виктора и Каллена трактуется как «преобладающее восприятие деятельности организации ее сотрудниками, имеющее этическое содержание». Исходя из данного определения, организация играет значимую роль в формировании этического поведения ее сотрудников. Основываясь на концепциях моральной философии, Виктор и Каллен предложили спектр типов морального климата: принципиальный (деонтологический подход) – предписывает следовать основным правилам, критерий благожелательности (утилитаризм) – предписывает заботиться о благополучии других людей, а эгоизм – о личных интересах. Данная типология морального климата оказывает влияние на природу этических конфликтов в организации, на процессы разрешения данных конфликтов и на отличительные черты их разрешения. Концепция морального климата Виктора и Каллена отличается от «моральной идентичности» и «морального сознания» тем, что исследует то, как социальная атмосфера в организации влияет на этическое поведение сотрудников, способствуя их коллективному моральному мышлению.

Современные подходы определяют моральный климат как понятие, отражающее этические ценности, нормы, установки и поведение членов социальной системы (Арно). В настоящее время моральный климат организации связывается со следующими факторами: тип организации, работа HR-специалистов, действующий этический кодекс организации, поведение руководителя и стиль его лидерства, управленческие практики. Моральный климат показывает, как сотрудники могут использовать нормы организации в качестве руководства по нравственному поведению. Так, например, «заботливый климат» основывается на следующих ценностных ориентирах организации: эмпатия, терпение, дружелюбие, уважение, искренность. Данный тип морального климата предполагает высокую степень доверия членов коллектива по отношению друг к другу. Также, присутствует развитое чувство сплоченности, которое нередко понимается сотрудниками как чувство «семейности», «общего дома». Это поднимает общий моральный дух коллектива, так как каждый может рассчитывать на поддержку. Немалую роль играет поведение лидера – начальника. Если он обращается справедливо и честно со своими подчиненными, то и в коллективе обстановка будет складываться таким же образом. Некоторые исследования также подтверждают, что организационная структура, которая основывается на гуманности, способствует развитию межличностного доверия. Для эгонистического типа морального климата характерны следующие ценностные ориентиры: личная выгода, конкуренция, злоупотребление

властью, индивидуализм. Поведение членов подобных организаций исходит из погони за личными интересами, иногда это происходит в ущерб другим. В данных организациях, как правило, присутствует несправедливость и нечестное поведение, как следствие удовлетворения личных интересов. Замена моральных ценностей организации, выраженное в отношении к человеку не как к цели, а как к средству, формирует неэтичное поведение. Очень часто в подобных организационных структурах данное поведение поощряется и вознаграждается начальством. Это приводит к нивелированию доверительных отношений внутри организации. Поведение коллег расценивается как ненадежное, а, следовательно, и как неэтичное. Деонтологический тип климата основывается на строгом соблюдении предписанных социальных норм и правил внутри организации. Данные нормы находят свое отражение в этических кодексах. Основные ценности организации воплощаются в четкие принципы поведения. Соглашанность сотрудников организации с данными принципами поведения усиливают доверие членов коллектива по отношению друг к другу и узаконивают принятые решения. В соответствии с принятыми стандартами компании, закрепленными в этических кодексах, никто из сотрудников организации не может быть подвержен несправедливости, использованию в личных целях. Права и интересы каждого члена организации будут закреплены формально, регулируя жизнь коллектива. Риск проявления неэтичного поведения одного из сотрудников по отношению к другому при данном типе морального климата нивелируется, так как помимо влияния этических кодексов и закрепленных правил, действует авторитет лидера-начальника.

Таким образом, моральный климат внутри организации определяется множеством факторов, ключевые из которых: тип организации, стиль лидерства, наличие определенных стандартов внутри организации, закрепленных в этическом кодексе. Этичное поведение соблюдается при деонтологическом типе климата – способствует доверию, связанному с взаимным уважением определенных стандартов компании. При заботливом типе климата сплоченность коллектива определяется стремлением к общим целям компании, что также формирует этичное поведение внутри нее. Эгоистический тип климата же наоборот, уходит от главных нравственных ценностей любой организации: честности, справедливости и уважения интересов членов коллектива. Это, в свою очередь, может привести к отчуждению сотрудников от организации.

Рахманинова Мария Дмитриевна
доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский Горный университет

ЛИБЕРТАРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ:

КРИТИКА КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖИВОТНОГО С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В классической (в особенности картезианской) эпистемологии, господствовавшей в науке до самого конца модерна, одна из основных модальностей – модальность исключения. Точнее, своего рода двойного исключения: из поля субъектности в широком смысле – как способности к речи о мире, и из субъектности в узком смысле – как способности к представлению и речи о себе. Таким образом, одним из основных мотивов картезианской эпистемологии становится описание полагаемого объекта в терминах, избираемых субъектом на основании его представлений об объекте и его качествах, видимых субъекту из его эпистемологической локации (часто мало информативной).

Коротко эту эпистемологическую позицию следует обозначать как механику власти. Исторически её наиболее последовательная теоретическая и практическая деконструкция предпринималась в рамках анархистской традиции – как максимально сфокусиро-

ванной на проблематизации власти как феномена, во всём многообразии её проявлений: экономической власти капитала/собственности (П.-Ж.Прудон, Д.Грэбер, М.Букчин и др.), политической власти государства (М.А.Бакунин, П.А.Кропоткин, П.Гелдерлоос и др.), гендерной власти (Э.Гольдман, В. де Клер, П.Корнетгер и др.), эпистемологической власти любых больших нарративов (М.Штирнер, С.Ньюман и др.).

В последние десятилетия эту оптику, вслед за эпистемологическим анархизмом (П.Фейерабенд), переняла и продолжила акторно-сетевая теория (АСТ), провозгласившая принципиальную несостоятельность научных данных, полученных из такой властной парадигмы (Блатур, Д.Харауэй, Д.Ло), поскольку они неизбежно содержат себе лишь то немного, что было доступно субъекту исследования из его узкого представления об объекте и ограниченного угла зрения. (А.Салин). Цирк с животными – лишь гротескная модель навязывания поведения, не свойственного полагаемому объекту и препятствующая обнаружению его как такового. Столь же неинформативны и прочие данные о мире из позиции властной эпистемологии. Таким образом, экзистенциальная, естественнонаучная и политическая критика власти акратической традиции приобрела новое – научно-методологическое – измерение в лице АСТ и напрямую соединилась с проблемой качества научного знания.

Риторически эпистемология власти всегда опиралась на провозглашаемую научной картину мира, как бы санкционирующую все соответствующие формы исключения и обосновывающую принципиальную несубъективируемость всех, кроме самих патентованных в ней субъектов. В случае животных таким «научным обоснованием» долгое время служила картезианская теория

животного как «автомата» (как лишённого вечной души и не способного к страданию в виду отсутствия опыта грехопадения). Именно с такой его репрезентацией в знании связывались те практики эксплуатации, мучения и уничтожения, которые стали повседневными и для современного мира, поставившего их на глобальных поток, соответствующий потребностям текущей неолиберальной экономики.

Парадоксально (но вполне предсказуемо), даже после изменения консенсуса естественных наук о природе животного и его свойствах эти практики не прекратили своего существования, несмотря на явное противоречие, в которое они вступили уже и с самой наукой, от которой изначально отталкивались (Т.Regan, G.L.Francione и др.). Напротив, к ним добавились новые векторы – многообразной мифологизации животного в коммерческих целях.

Таким образом, на сегодняшний день одна из основных задач, стоящих перед обществом, заключается в том, чтобы добиться соответствия господствующих в культуре практик в отношении животных – знанию современной науки, и отказаться от всех форм репрезентации исключённых «объектов», соответствующих представлениям, релевантным данным науки XVII-XIX веков. Сегодня это уже не только политическое требование (как во времена Интернационала), но и требование непротиворечивого сценария существования культуры в целом (что особенно актуально в условиях тотального экологического кризиса). АСТ и либертарная антропология представляются наиболее действенным средством для артикуляции этого требования и поиска стратегий его выполнения – прежде всего через репрезентацию исключённых «объектов» в соответствии с их внутренней логикой (что лишает оснований любые сценарии власти).

Робин Иван Леонидович

студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ КОНФЛИКТОВ НА ТЕМУ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА МОРАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА

В 21-м веке, по всему миру мчится волна толерантности и либеральных ценностей. В обществе всё больше слышны разговоры о том, что для развития человечества нам следует отринуть представления, которые формировались годами и перейти к следующему этапу, который позволит нам не заикливаться на внешнем виде того, с кем мы говорим, на том, кем были его предки, какое он получил образование, а давать каждому как можно больше шансов на самостоятельное развитие и достижение тех или иных высот – никакого сексизма, расизма, ничего из всего этого.

Идея, естественно, прекрасная. Но, как и любая другая идея, у неё есть свои противники – “женщины заслуживают зарплат на уровень ниже”, “мозг у негроидной расы физически хуже развит и меньше, зачем им стипендии на обучение” и так далее.

В связи с этим, в обществе параллельно развиваются два подхода, которые находят отражение в социальных сетях, где, как и всегда, происходит безумное количество конфликтов между людьми, которые не знают друг друга, пытающихся убедить оппонента в том, что его позиция в корне не верна.

Радикальные феминистки и “Мужское государство”, “Black lives matter” против “All lives matter” и многое, многое другое.

В связи с этим, можно вспомнить классика конфликтологии, Льюиса Козера, который еще в середине 20-го века говорил о том, конфликты приводят к появлению новых социальных институтов, из чего можно выдвинуть следующий тезис – такое количество ценностных конфликтов рано или поздно должно привести нас к следующим событиям:

1) Изменению отношения к данным конфликтам – либо они будут решены уже глобально, и остатки старого мышления будут лишь в странах, которые будут по тем или иным причинам отказываться от прогрессивного мышления – например, КНДР, либо же люди окончательно придут к пониманию того, что такие конфликты решить невозможно.

2) Развитию социальных институтов, регулирующих взаимоотношение между представителями различных социальных движений. Например, станет некультурно продолжать вечные споры лишь в интернете и родится культура дебатирования в реальной жизни, так как ничто не мешает украсть такой вариант общения у политиков.

Соответственно, можно без сомнения заявить, что ценностный конфликт в сфере толерантности определенно сильно повлияет на наше будущее, особенно если мы пойдем по пути принятия других людей и их отличий от нас, так как такое мировоззрение позволит всем нам гораздо комфортнее пребывать в обществе, не задумываясь о том, будут ли нас осуждать за иной цвет кожи, самоопределение, политические взгляды и прочие вещи, которые люди обычно не могут выбирать для себя сами, а лишь рождаются с этим.

Рыбакова Дарья Павловна

студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РЕКЛАМЫ: ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Феномен рекламы формируют культурно-информационное пространство, оказывающее воздействие не только на систему моральных ценностей в обществе, но и на психику отдельного индивида. Реклама имеет многовариативный инструментарий эмо-

ционального контроля индивида, позволяющий во многом влиять на мировоззрение, ценностные установки как отдельного человека, так и общества в целом.

Рекламируемые товары становятся характеристиками стиля жизни, стереотипными критериями социальной группы, с которой стремится соотносить себя индивид. Такие характеристики – модели мира – помогают потребителю в создании иллюзорного представления о самом себе, возможно не соответствующего его реальному статусу.

Реклама формирует нравственные образцы и стереотипы. Стереотип в сфере нравственных отношений может играть как положительную, так и негативную роль. С одной стороны, стереотип позволяет человеку принимать решения в стандартных ситуациях и следовать принятой общественной нормативности, с другой стороны, стереотип подменяет, замещает моральную рефлексию, представляя готовый вариант поведения. Стереотипы становятся проблемой современного этического анализа ввиду их регулятивной силы – они конструируют социальное взаимодействие, используются для манипулирования человеческим поведением.

Примеры формирования негативных стереотипов.

Рекламное объявление, изображающее стоянку агентства по аренде машин: несколько люксовых автомобилей, ниже надпись «Подготовьтесь к встрече выпускников!» Так, реклама побуждает потребителя, прибегнув к обману, произвести впечатление, самоутвердиться и возвыситься над другими. Подобное желание провоцируется стереотипами, принятыми в обществе. Как мы привыкли представлять себе успешного человека? Финансовая состоятельность, дорогой автомобиль и загородный дом – обязательные атрибуты «успешных мужчин», порождающие страх оказаться среди «отстающих» – так, незаметно для самого себя, человек оказывается втянут в вечную гонку за успехом, положением, которое маркируется определенными брендами.

Игра на чувстве вины: рядом с цветочным магазином висит плакат с изображением различного количества роз. Рядом емкая вопрошающая надпись, обращенная к мужчине: «А насколько Вы виноваты?»

Но почему вина заглаживается букетами цветом, шубами или бриллиантовыми украшениями? К той же стезе относятся рекламы, построенные на фразах благодарных женщин после получения элитных ювелирных украшений в качестве извинения за ссору». Это легитимизирует провинность в целом, ведь, по такой логике, человек может постоянно откупаться за нанесенную обиду. Так, вместо искупления вины, получается «покупка» прощения. Реклама затрагивает нравственное чувство человека и постепенно, незаметно меняет его нравственный мир, мир чувств, переживаний, нравственных оценок.

Задача этической экспертизы – определить, в какой момент возникает негативная стереотипизация в рекламе, высказать этическую оценку и возможно применить определенные санкции по отношению к рекламе, ее создателям или рекламодателям.

Этическая экспертиза может рассматривать не только случаи негативного проявления стереотипов, но и положительные примеры рекламы. В таком случае ее результат – одобрение, признание ценностной роли рекламы как формирующей устойчивые положительные привычки, модели поведения и отношения между людьми.

Этическая экспертиза представляется методом решения проблем, вызванных некорректностью рекламы в условиях формирования стереотипизации, консьюмеризма, формирования негативных чувств.

Задачи этической экспертизы видятся нам не только в нравственной оценке определенного рекламного продукта, но в формировании морального дискурса, диалога между обществом и социально-ответственным бизнесом/общественными организациями, государственными структурами, между обществом и личностью.

Рюмина Марина Тулеухановна

доктор философских наук, профессор

Российский национальный исследовательский медицинский университет
им.Н.И.Пирогова

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО И ЭТИКА КОНСТРУКТИВИЗМА

В цифровом обществе процессы глобализации, информатизации, виртуализации во многом определяют жизнь людей. Эти явления кардинально преобразуют окружающую реальность, определяют «вызовы» судьбы человеку в настоящее время, и можно сказать, конструктивно формируют новый мир и нового человека. Конструктивизм является мировоззренческой основой для технологий изменения человека, природы и общества. Для конструктивизма характерно культивирование искусственного, утверждение приоритета созданного над естественным. Основание для современного конструктивизма заключается в резком и глобальном росте меры могущества человека над природой и обществом. Процессы информатизации, глобализации и виртуализации взаимосвязаны, и составляют основу «ноосферы». Цифровое общество – это общество «ноосферы».

Конструктивизм – это принцип, который рассматривает некое явление как «конструкцию», являющуюся результатом целенаправленной и систематической деятельности людей, то есть как нечто искусственно созданное. Эстетизация – это формирование ценностной установки на восприятие реальности как искусственно сконструированной по модели деятельности в искусстве. Отсюда вытекает и наличие эстетической дистанции в восприятии явлений. Этика строится по модели эстетики.

Конструктивизм имеет самые различные основания и проявления в современной культуре (скажем, от виртуальных образов компьютерных игр или создания своего второго «Я» в Сети до конструирования «оранжевых революций» и клонирования человека). Поэтому можно сказать, что парадигма конструктивизма становится культурообразующей для постпостмодернистской современности. В основе эстетизации, и, соответственно, конструктивизма, лежит технизация общества – установившийся в последние десятилетия примат техники в культуре. По видимости технизация и эстетизация – разнонаправленные процессы, ведь первая связана со стандартизацией, унификацией и автоматизацией большинства процессов на производстве и в обществе, а эстетизация направлена на активизацию творческих способностей человека, на культ новизны и уникальности каждого событийного акта как художественного. Но унификация-стандартизация и творческое преобразование мира сопоставимы друг с другом, просто они разводятся по разным уровням общественных процессов, что предполагает дифференциацию общества по новым основаниям. Унификация и стандартизация – это удел одних, а творчество – других. Одни – зрители, потребители, а другие – творцы. Элитарность – знамение времени. А массовая культура также унифицирована и стандартизирована, как и ее основание – техника.

Вся общественная и частная жизнь людей может рассматриваться как результат изолированных технологий конструирования социальных и антропологических процессов, в сущности, как одно большое «произведение искусства». Модель «произведения искусства» может быть использована при характеристике самых разных социальных и культурных процессов. Все становится «искусством», так как все может быть преобразовано и сотворено по замыслу человека, даже сам человек. Искусственное преобладает над естественным. Проект модерна основывался на утверждении естественного состояния человека в качестве основы для миропорядка природного и социального. Революционные изменения оправдывались именно нарушением этой природной целе-

сообразности, внесением искусственных изменений в интересах каких-либо классов, групп или сил. Поэтому цель революции – это «выпрямление» миропорядка в соответствии с его естественными законами. Постмодерн же исходит из того, что соотношение искусственного и естественного, заданное прошлыми культурными парадигмами, неадекватны новой социокультурной реальности. Ничто в деятельности не является «естественным» или «искусственным» самим по себе, оно становится им в зависимости от позиции, занимаемой субъектом в процессе деятельности. Конструктивизм идет дальше и утверждает приоритет искусственного перед естественным. Конструктивизм приходит на смену постмодернистской деконструкции, которая в свое время актуализировала неустойчивость связи знака с обозначаемым в сфере культуры, и тем самым на фоне децентрализации смыслов, сделала возможным формирование новых мировоззренческих парадигм, в том числе, возрождение конструктивизма. Постпостмодернизм берет на вооружение конструктивизм, насыщая его новыми смыслами. Современный конструктивизм имеет дегуманистическое направление.

Саввина Ольга Владимировна

кандидат философских наук, доцент

Российский университет дружбы народов

ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ РАЗВИТОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)

НИР РУДН №101404-0-000 «Воспитание молодежи: проблема формирования ценностей в условиях информационного общества»

Человечество проделало большой путь, прежде чем положение «все люди равны» (в правах) обрело силу и стало основанием конституций и законов стран.

Тем не менее, реальность всё еще отстает от написанного на бумаге. Дискриминация «неприкасаемых» каст из четвёртой низшей варны «шудр» запрещена конституцией Индии в 1950 году и объявлена уголовным преступлением. В административной практике Индии понятие «каста» не употребляется, но оно заменено понятием «община», то есть, по сути, до сих пор присутствует в административной практике.

Сегодня в высокотехнологическую эпоху такая культурная история может приводить к формам эксплуатации людей, неведомым ранее. В Индии хорошо развита индустрия лечения бесплодия при помощи суррогатного материнства. Большинство претендующих на роль суррогатной матери живут в нищете, и им нечем кормить собственных детей. По данным на 2011 год 34% индийских женщин, рожая собственных детей, получают послеродовой уход только в течение 2 дней после родов, а 85% беременных женщин в Индии страдают от анемии, заболевания, традиционно связанном с дефицитом питания. До совсем недавнего времени за здоровье суррогатной матери практически никто не отвечал. И лишь 19 декабря 2018 года был принят The Surrogacy (Regulation) Bill, 2016, запрещающий суррогатное материнство на коммерческой основе (на альтруистической основе суррогатное материнство разрешено).

От вспомогательных репродуктивных технологий и биотехнологий в частности могут пострадать не только жители Индии. В контексте определенных практик применения биотехнологий тела граждан экономически развивающихся стран порой являются ресурсом для граждан развитых стран. Доноры женских гамет из Румынии пользуются популярностью в клиниках Израиля, поскольку их гаметы обходятся дешевле. Процедура изъятия женских гамет является инвазивной и связана с рисками для здоровья, а в редких случаях – с бесплодием. Такое положение дел напоминает отноше-

ния метрополии и колоний, из которых вывозят ресурсы, только ранее это были золото, другие природные ресурсы и даже рабы, а сейчас это здоровье людей.

Таким образом, люди приучаются рассматривать своё тело и своё здоровье как способ улучшить материальное положение. Учитывая наличие сети Интернет, международных социальных сетей, таких как Facebook, и форумов, лёгкие способы заработать быстро распространяются среди молодых пользователей сети. Отношение к собственному телу и здоровью как к чему-то, что можно продать, в будущем может вырасти в тренд и способствовать росту индустрий, включающих в себя эксплуатацию здоровья людей.

Сандакова Людмила Борисовна

кандидат философских наук, доцент

Новосибирский государственный технический университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОГО УЛУЧШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕЙРООБРАЗОВАНИЯ

РФФИ №17-29-02053 «Регулятивные возможности нейроэтики в предупреждении дискриминации личности»

Мысль о том, чтобы в образовательном процессе «улучшить» человека тесно связана с прогрессистским мировоззрением: социальный прогресс и личностное усовершенствование взаимобусловлены. Способности разума, сведенные редукционистской естественнонаучной методологией до интеллектуальных способностей – важнейший аспект «улучшения» человека в контексте запросов информационной цивилизации. На фоне бурного развития нейронаучного знания все чаще звучит идея об искусственном когнитивном улучшении человека в образовательном процессе. Предполагается, что с помощью нейротехнологий возможно осуществить значительный прорыв в улучшении когнитивных характеристик. К такого рода технологиям могут относиться нейрокомпьютерные интерфейсы, нейрошлемы виртуальной реальности, устройства неинвазивной стимуляции мозга и психофармакологические препараты, представленные группой психостимуляторов и ноотропов.

Так, Евгений Плужник, руководитель рыночной подгруппы «НейроОбразование» РГ НТИ «НейроНет» в качестве приоритетов выделяет внедрение в образование «нейротехнологий расширенного восприятия, оптимизированного запоминания и усиления познавательных функций, а к 2035 году – полноценное использование интегрированных систем естественного и искусственного интеллекта».

Идея когнитивного улучшения человека является предметом горячих философских дискуссий по многим своим параметрам: онтологическим, методологическим, антропологическим, ну и, разумеется, этическим. Но, не смотря на проблематичный характер, она уже оформлена в значимых социальных проектах (в России, например, это проект «НейроОбразование»), и постепенно внедряется в нашу жизнь. Поэтому особо хотелось бы обратить внимание именно на этические проблемы идеи когнитивного улучшения с помощью нейротехнологий.

В литературе можно вычленил следующие направления этической проблематизации:

1) вмешательство в человеческую природу; 2) формирование потребности в технологии/продукте, долгосрочная безопасность которого не доказана; 3) внедрение технологий, создающих в обществе социальные риски (принуждение к «когнитивному улучшению», усугубление социального неравенства, дискриминация). Аргументация строится на идеях, выработанных ещё в биоэтическом дискурсе: принципы непричинения вреда, автономии личности, соображения риска, а также идея справедливости.

Вызывает опасения отсутствие широкой общественной и профессиональной этической экспертизы проектов когнитивного улучшения именно в нейрообразовании. Коммерческие, корпоративные и государственные интересы в реализации этих проектов не тождественны идеям блага в вопросах развития человека и общества. Учитывая специфичность зоны внедрения нейротехнологий (образование – сфера социального воспроизводства) и особую уязвимость социальной группы, которая оказывается в зоне прямого воздействия, полагаем, что проекты, связанные с внедрением нейротехнологий в образовательный процесс должны проходить серьезную социально-гуманитарную экспертизу. При этом необходимо учитывать фоновые процессы, особенно социальные представления, лежащие в основе отношения к технологическим инновациям, а также нормы и приоритеты, определяющие их формирование.

Свешникова Ирина Геннадиевна
кандидат философских наук, доцент

Российский государственный институт сценических искусств

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТЕХНОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В нашей стране создаются всё новые направления в комплексном изучении человека, например – «экономика человека», «социология и экология человека» и т.д. Все эти направления исследований призваны помочь в реальных разработках социально-демографических, медико-биологических прогнозов, свободных от технократических перекосов. Однако, многие политэкономические расчеты в отношении трудовых ресурсов, социальных, медико-фармацевтических и различных хозяйственных проблем, во многом формальны. Развитие земной цивилизации в настоящее время имеет явный технократический крен, игнорируя долговременные, стратегические общественные интересы, а с ними и сохранение природы.

У человека есть уникальная возможность для его благотворного целенаправленного и осознанного развития – это возможность его воспитания и обучения. Только человек и морфофизиологически, и социально развивается в постнатальный период. Возможность формирования в течение жизни человека генетической программы развития позволяет отметить и сохранение у человека способности к адаптивной коррекции организма, формировании новых механизмов адаптации. И здесь самое важное – чтобы эти главные способности использовались рационально и созидательно, чтобы и эволюция физиологических систем и развитие ума сопровождалась развитием разума, включающего, прежде всего, моральные, нравственно – этические составляющие развития сознания. Эти задачи решаются в процессе здорового образа жизни, воспитания и обучения. Проводимые в настоящее время реформы системы воспитания и образования, изменяющие их социальную и смысловую направленность в условиях коммерциализации и формализации уже привели к изменению профессиональной и жизненной (социальной) ориентации, снижению уровня трудовых навыков, преемственности опыта, и как следствие, уровня профессионализма во всех областях.

Упомянутые выше проблемы экологии и здоровья человека, и общества показывают, что противоречия во взаимодействии человека и природы закладываются уже в пренатальном онтогенезе (под влиянием образа жизни семьи и внешних факторов), затем, после рождения – в процессе воспитания, и дальнейшего формирования систем ценностей при познании мира (а также общества и других факторов внешней среды). Вот почему сейчас так необходимо переосмысление путей развития общества и формирование эволюционной, а не только «рациональной», формальной системы ценностных ориентаций. Для этого необходимо выстроить такую систему ценностей, где человек был бы не средством, а, говоря философским языком, целью. Многовековой опыт

развития человеческого общества убеждает, что человек самостоятелен, но не самодостаточен, ведь он не является источником жизни, душевных и физических сил, права и т. д. Всем этим он распоряжается для решения жизненных задач и поиска Истины. Лишь осознав это, учитывая факторы и духовной природы человека, мы сможем созидательно искать пути гармонизации человека и природы. Возможность эволюционного развития проявляется в сохранении адаптивных механизмов регуляции жизнедеятельности человека и общества.

Таким образом, комплексное изучение человека, как это обосновывали многие исследователи, целесообразнее осуществлять опираясь на представление о человеке, как духовном и социально – природном существе, о нераздельности и в тоже время неслиянности его душевной, социальной сущности и биологической (телесной, соматической) природы. Очень важной составляющей в этом изучении и является экология человека.

Анализ рассмотренных проблем подтверждает неотложную необходимость в реабилитации на современном уровне, а отчасти уже и в реанимации системных организационных мер для адекватного решения задач экологии, медицины и образования. Благоготовность повышения качества жизни человека и общества, качества состояния окружающей среды, как составляющих общей экологической системы зависит от сложного комплекса путей исследования, не ограниченных лишь логическим, прагматически идеологизированным подходом.

Синюкова Наталья Алексеевна

Институт философии и права Сибирского отделения РАН
младший научный сотрудник

ЭТИКА В СОВРЕМЕННЫХ БОЛЬНИЦАХ

Усложнение этических «вызовов» в клинической практике и в целом в работе лечебных учреждений тесно связано с параллельно происходящими процессами общественного развития. Во-первых, речь идет о влиянии непрекращающейся плюрализации современного общества. Решения по поводу лечебного процесса сегодня принимаются пациентом индивидуально в соответствии с теми ценностными установками, которые разделяет конкретный пациент. Кроме того, принципиальное влияние на обострение проблем клинической этики и медицинской морали оказало развитие новых медицинских технологий и техники, изменение качественных возможностей медицины. В настоящее время рутинной медицинской процедурой является пересадка почки, выхаживание недоношенных детей весом менее одного килограмма, предотвращение смерти и страданий людей серьезно пострадавших в результате несчастного случая и т. д. Использование новых терапевтических возможностей кардинально изменило понимание и отношение к смерти и страданию и привело к актуализации нравственно-экзистенциальных аспектов лечебного процесса. Наконец сокращение финансирования в сфере здравоохранения, закрытие и реструктуризация больниц, появление конкуренции среди медицинских учреждений способствовало обострению кадровых проблем в сфере медицины. Изменились традиционные образцы внутренней коммуникации в больницах. Устоявшиеся стратегии решения проблем в профессиональных взаимоотношениях и во взаимоотношениях с пациентами потеряли свою актуальность. Появился «эффект выгорания» медицинских специалистов (burn out effect), что так или иначе в итоге отражается на процессе оказания медицинской помощи конкретному пациенту.

Больница представляет собой сложную экономическую и социальную организацию, отличающейся тем, что в больнице люди страдают и умирают. Как и в любой органи-

зации в больнице взаимодействуют представители различных профессий (врачи, медсестры, менеджеры, психологи, социальные работники и т.д.). Каждая профессиональная группа обладает определенным профессиональным самосознанием, что в процессе взаимодействия и работы приводит к возникновению конфликтов не только во внутренних отношениях, но также и в отношениях с пациентами. Кроме того индивидуальные ценностные установки медицинских специалистов различны. Каждый специалист при принятии медицинских решений, в которых часто возникают нравственно-экзистенциальные противоречия, ориентируется на свою личную систему ценностей. Последнее справедливо и для пациентов и их близкого окружения. В результате различия в индивидуальных ценностных установках обуславливают проявление этических противоречий и конфликтов.

Систематическая рефлексия этических проблем не распространена и в целом не привычна для большинства медицинских учреждений в России. Тем не менее, современные исследования показывают, что внимание к этической сфере лечебного процесса способствует повышению эффективности работы больниц, улучшению организационного климата и внутренней коммуникации, повышению качественных показателей оказания медицинской помощи. Формируются условия для функционирования больницы как продуктивной социальной системы, что обеспечивает персонифицированное оказание медицинской помощи.

Соловьева Виктория Максимовна

студент, 4 курс, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

Медиа позволяют трансформировать общество. Теперь, когда процесс ускорился до такой степени, что он становится видимым ежедневно, человек понимает, что новые средства коммуникации приводят к новым образам жизни. Сегодня новые цифровые технологии, особенно Интернет, являются одним из основных инструментов, позволивших создать принципиально новые модели культурного производства, управления и распространения информации. Одна из функций использования Всемирной паутины и других интернет-сервисов – распространение информации. Но в отличие от старых средств массовой информации, каждый человек может использовать его двумя способами: как получатель и как создатель контента. Интернет является первым средством «многокомпонентности»: каждый компьютер, подключенный к Сети, теперь может стать вещательной станцией, издательством или художественной галереей, в зависимости только от навыков и намерений владельца. Влияние средств массовой информации – это действительная сила, оказываемая информационным сообщением, которое приводит к изменению аудитории или отдельных убеждений. При таком сценарии социальная ответственность СМИ становится гораздо важнее. Но в наши дни сенсация стала модой. Новостные каналы и газеты преднамеренно представляют информацию таким образом, чтобы взволновать или шокировать людей. Сенсация – это самый большой недостаток современных СМИ, дешевый инструмент для получения внимания аудитории.

Многие люди сегодня считают СМИ более незрелищными, чем когда-либо, из-за их предвзятых блогов, политической лжи, апелляции к базовым эмоциям, односторонних презентаций и нападок на персонажей. Кроме того, показываются не новости, а их собственные личные взгляды.

Медиа-этика – это подразделение прикладной этики, занимающееся конкретными этическими принципами и стандартами медиа, включая вещательные СМИ, кино, театр, искусство, печатные СМИ и Интернет. Область охватывает множество разно-

образных и весьма противоречивых тем. Медиа-этика включает в себя продвижение и защиту ценностей, таких как всеобщее уважение к жизни, верховенство закона и законность.

Литературы о том, как конкретно, например, Интернет, влияет на медиа-этику, недостаточно, что усложняет идею универсального кодекса медиа-этики. Медиа-этика рассматривает различные волнующие вопросы моральных принципов и ценностей применительно к поведению, ролям и содержанию средств массовой информации, в частности журналистская этика. Что касается освещения новостей, это включает такие проблемные точки, как беспристрастность, объективность, баланс, предвзятость, конфиденциальность и общественные интересы. В более общем смысле, медиа-этика также включает в себя стереотипы, вкус и порядочность, непристойность, свободу слова, рекламные практики, такие как размещение продукта, и юридические вопросы, такие как клевета. На институциональном уровне она включает в себя дебаты по поводу владения средствами массовой информации и контроля над ними, коммерциализации, отношения средств массовой информации к политической системе, вопросов, возникающих в результате регулирования (например, цензуры) и дерегулирования. Поэтому встаёт ряд философских и этических вопросов: как новое средство информации влияет на процесс трансформации? Чем оно отличается от традиционных медиа? Почему Интернет и СМИ так важны в современной культурной сфере? И как новые медиа влияют на сознание человека, его образование и систему ценностей?

Сомин Игорь Дмитриевич

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА В УСЛОВИЯХ ПОСТПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОПОЛИТИКИ И ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

РФФИ №19-011-00826 А «Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики: сравнительный анализ полемических дискурсов»

Данное исследование посвящено актуальной проблеме — процессу выстраивания новой этики в условиях современности, главной целью его становится анализ цифрового биополитического общества и новых этических стратегий, которые оно нам предлагает.

Словенский философ Славој Жижек в своей работе «О насилии», заявил, что мы живем в мире постполитической биополитики, которая преодолела старую идеологическую борьбу, перешла на управление и администрирование с одной стороны, и установила в качестве главной цели безопасность и благополучие с другой. Это можно связать с тем, что в современном цифровом обществе техники биовласти развиваются в невиданных до сей поры масштабах. Главным проводником этих процессов выступают анализируемые М.Кастелью социальные сети, которые устанавливают новые формы коммуникации, раздвигают границы, выступают гигантским потенциалом для исследований, так как их развитие продолжается ежеминутно.

Интернет становится огромным «архивом»: в нем мы можем найти информацию о человеке, зная лишь минимальный набор данных, а с недавних пор и вовсе, нам достаточно лишь его образа, отпечатанного в фотографии, благодаря которому мы можем найти человека по внешним данным. Он становится идеальным паноптикумом: невидимый наблюдатель по ту сторону экрана выступает идеальным надзирателем, ведь мы не знаем когда он обратит внимание на нас; это моделирует наше поведение, образ и дискурс, мы вынуждены принимать правила игры. В соответствии с этим меняется и этическая парадигма, переосмысляются такие этические категории, как свобода и ответственность.

Вслед за такими мыслителями как М. Хардт, А. Негри можно говорить о «пространстве и власти сетей», с помощью которых можно как передавать господствующий дискурс, «нормальные» ценности и идеалы, так и фильтровать их. Сетеобразующая власть, как мы видим из исследования Хардта и Негри, хорошо контролируется рядом больших компаний или корпораций.

Власть тщательно камуфлируется в медиапространстве, что позволяет ей незаметно вторгаться в наше личное пространство, манипулировать сознанием и изменять его. Поэтому, возможно, что медиаимперии — именно та форма, которая лучше всего репрезентирует этическую повестку в условиях современности. Способность влиять на нее, с огромной скоростью распространять нужную информацию, вести борьбу за умы — все это становится новой властью и новой реальностью, конструирующей мир вокруг нас. Здесь нельзя не вспомнить культовый американский фильм Барри Левинсона «Хвост виляет собакой» (1997), в котором кинопродюсер создает вымышленную историю военной операции в Албании, которая как бы происходит прямо сейчас. Делается это для укрепления рейтинга президента, замешанного в скандале.

Впрочем, вообще для медиаимперий, например, голливудских, характерно пропагандировать определенные ценности через определенных медиумов, будь то вымышленная вселенная супергероев, как новых богов, стоящих на защите прав и свобод демократического капиталистического общества, так и образов, взятых из истории любой страны и развитых до мифологем. Именно с этим горизонтом исследования следует разобраться в дальнейшем.

Сулимов Александр Валерьевич

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ БИОПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ДИГИТАЛЬНОГО ПОВОРОТА

РФФИ №19-011-00826 А «Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики: сравнительный анализ полемических дискурсов»

По словам Славоя Жижека, современность, — эпоха постполитической биополитики, под которой традиционно понимается регулирование безопасности и благополучия человеческой жизни. Но современность со всей необходимостью требует от нас ревизии наших представлений о биополитике, изложенных в работах М.Фуко, Д.Агамбена, П.Вирно и др, Технологический прогресс времен дигитального поворота, привносящий в повседневность такие новые технологии как: интернет вещей, умный дом, фитнес-браслеты, даже банальное всепроникновение мобильного интернета корректируют биополитические стратегии, предоставляя небывалые доселе возможности для манипуляции, например, посредством поисковой выдачи, и администрирования телесности. Данные собираемые с помощью этих технологий анализируются, чтобы предложить пользователю наиболее релевантную информацию о товарах и услугах, становясь, с одной стороны, инструментом маркетинговых стратегий и инструментом контроля и управления, а, с другой стороны, способом формирования современного субъекта посредством постоянно расширяющихся возможностей наблюдения и документирования.

Все крупные социальные платформы (Facebook, Instagram, Вконтакте, Яндекс.Дзен и т.д) сегодня вводят так называемые “умные” алгоритмические ленты, которые основываются на интересах пользователей. Но в основе каждого такого алгоритма так или иначе есть принципы разметки и модерации контента, из-за чего эти платформы представляют под наиболее релевантной информацией на самом деле наиболее выгодную для корпорации. Однако, отсутствие модерации не всегда является однозначным бла-

гом: например, умный чат-бот от Microsoft в Твиттере менее чем за сутки общения с пользователями и анализа их сообщений, начал выдавать расистские высказывания. Таким образом, технологический виток развития биовласти заставляет нас по-новому задавать вопросы о свободе и ответственности субъекта.

Хорошую иллюстрацию современной трансформации биополитики в эпоху социальных сетей мы можем найти в работах немецкой художницы и философа Хито Штейерль, например, в проектах *Liquidity In* (2014), *Factory of the Sun* (2015). в которых она сводит счеты с мифом о свободном интернете под прогрессирующим государственным и экономическим напором. В своих проектах Штейерль часто обращается к метафорам и образам, с одной стороны, почерпнутым у представителей Франкфуртской школы: остановка Истории (Беньямин), Великий Отказ (Маркузе), а, с другой стороны, рисуют стратегию, близкую к фигуре Анарха (Юнгер). Две этические стратегии различны: если, например, у Беньямина это коллективная всеобщая забастовка, то путь Юнгера — это путь одиночки, реализующего этические принципы путем того, что поздний Мишель Фуко обозначил, как практики себя и эстетику существования.

Сегодня решение вопроса о выработке стратегии преодоления биовласти, которая неразрывно связана с новыми технологическими средствами, лежит не только на пересечении этики и политической философии, но и философии техники и даже эстетики, поскольку, именно искусство, по мысли Хайдеггера, должно решить вопрос о сущности техники.

Талалаева Екатерина Юрьевна

Тамбовский государственный университет им.Г.Р.Державина
ассистент

ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ «БЫТИЯ-В-МИРЕ» СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

РФФИ №18-311-00123 «Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера: философско-компаративный анализ»

Философия Мартина Хайдеггера носит глубоко этический характер, несмотря на отсутствие в его работах прямых рассуждений о сущности этики как самостоятельной области знания. Тем не менее, ключевую идею хайдеггеровского философствования, представленную им в качестве понятия «*Dasein*'а» как совместного с другими бытия-в-мире, пронизывают различные этические импликации. Прежде всего, это относится к нормам и правилам совместного существования в общеразделяемом мире. Социальные нормы общественного бытия тесно переплетены с этическими нормами, вместе они составляют «нормальность» или «срединность» человеческой жизни, которая не только формирует обыденный повседневный опыт, но и во многом придаёт смысл бытию человека. Современные информационные технологии, вошедшие в нашу жизнь в виде Интернета как обширного источника разнообразной информации, социальных сетей как специфического канала межличностной коммуникации и постоянно развивающихся систем искусственного интеллекта формируют принципиально новое отношение человека к его бытию-в-мире. Цифровая техника преобразует повседневную деятельность людей, нарушая баланс её обыденной «срединности» и ставит перед *Dasein*'ом проблему возникновения принципиально новых ситуаций морального выбора, требующих особого этического регулирования. В своих философских сочинениях и публичных лекциях Хайдеггер существенное внимание уделял вопросу о технике, сущности технического феномена и его связи с *Dasein*'ом. В частности, немецкий философ предостерегал об опасности вовлечения в рабскую зависимость от техники. Такая зависимость возникает при отсутствии стремления к осмыслению

сущности техники и при инструментальном подходе к её использованию. В представлении Хайдеггера, свободное отношение Dasein'a к технике возможно, если воспринимать её как способ увидеть сокрытую в мире истину. Но так как завеса над истиной приоткрывается лишь посредством подлинного языка, согласно немецкому философу выраженного поэтическим языком искусства, то и технику необходимо рассматривать с позиции произведения искусства. Однако современные цифровые технологии приобретают новые онтологические черты, оказывающее влияние на социальное мироустройство и непосредственное восприятие человеком техники как неотъемлемого аспекта его повседневного бытия-в-мире. Современное общество становится всё более «цифровым» по своей сути, что требует своевременного этического осмысления и соответствующего регулирования электронно-цифровых социальных отношений. При этом решение прикладных этических проблем взаимоотношения человеческого бытия-в-мире и цифрового технического прогресса должно осуществляться в соответствии с хайдеггеровскими представлениями о технике не как об инструменте в руках человека, но как о самоценном произведении искусства, способном приблизить человека к раскрытию смысла бытия.

Тарковский Владимир Николаевич
кандидат философских наук, доцент

Костромской государственной университет.

ЭВОЛЮЦИЯ МОРАЛЬНЫХ ЧУВСТВ И ПОНЯТИЙ

Тема конференции «К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования», на наш взгляд, не может не затронуть тему онтологического статуса моральных чувств и моральных понятий.

Философское мировоззрение придают на смену мифу (обычаю), формирует две тенденции. Первая тенденция – объективный идеализм, определяет нравственную систему понятий как объективно существующее (Платон, Гегель), или как форму проявления духа (разума) – субъективный идеализм (Декарт, Фихте). В широком смысле слова и тот и другой подход отстаивают сложившиеся традиционные ценности обыденного мировоззрения и закладывают онтологический фундамент для религиозного мировоззрения. Способ – приписывание моральным понятиям сакральный, мессианский характер. «В начале было Слово...». Воля конкретного человека должна определяться спекулятивными понятиями (идеями) и поддерживаться разработанной лидерами идеологией. Все моральные чувства, предшествующие действию, должны быть связаны с высшим (по сути воображаемым) миром. Например, любой церкви представляется право все еще вторгаться во все существенные переживания и главные моменты в жизни отдельного человека, чтобы дать им освящение. Для Гегеля «знание и воление – одно и то же» (М.Хайдеггер), поэтому нравственные чувства в семье, обществе и государстве проявляются в единстве правового поведения и морального убеждения. Свобода состоит в том, что человек познает «свое сущностное тождество с Абсолютом и отождествляет себя с образованиями объективного духа и его волением (государством и правом), созданными тем же Абсолютом». Идея – это музыка (а не скрипка). Мысль, а не человек – носитель идей.

Вторую тенденцию в онтологии связывают с именем Аристотеля. Реализм, несмотря на многообразие сложившихся интерпретаций (от средневекового номинализма и неотолизма до исторического материализма и американского прагматизма), утверждает наличное бытие действительности, лежащей вне сознания. «Я думаю» (ego cogito) непосредственно связано не только с сознанием но и с душой. «В большинстве случаев, очевидно, душа ничего не испытывает без тела и не действует без него (Ари-

стотель, «О душе»). Деятельность определяется «вожделением и размышляющим разумом». Чувства, причем самые разные, неотъемлемая часть воли. Воля это не столько представление, сколько «напирающее чувство, весьма приятное! Это явление, которое сопутствует всякому излитию сил» (Ф.Ницше). М.Хайдеггер в лекции «Ницше» вопрошает: «воление – это чувство наслаждения?». Античный эпикуреизм, современный эвдемонизм как альтернатива стоицизму?

Ф.Ницше обращает внимание на содержание понятия «искусства» со времен античности до XIX в. Оно распространяется на «всякую возможность порождения». Например, ремесленник, государственный деятель, воспитатель предстают как созидающие художники. Миру истины он противопоставляет мир как художественное произведение, порождающее самое себя. Само прекрасное порождается только чувством.

Воля – это «аффект», «страсть», «чувство», «повеление». В современном языке когнитивных дисциплин она непосредственно связывается с мотивацией – рациональным обоснованием воли личности. Причем моральные чувства предшествуют действию, а моральные понятия следуют за действием. «Поэтому история моральных чувств совсем иная чем история моральных понятий» (Ф.Ницше). Нравственные чувства в большинстве тоже не наши собственные. Мы их перенимаем через научение в раннем возрасте. Что в нравственных чувствах выработано нами? Согласно кантовскому трансцендентальному идеализму нашим является оформленный понятиями опыт «эмпирической реальности». Этот опыт может определять волю человека и его практическое поведение. Опыт основа автономной этики долга личности. Но опыт опирается на чувства а чувства достаются нам по наследству, как было показано.

Метафизика на этом созерцательном моменте останавливается. Это ее задача и цель. Характер перспектив отношений между моральными чувствами и понятиями переходит в прагматическую плоскость; Ф. Ницше, как было показано – в эстетику. Американский прагматизм – в педагогику и экономику. Исторический материализм – в социальную революцию. Список только начинается.

Тереценко Ольга Викентовна

кандидат социологических наук, доцент

Белорусский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК)

БРФФИ NoГ18P-181 «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм»

Этические проблемы развития современного научного знания тесно связаны с цифровым неравенством, развивающемся не только в обществе в целом, но и в научном сообществе. Цифровое неравенство в научном сообществе может включать

– доступ к информации о наличии знания по определенной проблеме, когда новая тема или наличие проблемы может публично не обсуждаться;

– доступ к информации об имеющихся материалах и данных, если информация о проведенных исследованиях не распространяется;

– доступ к самим материалам и данным, в том числе хранящимся в электронных базах; или закрытость данных на определенный период времени (во многих странах обычно до 5 лет). Например, белорусским ученым могут быть доступны данные Национального статистического комитета (на сайте Белстата), а также данные, собранные в рамках некоторых международных исследований, таких как «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey, WVS) или «Поколения и гендер» (Generations and Gender, GGP). Однако в Беларуси не известны «открытые» социологические данные;

другими словами, данные социологических центров могут стать доступными только персонально и в порядке исключения. Даже отрытая электронная база данных *opendata.by* не имеет к ним доступа;

– лицензионный доступ к программному обеспечению может ограничиваться чрезвычайно высокой стоимостью, но зато обладать удобным меню функций для анализа данных (например, SPSS или SAS). В то время как умение пользоваться бесплатным программным обеспечением (например, языком программирования для статистической обработки данных и работы с графикой R, являющимся также «свободной» программной средой вычислений с открытым исходным кодом), дает большие возможности программистам, но пока почти недоступны большинству социологов, демографов, психологов, маркетологов и др. Следует также учитывать, что вычисления, производимые с использованием языка R, нередко являются непроверяемыми, в отличие от SPSS, SAS и др. традиционных пакетов, относящихся к стандартизированному статистическому программному обеспечению, которое обеспечивает совпадение результатов вычислений с высокой точностью;

– анализ полученных результатов доступен при наличии определенных знаний и навыков, что подразумевает владение разнообразными методами, например, дискурс-анализом, контент-анализом, когортным анализом, путевым анализом; методами проверки гипотез и др. Анализ данных можно, вероятно, рассматривать как наиболее доступный из всего рассмотренного в данной работе, поскольку учебная литература и учебные курсы широко доступны.

Рассмотренные выше проблемы развития научного знания в информационном обществе нередко порождаются интересами и амбициями исследовательских организаций и их руководителей, что превращает данные проблемы в этические, для решения которых необходимо широко их обсуждать, вероятно, в контексте прикладной деловой и профессиональной этики.

Тимофеева Анна Владимировна

магистрант, 1 курс, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ЭКСПЕРТНАЯ ФУНКЦИЯ ФИЛОСОФОВ В ЭПОХУ ТЕХНОНАУКИ

Философия полифункциональна. Насыщенность и разнообразие содержания философского знания зачастую выступает основанием для выделения целого спектра возможных функций философской науки, в числе которых оказываются объяснительная, мировоззренческая, синтезирующая и другие. Современное цивилизационное состояние, характеризуемое нами как цифровая эпоха, эпоха технонауки и технократии, актуализирует прежде всего потребность в осуществлении философом экспертной функции. С какими задачами сталкивается философское сообщество сегодня?

Говоря о технонауке, мы имеем в виду качественно новое состояние научного знания, когда техногенная среда из сферы практического применения готовых принципов науки трансформируется в место развития ее авангардных гипотез. В первую очередь к составу технонауки относятся такие направления, как нанонаука, биомедицина и когнитивистика. При анализе исследований данного профиля мы должны учитывать не только освоение человеком материального окружения, но и издержки обратного вторжения технологии в человеческое тело. Перенос на человека новых возможностей науки и интерес к автоэволюции порождают для обществственности определенного рода проблемы, для решения которых оказывается недостаточным накопленный опыт правовой и моральной рефлексии. Подобные трудности задают необходимость исполнения экспертной функции специалистами, которые обладают междисциплинарным

взглядом и навыками критического осмысления – специалистами философского профиля.

Экспертиза способна реализовываться согласно двум стратегиям. Первая, которую мы могли бы назвать упреждающей, была намечена С. Лемом в его «Сумме технологий». По мнению мыслителя, человек в процессе творчества и создания новой технологии зачастую не знает с полной уверенностью, какой же именно продукт он создаст. Тем не менее с прогрессом науки намерения и действия технологов становятся все более контролируемы. Угроза невежества, незнания законов общественного и естественного развития постепенно снимается за счет организованных попыток теоретического знания предвидеть пути практики. В рамках данной стратегии роль философского сообщества могла бы заключаться в попытках оценить возможности определенного инновационного проекта, прежде чем он, будучи реализованным, войдет в тело культуры.

Вторая стратегия, условно называемая нами регулятивной, связана с подробным анализом уже готовых проектных продуктов, которые получают определенную оценку. Ее влияние может колебаться от экспертного мнения, не имеющего прямой силы, до запрета на использование конкретной инновации в общественной жизни. Экспертная функция в подобном виде уже имеет свою историю, одна из ступеней которой – попытки создания комитета «Trust Me, I'm An Artist».

Дело в том, что технология соединяется в своем существовании не только с наукой, но и с искусством, образуя такое его течение, как научное искусство. Мы определяем научное искусство как направление, в рамках которого создаются технологически сложные произведения искусства, являющиеся результатом сотрудничества научного и художественного сообществ. Некоторые из течений научного искусства начинают использовать саму жизнь (технологически конструируемую) в качестве выразительного средства, что и провоцирует требующие экспертной оценки этические вопросы.

Цель упомянутого проекта «Trust Me, I'm An Artist» – не подвергать цензуре, а вырабатывать навыки для понимания этических проблем, возникающих при создании и экспонировании произведений искусства, созданных в сотрудничестве с бионаукой и кибернетикой. Междисциплинарный комитет, состоящий из технических специалистов, профессионалов из художественной среды и философов, после ознакомления с проектом выносит собственное экспертное суждение. Судя по манифесту проекта, его создатели считают, что без вклада специалистов из области философского знания представление о последствиях различных аспектов проектного предложения не будет полным.

Технократический тренд ставит перед философами интересные, но выполнимые задачи, главная из которых – осуществлять экспертную функцию инноваций, последовательно переосмысляя их этические, антропологические и аксиологические составляющие.

Тобышева Анастасия Андреевна
студент, 4 курс

Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н.Ельцина
АСПЕКТЫ МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ

Мораль и нравственность – способы регуляции поведения человека. Мораль представляет собой внутриличностный способ разрешения противоречий индивид-общество, инструмент удержания от искушений. Нравственность – ценностная структура сознания, общественно необходимый способ регуляции действий, фиксирующий стержень межчеловеческих взаимоотношений. Грань между моралью и нравственно-

стью проходит по критерию «должного» то, к чему человек должен стремиться (мораль) и «сущего» – реальные нормы повседневного поведения (нравственность). Инструменты моральной регуляции (ИМР), актуализируя нравственно-ценностные ориентиры, способствуют глубокому осознанию моральной ответственности и моральных чувств. Цель их применения – достижение результата, когда значимые этические ориентиры становятся основанием действий, внедряются в конкретную профессиональную деятельность [1].

Как, с помощью каких инструментов происходит переход от этики «на словах» к этике «на деле»? Н.Васильевне говорит о необходимости создания инфраструктуры деловой этики, состоящей из этических инструментов, процедур и процессов [1]. Таким образом, ИМР можно подразделить на инструменты «внутреннего» и «внешнего» воздействия, что поможет увидеть тонкости процессов регуляции, более точно проработать инспирацию должного поведения.

Этические инструменты «внешнего» воздействия (гуманитарная экспертиза и консалтинг, этический тренинг, медиация, фасилитация и др.) предполагают наличие профессионального опыта и направлены на актуализацию моральных чувств индивидов. Этические инструменты «внешнего» воздействия должны применяться по отношению к субъектам, внутренне готовым к изменениям.

«Внутренние» моральные регуляторы (чувство вины, стыда, совесть, уважение, рефлексия, ответственность и др.) – принципы личностного самоконтроля, проявлением способности осознавать возлагаемую ответственность и контролировать свое поведение. В этом случае не требуется экспертное мнение и наличие специальных знаний и умений, их реализация доступна каждому человеку.

И.А. Фурманов пишет, что одно из самых сильных воздействий на поведение оказывает совесть – главный «внутренний» принцип самоконтроля, способствующий моральной оценке ситуации до совершения поступка, задерживающий импульсивное побуждения. Корректировка поведения постфактум, посредством саморефлексии, связана с чувством вины и стыда. Чувствуя вину, человек концентрируется на эффекте от совершаемого поступка, стремится понять чувства другого человека, сдерживать негативные интенции, выстроить доброжелательные отношения. Люди, подверженные стыду, готовы «провалиться сквозь землю», опасаясь негативной оценки их поведения. Стыд мотивирует к сепарации, агрессивной защите или мести [3].

Справедливость – инструмент, устанавливающий границы индивидуального произвола, направленный на осознание границ добра и зла и собственной ограниченной свободы свободой Других. Базовый принцип здесь – сотрудничество, основой поведения – сопричастность, уважение, эмпатия, совесть, побуждающие к защите чужих интересов, осознанию морального долга, активизации моральных обязанностей.

Воля к самосовершенствованию и «преодолению себя» – основание моральной саморегуляции через освобождение от эгоистических наклонностей, готовности признать собственное несовершенство, свою вину, развить способность к саморефлексии [2].

Данная классификация позволяет оттенить взаимосвязи и особенности моральных регуляторов человеческого поведения, представляя собой краткое пособие этического консультанта. Результатом применения ИМР является трансформация ценностных установок, изменение способов взаимодействия субъектов в системе, когда нравственные ориентиры становятся основанием для дальнейших действий [1].

Литература

1. Васильевне Н. Институционализация современной этики – от философии к менеджменту ценностей (и обратно) // Практична філософія. 2008. №3(29).

2. Лысак И.В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. 2014.
3. Фурманов И. А. Психология детей с нарушениями поведения: пособие для психологов и педагогов / И.А. Фурманов. М.: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 2004. – 351 с.

Томильцева Дарья Алексеевна

кандидат философских наук, доцент

Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н.Ельцина

К ЭТИКЕ РАЗНООБРАЗИЯ

При поддержке Совета по грантам Президента РФ (МК-1740.2019.6)

Что представляет собой этика в условиях обновления гуманизма? Возможно, новую форму разнообразия, то есть новый проект переосмысления гуманизма, разворачивающийся в настоящее время в современной философии, социальных науках и биологии, и предполагающий выход за пределы «традиционных» способов мышления человеческих и не-человеческих отношений и взаимодействий. Но разговор об этике разнообразия неизбежно затрагивает несколько парадигматических вопросов:

1) Что означает разнообразие?

– Относится ли разнообразие только к человеческому сообществу? Если на этот вопрос возможно дать положительный ответ, то тогда мы возвращаемся к традиционной ориентации мышления, где этика относится только к человеческим отношениям: людей с людьми, людей к людям и т.д. Для любых возможных нечеловеческих живых существ и предметов требуются совершенно иные отношения. Но кого мы мыслим людьми (настоящими людьми)? Мировая история знает множество примеров чудовищных ответов на данный вопрос.

- Предполагает ли разнообразие людей и не-людей: животных, технологии и различные объекты? В случае позитивного ответа, нам предстоит иметь дело с чем-то непривычным для наших стратегий морального мышления и действия: в условиях сложного человеческого и не-человеческого разнообразия чисто человеческие отношения более не являются удовлетворительной моделью для организации взаимодействий различных объектов.

- Неразрешимость разнообразия (Т.Х. Керимов): предполагаем ли мы, что различные объекты будут взаимодействовать в условиях единого морального основания (например, этика дискурса Ю. Хабермаса)? Не значит ли подлинное разнообразие неразрешимое разнообразие, по отношению к которому невозможно выработать единую этическую систему?

2) Антропоцентризм:

- Практически все этические категории и практики помещают человека в сердцевину взаимодействий. В то же время под влиянием объектно-ориентированной онтологии, АСТ и витального материализма развивается новый взгляд на разнообразие и сообщества, и одновременно с этим следует говорить о процессе обновления гуманизма в философии и переосмыслении концепции человека в этике и этологии. Целью данных процессов является отказ человеку в центральной позиции, и формирование концептуального основания для горизонтальной этики.

- Несмотря на то, что концепция неантропоцентристской этики кажется утопичной, некоторые авторы, например, Джейн Беннет, Йен Богост, Стивен Шавиро предлагают антропоморфизм в качестве методологической альтернативы антропоцентризму. Такая, казалось бы, парадоксальная альтернатива переключается со схожей проблематикой в этологии (Франс де Вааль).

Возможно, что именно данный комплекс вопросов, идей и методологий действительно позволит нам перейти к этике обновлённого гуманизма.

Углева Анастасия Валерьевна
кандидат философских наук, доцент
НИУ «Высшая школа экономики»

ПОДЛИННАЯ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ КОГНИТИВНОГО УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ОТ МИФА К БИОРАЦИОНАЛИЗМУ

Этика сегодня – условие выживания человека в мире и мира как такового. Как только этика утрачивает практический смысл и отрывается от ежедневного нравственного опыта человека и человечества в целом, она прекращает свое существование. Цель этики изначально состоит в том, чтобы способствовать нравственному совершенствованию человека. Любые попытки возвысить человека над самим собой и над остальным миром требуют этической постановки вопроса о том, как используемые методы и технологии влияют на эту самость и на ее окружение. Широкое внедрение технологий когнитивного улучшения (cognitive enhancement) человека посредством медикаментозного вмешательства, прямой транскраниальной магнитной стимуляции или иных способов влияния на ЦНС должно сопровождаться этической постановкой вопроса о допустимости такого рода вмешательства в контексте общей цели устойчивого развития общества. Некоторые из возникающих на этом пути деликатных для человеческой самости вопросов связаны с необходимостью преодоления «чистых» границ сознания и могут найти позитивное решение, например, в случае применения таких технологий в терапевтических целях. Скажем, в случае инвалида, нуждающегося в помощи для обеспечения его успешной интеграции в конкурентную образовательную или профессиональную среду. Однако в случае со «здоровыми» индивидами, оправданность применения технологий когнитивного улучшения оказывается не столь очевидна. При этом между «нормой» и «патологией» в случае с когнитивными процессами существует определенная «серая зона», куда более широкая и подвижная по своим границам, нежели в вопросах улучшения физического здоровья. Легко представима ситуация, когда человек желает улучшить свои когнитивные способности, повысив свою креативность, расширив возможности своей памяти или усилив способность к концентрации. Уже существует ряд лекарственных препаратов, способствующих такого рода «улучшению». Однако ситуация радикальным образом меняется, когда целью «когнитивного» улучшения становится приобретение конкурентных преимуществ над Другим, не имеющим доступа к соответствующим технологиям или не желающего по тем или иным причинам пользоваться ими. В этом случае применение их должно быть проблематизировано как с социально-политической и юридической точек зрения, так и с этических позиций. «Классические» методы воспитания также могут быть поставлены под вопрос в данном контексте, если иметь в виду нередко порождаемое ими фактическое неравенство в доступе к тем или иным профессиональным сферам для отдельных групп людей. Самый простой пример – использование допинга в спорте: тренироваться – это нормально, допинговаться – это значит допускать обман. Можно ли рассматривать «когнитивное улучшение» человека в той же логике, скажем, в случае с применением «когнитивного допинга» при подготовке национальных детских команд к участию в международных олимпиадах по математике? И можно ли рассматривать такого рода «обман» как «святую ложь», ложь благонамеренную и экзистенциально приемлемую? Здесь встают вопросы не только в связи с возможными негативными последствиями такого рода вмешательства в не до конца окрепший детский организм или в связи с возникающим неравенством в доступе к предоставляе-

мым победителям преимуществам между теми, кто использовал допинг, и теми, кто рассчитывал на свои природные данные, но и вопросы о легитимности и одновременно этической допустимости принятия решения за Другого (в данном случае за ребенка), о «добродетельном» обмане, о природе самой лжи, как и о природе индивидуальности, самости, человечности и т.д., то есть о «подлинной» ценности «когнитивного улучшения» человека. Если обман может «возвышать» через улучшение когнитивной «природы» человека, то он тем самым способствует вере в идеал, надежде на лучшую жизнь, а, возможно, и на обретение новых высших ценностей. Эта проблематика выходит за рамки биомедицинской этики вследствие того, что объектом исследования оказываются «здоровые» индивиды и праксиологические механизмы принятия ими жизненно важных решений. В центре внимания – уже не сугубо прикладные аспекты феномена «когнитивного улучшения», но вопросы онтологического, гносеологического, аксиологического (ценности) и праксеологического (интенциональность, воля, действие, цель и т.п.) характера, которые не могут быть редуцированы друг к другу, но требуют взаиморефлексии, то есть комплексного философского осмысления и социального прогнозирования возможных рисков применения технологий когнитивного улучшения как для индивидуального сознания, так и для общества в целом. И интегралом здесь выступает проблематика эзистенциального смысла, то есть смысла человеческого существования, позволяющая избежать цинизма, излишнего скепсиса и абсурда применительно к отдельным прикладным практикам. Такого рода постановка вопроса требует в свою очередь новой рефлексии о разрыве между должным и неподобающим, абсолютным и относительным, поскольку «абсолютное» не терпит лжи/обмана, а «относительное» остается к ней/нему весьма чувствительным в том смысле, что может мимекрировать под то, что «удобно», «полезно» или «допустимо» в данном конкретном случае. Это неизбежно порождает парадоксы и, как следствие, мифы, об обосновании перехода от претендующих на коректную универсализацию этических норм и суждений о «допустимом» к сомнительному с логической точки зрения убеждению о возможности различных интерпретаций Абсолюта и как следствие – к этическому релятивизму, то есть обесцениванию нормы как таковой во имя прагматизирующей обыденности. И биорационализм, предлагающий кажущиеся легитимными аргументы в пользу применимости технологий когнитивного улучшения человека, меняющих в том числе его самость, представляет собой определенную опасность в силу возможного нерационального и корыстного использования его тезисов для обоснования «легитимного» насилия, что разрушает представление о подлинной ценности идеи совершенствования человеческой природы как условия «вечного мира».

Фролов Александр Андреевич

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет
**ДУХОВНЫЙ ОПЫТ КАК ОСНОВАНИЕ ЭТИКИ СЕБЯ
В СИТУАЦИИ БИОВЛАСТИ**

РФФИ № 19–011–00826 А

В середине 20 века со всех сторон стали доноситься речи о «смерти автора» (М.Бланшо, Р.Барт), исчезновении субъекта (Э.Левинас), и сам Фуко, заканчивает свою нашумевшую книгу «Слова и вещи» провокационным предложением: «Если эти диспозиции исчезнут так же, как они некогда появились, если какое-нибудь событие, возможность которого мы можем лишь предчувствовать, не зная я пока ни его облика, ни того, что оно в себе таит, разрушит их, как разрушена была на исходе XVIII века почва классического мышления, тогда — можно поручиться — человек исчезнет, как

исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке». Отказ от классических категорий философии – одна из главных тенденций постмодернизма. Пересмотр оснований идет, начиная с эстетики и заканчивая теорией познания. Параллельно с вытеснением структурализма с ведущих ролей континентальной философии во французском обществе назревает кризис.

Для континентальных философов левого крыла возникала проблема преодоления как метафизического наследия европейской философии, так и нарастающего тоталитарного дискурса, тенденций биовласти, как в фашистских странах по типу Испании, так и со стороны социалистического блока. Масло в огонь подливали все более развивающиеся новые технологии, которые упрощали контроль над населением и способствовали распространению нужной информации. После периода исследований научных дискурсов и пенитенциарных систем Фуко переходит от борьбы с реальными субъектами власти к борьбе с ее техникой, которая исходит уже не от конкретного социального актора, а пронизывает все уровни социального взаимодействия. Такую форму власти он называет биовластью.

Фуко переосмыляет концепт человека как существа обладающего здесь-бытием, поскольку у него само это последнее задается существующей сетью отношений, возникающих в пределах контекста дискурсивных практик. Субъект Фуко обладает свободой, которая не формируется властными отношениями, а наоборот, является условием их возможности. Таким образом, Фуко стремился достичь баланса между активностью и пассивностью, деятельностью субъекта и структурами детерминаций. Возникает следующий вопрос, способен ли субъект к самовоспроизводству и выходу за рамки властных отношений, или же он является лишь местом, где разворачиваются властные отношения различных дискурсов?

М. Фуко выделяет два процесса формирующих субъекта: объективация и субъективация.

В интервью «Субъект и власть» Фуко говорит об процессе объективации как вовлечении индивида в игры истины, где он будет лишь телом, на котором развернутся диспозитивы власти: «Я изучал объективацию субъекта в том, что я назову «разделяющими практиками». Либо субъект разделен внутри самого себя, либо разделен другими. Этот процесс превращает его в объект. Такую тенденцию иллюстрирует разделение на безумца и человека в здравом уме, на больного и здорового, на преступника и законопослушного гражданина.», такое разделение возможно благодаря «режиму истины», который присутствует в каждом обществе.

Субъективация индивида происходит при рефлексии субъекта о своих основаниях в дискурсе, в совершении экзистенциального выбора идентичной этики себя. С помощью субъективации человек становится субъектом истинной речи, способен влиять на диспозитивы дискурса. Субъективация показывает нам, что не существует какой-либо пред заданной сущности субъекта, а формирование личности осуществляется самостоятельно, как созидание художника предмета искусства. Мыслитель связывает духовный упадок Европы с забвением искусства метоной, достигающей через практики себя. Именно создания личных отношений с истиной формирует духовный опыт человека.

Цуркан Евгений Геннадьевич
аспирант, 2 курс, тьютор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ГЕНИАЛЬНОСТЬ МНОЖЕСТВА И ЭТОС ОНЛАЙН-ВОЛОНТЁРОВ

РФФИ №18-011-00980 «"Социальная эволюция" и "прогресс" как категории номотетического познания»

«Гениальностью множества» мы называем сетевой эффект, при реализации которого люди, не состоящие друг с другом в профессиональных отношениях, закреплённых контрактом; не включённые в типичную для индустриального производства иерархическую вертикаль, предполагающую субординацию; не мотивированные денежным вознаграждением за свои усилия; совместно создают трудоёмкий и требующий большого количества времени успешный проект.

Создание ОС Linux/GNU и сформулированный на основе успешности этого проекта закон Linux: «при наличии достаточного количества глаз, все ошибки всплывают», обозначенный Эриком Раймондом как «базарный» способ проектирования (в противоположность «соборному») – это один из примеров реализации эффекта «гениальности множества».

Другим ярким примером является Википедия, построенная на утопичной идее о том, что безвозмездно работать над энциклопедическими статьями и заниматься их правкой может кто-угодно и когда-угодно, единственное ограничение – это свод из семи правил. Эта идея настолько абсурдна, что не пришла в голову даже создателю Википедии Джимми Доналу Уэйлсу. Уэйлс занимался разработкой проекта «Nupedia», статьи в котором писались высокооплачиваемыми экспертами и свободно распространялись по сети. Википедия была введена как своеобразное служебное помещение, где составители энциклопедии могли вносить правки, работая удалённо. Вдруг, служебное помещение выросло и охватило собой весь проект. В наши дни по популярности и частоте обращений Википедия давно обогнала «Encyclopædia Britannica» и другие авторитетные издания. Такая система, построенная на дружелюбии и доверии, имеет свои риски. Википедию постоянно атакуют спам-боты, чтобы внести на её страницы рекламу. Недобросовестные пользователи устраивают «войну правок» на энциклопедических страницах, освещающих злободневные политические вопросы, чтобы распространить свои политические взгляды или «just for lulz». Единственное, что удерживает Википедию на плаву – это небольшая группа безразличных людей, которым эта работа не сулит ни денег, ни карьеры.

Можно обозначить несколько причин возникновения данного сетевого эффекта, обозначенного нами как «гениальность множества». На уровне индивидуальной мотивации людей привлекает престиж, признание среди коллег, возможность поработать с интересным людьми, чувство «призвания». Стоит отметить, что подобную мотивацию можно встретить и в научном сообществе. Поскольку интернет разрабатывался учёными, а первыми узлами глобальной сети были именно университеты, можно выдвинуть гипотезу, что идеи «информация как дар» и «работа как дар» зафиксированы в протоколах сети. Джонатан Зиттрэйн связывает гениальность множества с открытыми системами, охарактеризованными им как «плодовитые». Плодовитость (англ. Generativity) – «это способность системы производить непредвиденные изменения через неограниченную совместную активность широкой и разнородной аудитории». Клэй Ширки объясняет эффективность работы сетевого множества при помощи концепта «когнитивного излишка» (англ. Cognitive Surplus): большое количество людей, обладающие ресурсом свободного времени, вместо потребления занимаются творче-

ством, потому что у людей есть внутренняя мотивация, которую Ширки обозначает как «стремление к щедрости» (англ. *Desire for Generosity*). По мысли Клэя Ширки отсутствие внешних экономических мотиваторов и добровольность осуществляемого труда, создаёт внутреннюю мотивацию творить. Так или иначе, «гениальность множества» доказывает, что сетевое сообщество способно координироваться без субординационных моделей и выполнять сложные проекты без финансового поощрения, работая на чистом энтузиазме. Сеть, кажущаяся стороннему наблюдателю бесформенной, на деле оказывается ризоматичной системой, имеющей потенциал к самоорганизации.

Чернядев Даниил Андреевич
студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА АСТРОТУРФИНГА

Современные цифровые технологии активно развиваются, и на сегодняшний день они оказывают серьезное влияние на разные стороны жизни общества. Вместе с этим воздействием, у человечества появляются новые этические вопросы. «Этическая проблема астротурфинга» оказалась важной и еще не изученной проблемой. Именно поэтому я хотел бы рассмотреть какие трудности вызывает такой феномен как астротурфинг. Под астротурфингом я понимаю, искусственное создание общественного мнения с помощью цифровых технологий. Примерами данного феномена можно считать: армии ботов, нативная интеграции, покупка мнения публичных личностей или заказных отзывов обычных пользователей сети. Современные проявления данного явления я бы разделил на рекламный и политический. Возможно, проблема астротурфинга выгладит несерьёзной, но этические вопросы, которые ставит перед человеком фактическое проявления создания искусственного мнения, имеют важное. Основными проблемами астротурфинга можно назвать: проблему пост-правды и публичной сферы, проблема автономности субъекта. Данная проблематика возникает при рассмотрении методов, которыми пользуются деятели данной сферы. Общей характеристикой всех проявлений феномена является, что субъект воспринимает мнения оппонента в интернете, не как искусственное, продвигаемое мнение в общество, а как частный взгляд, такого же равного ему субъекта. Таким образом складывается ситуация, когда субъект, полемизируя постоянно с противоположным мнением, рефлексирюя, принимая или отвергая его, начинает замечать, что противоположное мнение является общественным, так как его придерживается интернет большинство. Но человек не воспринимает общественное мнение, как искусственное, скорее принимает её как общественную истину. Обычно искусственное большинство создается за счет армии ботов, которые продвигают выгодные идеи заинтересованных в этом кампаний или политических партий. Также используется закупка мнения авторитетных изданий или личностей в той сфере, в которой идет продвижения идей выгодных заказчику. Таким образом, компании и партии могут иметь монополию на общественное мнение в интернете, а «реальный» субъект в виртуальной публичной сфере становится гетеронимен от искусственного общественного мнения. Под пост-правдой понимается «(post-truth) — это свойство недостоверной информации, которая воспринимается ее получателем как истинная в силу некритического отношения или к самой информации или к ее источнику, который зачастую является анонимным или сложно верифицируемым» Во многом астротурфинг связан и с проблемой пост-правды, и напрямую способствует развитию данной проблематике. Во многом феномен создания искусственного общественного мнения существует из-за того, что на данный момент не существует современной системы регулирования распространения информации в интернете. Другим

фактором являются и сами цифровые технологии, которые позволяют выдавать за общественное определенные идеи, которые выгодны заказчику. Астротурфинг, как метод распространения информации, не позволяет четко верифицировать источник, так как обычно информация идет от ботов, мнение которое воспринимает не только как личное, но и анонимное. Поэтому и отношение к данной информации воспринимается не так критично, так как и воспринимается как частные идеи определенного человека, а общественное мнение, как сумму этих частных идей. Проблемы, которые возникают с появлением цифровых технологий, являются еще не осмысленными на данный момент, поэтому и способа решений данных проблем еще как таковых не появилось. Другой проблемой связанных с решением этических проблем в сфере технологий является и технологическое развитие, за которым и не успевает сфера регулирования.

Чумакова Татьяна Витаутасовна

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

РФФИ 19-011-00766 А "Категориальный строй русской этической мысли"

К.Д. Кавелин в 1885 г. писал, что в последнее время отмечается возрастание интереса к этике не только в Западной Европе, но и в России. Но при этом Кавелин отмечал, что причины этого феномена различны. В Европе возрастает интерес к теоретическим проблемам этики, а в России к практическим. Анализируя опубликованные в конце XIX – начале XX вв. этические сочинения, мы не можем не согласиться с мнением Кавелина. Среди огромного корпуса этических работ можно выделить несколько основных. Во-первых, это переводные работы, среди которых преобладают работы, посвященные теоретическим проблемам этики (Фридрих Иодль, Фридрих Кирхнер, Герберт Спенсер, В.Вундт, Т.Ахелис и др.), учебные пособия («Этика» гегельянца Дж.Ст.Маккензи (Макензи)) но достаточно много работ по прикладной этике («Врачебная этика» А. Молла) и по междисциплинарным проблемам, вроде антологии вегетарианства «The Ethics of Diet» Уильяма Говарда, вышедшей на русском языке под названием «Этика пищи» с предисловием Л.Н.Толстого. Много работ, в которых этическая проблематика была связана с социальным контекстом переводилось с конца XIX столетия. Здесь необходимо упомянуть множество сочинений Карла Каутского, работы Томаса Карлейля и Карла Форлендера. Переводились на русский язык и сочинения по религиозной этике. В 1903 г. на русский язык был переведен труд "Die Ethik des Judenthums" Морица Лазаруса («Этика юдаизма»). Публикация подобных текстов стала возможна благодаря ослаблению цензурной политики государства в области религии. Интерес к религиозной этике вызвал и множество исследований российских авторов. Большая часть из них была посвящена христианству (работы М.А.Новоселова, И.Я.Чаленко, В.В.Есипова, А.А.Бронзова и др.), но публиковались и работы по этическим проблемам Библии и иудаизма (С.Л. Сегаль «Библия, ее философия, этика и религия», И.А. Клаузнер и др.). В 1906 г. вышла работа Ланг В.Я. «Еврейские погромы и христианская этика».

Благодаря изменению процессуального права в 60-е годы XIX столетия в Российской империи интенсивно развивался институт адвокатуры. Развитие института адвокатуры способствовало усилению интереса к судебной и адвокатской этике. Работ, посвященных этому вопросу выходило очень много. Переводились правила профессиональной этики, выработанные Союзом американских адвокатов (The American Bar

Association), и публиковались статьи, заметки и монографии, посвященные этой проблеме. Среди авторов были и такие знаменитые адвокаты и общественные деятели как А.Ф. Кони, так и уже забытые сейчас адвокаты и присяжные поверенные (Кельманович М.Д., Васковский Е.В.). Усиление интереса к прикладной этике и изменения в общественной мысли России способствовало и публикации множества трудов по врачебной этике как российских, так и западных авторов. В это время появляется интерес к педагогической этике. С конца столетия постоянно нарастает интерес к этике семейной и половой жизни (Викторов П.П. «Гигиена и этика брака в связи с вопросом о половой жизни юношества», Форель, Огюст «Половая этика», Золотарев Л.А. «Этика брака» и др.). Появляются и отдельные работы, посвященные этическому анализу повседневности (Ясинский И.И. «Этика обыденной жизни»).

Даже краткий анализ вышедшей в Российской империи этической литературы показывает возрастание интереса в прикладной этике с начала эпохи Великих реформ.

Шаннович Марианна Михайловна

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭПИКУРЕИЗМ И СТОИЦИЗМ

В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

РФФИ №18-011-01123 «Эпикуреизм и стоицизм в современной практической философии»

Выдающийся историк античной культуры Ф.Ф. Зелинский еще сто лет назад писал, что культурная значимость античности, из семени которой произошла современная культура, будет возрастать, и наша с нею связь будет теснее с каждым столетием.

Сегодня у многих мыслящих людей возникает вопрос, можно ли совместить древнюю идею этики добродетели, согласно которой смысл жизни состоит в самосовершенствовании и развитии личности, с современным естествознанием и новыми социальными теориями. Как быть человеку, отказавшемуся от традиционных конфессиональных предпочтений в пользу так называемой духовной свободы, но не решающемуся принять радикальные требования нового атеизма? Каковы альтернативы? Кто-то выбирает секулярный гуманизм, предлагающий исключительно сциентистское отношение к миру, кто-то ориентируется на так называемый секулярный буддизм, который призывает сосредоточиться на практиках по освобождению сознания, медитируя, опираясь на новейшие нейробиологические исследования.

Историки культуры обращали внимание на возрастающий интерес к практическим учениям стоической и эпикурейской философских школ именно в переходные эпохи, подобные эпохе эллинизма, когда у людей возникает стремление защитить себя перед непредсказуемыми политическими и экономическими кризисами, войнами и разрушениями, когда они испытывают неодолимую тягу к сохранению личного внутреннего покоя наперекор существующим или грозящим мировым катаклизмам. Противоречия современной эпохи, в которой, с одной стороны, происходит интенсивное развитие информационных технологий, генетики и искусственного интеллекта, а с другой стороны – распространяется религиозный фундаментализм, постоянно то там, то здесь возникают локальные военные конфликты, существует постоянная угроза со стороны международного терроризма, не может не появиться стремление к поиску спасительной духовной альтернативы, помогающей справиться со страхом и неуверенностью. При этом традиционные религии не обещают спасительного покоя, и в силу случившейся секуляризации, и в силу поддержки эсхатологических настроений. Отсюда у одних людей – интерес к нетрадиционным религиозным учениям, религиям

New Age, а у других – интерес к практической философии, дающей ответы на экзистенциальные вопросы, прежде всего, связанные с выживанием в трудных обстоятельствах и преодолением страха смерти. Неслучайно поэтому за последние годы в Европе и США издано огромное количество научно-популярных книг, посвященных эпикуреизму и стоицизму, вошедших в первые строчки рейтингов продаж: Это книги Catherine Wilson. *Epicureanism at the Origins of Modernity* (2008); Tim O’Keefe. *Epicureanism* (2009); Hiram Crespo. *Tending the Epicurean Garden* (2014); David F. Robertson. *Teach yourself Stoicism and the Art of Happiness* (2013); Rayan Holiday. *The Daily Stoic. Meditation for Clarity, Effectiveness and Serenity* (2016); Patrick Ussher. *Stoicism Today: Selected Writings. Vol.1-2.* (2017); Massimo Pegliucci. *How to be a Stoic. Using Ancient Philosophy to Live and Modern Life* (2017; пер. на русск. яз. – 2018). Современные философы, отвечая вызовам времени, обращаются к наследию стоиков и эпикурейцев, видя в них не только своих древних учителей, но и актуальных оппонентов, как например: Славой Жижек в книге «Чума фантазий» или Джоржо Агамбен в книге «Homo sacer». Начиная с 2012 г. в Университете Эксетера, Великобритания ежегодно проводится Неделя стоицизма, в котором принимают участие десятки людей, интересующихся стоической философией как объектом исследования и как практической рекомендацией для жизни.

В учении о высшем благе стоики расходятся с эпикурейцами, искавшими его в удовольствии. Однако и для тех, и для других корень всех добродетелей есть мудрость, а добродетель представляет собой нравственную силу, которая достигается познанием и упражнением. И в этом отношении современный стоицизм и современный эпикуреизм предлагают рациональные рецепты практической философии, которая может стать лекарством от неуверенности и страха, даруя веру в свои собственные силы.

Шеваренкова Анастасия Владимировна

студент, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОСМЕРТНОГО ВИРТУАЛЬНОГО СЛЕДА

Цифровое общество уже наступило. То, что позавчера ещё было в новинку, сегодня является частью повседневной жизни. Нет ничего удивительного в том, что многие практики, которые знакомы нам по обыденной жизни оффлайн, находят для себя место и в виртуальном мире.

Своё место среди них занимают и коммеморационные траурные практики, иначе говоря – практики, направленные на поминовение. В докладе были рассмотрены результаты их появления на социальных платформах. Для того чтобы понять, в какой форме и каким образом они оказались на страницах онлайн-сетей, потребовалось применить комплексный подход. Вопрос изменений данных практик был рассмотрен в нескольких аспектах: этическом, антропологическом, психологическом. Этот доклад опирается на труд Жана Бодрийера «Символический обмен и смерть», труд Ханны Арендт «Vita Activa или о деятельной жизни», труд Марселя Мосса «Очерк о природе и функции жертвоприношения».

В ходе рассмотрения проблематики со стороны разных аспектов удалось выявить некоторые перекрестные точки, среди которых общие категории, лексика, употребляемая в обыденном дискурсе для описания целей и функций этих ритуалов информационной эпохи. Вот некоторая часть этой терминологии: «новая искренности», «честность», «душа», «память». Также удалось выявить основные социально-культурные функции траурных онлайн-практик: укрепление социальных связей (расширенных у поколения миллениалов и ещё более у поколения z по сравнению с поколением x), психологическое восстановление (возможное в рамках интернет-пространства с его

более расплывчатыми понятиями нормы), поиск ощущения безопасности (утраченного в глобальном мире).

Главным выводом исследования стал тезис о том, что перенос коммеморационных траурных практик в цифровую среду не стал принципиально новой вехой в истории посмертных ритуалов. Виртуальные платформы стали инструментом выражения осознанных и неосознанных действий индивида: вызывая определенные структурные и динамические изменения в поминальных практиках, они не затронули самой сути траурной коммеморации. Виртуальные платформы на данный момент времени являются наиболее удобным средством коммуникаций в условиях максимально разветвленных и достаточно неустойчивых социальных связей, что делает их незаменимым инструментом, когда необходимо быстро распространить сигнал в социальной среде, окружающей индивида, и точно направить его к конкретным адресатам.

По моим прогнозам, с продолжением распространения интернета будет увеличиваться и роль виртуальных коммеморационных практик, касается это не только сферы поминовения.

Шохина Дарья Сергеевна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

В УСЛОВИЯХ ЭТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

В современном мире этические проблемы и актуальные вопросы связаны с глобализационными процессами, активно затронувшими все сферы жизни человека. Новый мир, в который мы так стремительно вошли, поставил новые задачи перед человеком и культурой.

Процесс межкультурной коммуникации, как известно, стал активно исследоваться еще в XIX веке, однако не без влияния результатов технологического прогресса. Именно в этот момент происходит моделирование нового общества, где культура должна была занять свою вескую позицию в предложенных условиях. Но поднимаемые в данном процессе этические вопросы не всегда в полной мере получают ответ, лишь постепенно намечая будущий научный дискурс. Однако необходимость полемики не вызывает сомнений, поскольку именно этическая сфера влияет на сферу культуры и «мировой климат».

Межкультурная коммуникация является процессом «общения» культур с конкретными результатами, проявляющимися целенаправленно или опосредованно, однако напрямую связанными с современными темпами развития мира и общества. Согласно мнению авторов учебного пособия по межкультурной коммуникации – это «обмен информацией, осуществляемый носителями разных культур, причем то, что коммуниканты являются носителями разных культур, значительнейшим образом влияет на их коммуникацию и в некоторой степени определяет ее ход» [Гузикова М.Ю., Фофанова П.Ю. Основы межкультурной коммуникации: [учебное пособие]. Екатеринбург: издат-во Урал. универ-т, 2015 – 124с.].

В новых условиях, где информация стала главным ресурсом, появляется новая тема для обсуждения – защита информационной сферы, а так же необходимость постановки и сохранения неких культурных границ. Более того, активная виртуализация пространства так же ставит вопрос форм межкультурной коммуникации и направлении развития самого диалога культур.

Отметим так же, что далеко не новыми, но по-прежнему актуальными являются вопросы – угроза насилия в процессе межкультурной коммуникации, критерии и принципы выстраивания самого диалога, перспективы и возможные результаты межкуль-

турной коммуникации. Глобализация мирового пространства ускоряет процесс непосредственного общения, тем самым порождает не только новые этические темы, но и ставит в ситуацию крайней необходимости их активного обсуждения и разработке некоторых авторитетных принципов.

Шпеннгер Любовь Станиславовна

магистр Прикладной этики

ГБДОУ №17 Невского района, г. Санкт-Петербург, воспитатель

АУТЕНТИЧНОСТЬ ПЕДАГОГА КАК УСЛОВИЕ МОРАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Новый этап развития цивилизации, – вступление в эпоху цифрового пространства, – заставляет вновь задуматься философов и педагогов над содержанием и целями образования. Актуализировать и заново сформулировать ценности и соотносить с запросами современного общества [2]. Суть деятельности педагога – созидательная и социально формирующая, поэтому, первое значение приобретают нравственные требования к личности. Институциональный характер этих требований оформился в профессиональную этику педагога и их соблюдения регулируются на правовом уровне. Педагогическая деятельность строится на множестве принципах. Например, одним из них является гуманизм, который опирается на признания достоинства, прав и свобод личности [1]. Все вытекающие из принципа нормы ориентируют на уважении человеческих прав и свобод, что направляет педагога на целый ряд сопутствующих моральных компетенций: великодушие к слабостям подопечных, непримиримость к физическому или нравственному унижению. Справедливость как вера в торжество добра. А также, формирование у обучающихся не пассивно- созерцательного, а деятельного отношения из соображений нетерпимости к несправедливости и злу. Нравственное обогащение – получение опыта моральных ошибок, осознание возможностей нравственного выбора и допустимых альтернатив его разрешения [1].

Кроме этого важный принцип педагогической морали, поддерживающий и раскрывающий новое содержание принципа гуманизма – принцип педагогического оптимизма. Этот принцип призван регулировать отношение педагога и учащегося, педагога к своему труду и к себе как к представителю данной профессии. Он ориентирован на глубокое понимание существующих противоречий сложного мира, раскрывает перспективы не только общественного развития, но и личности самого педагога, а также его подопечных [2]. Важным стимулом здесь становится вера в нравственные ценности, которые педагог транслирует обучающимся [1]. В дальнейшем эти ценности реализуются не только в социально значимых поступках, но и приобретают социально одобряемый характер. Развитие системы образования изменение ее ценностей и норм приводит к утрате связности и согласованности между индивидуальной моралью и коллективной. Как следствие, происходит формализация моральных норм и преобразование их в регламентированные требования профессионального кодекса педагога [3].

Требования к личности педагога в условиях возникновения новых парадигм образования, плюрализма групповых ценностей возрастают и в работе педагога возникают трудности связанные с перестройкой ценностных приоритетов, которые все меньше обуславливаются реальными человеческими возможностями и все больше становятся ориентированными на видение идеальной социальной и нравственной перспективы [2].

По моему убеждению, нравственный прогноз социального благополучия исходит из «внутреннего пространства», которое должно быть реализовано с точки зрения верности самому себе [5], в частности, самой подлинной, реальной или существенной само-

сти педагога в сопоставлении к содержанию идеалов и ценностей образования и культуры [2]. Это утверждение естественным образом приводит к вопросу предназначения педагога выбранному профессиональному пути, самореализации, а также аутентичности, которая предполагает развитие собственного отношения к жизни [4] – «формирование внутреннего пространства», а не предписанного социальной позицией, традицией или соглашением [5].

Литература

1. Андреев, В.И. Педагогическая этика: инновационный курс для нравственного саморазвития. Казань: Центр инновационных технологий, 2012.
2. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век СПб: РХГИ, 2004.
3. Розин В. М. Философия образования: Этюды-исследования. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2007.
4. Гришина Н. В. Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов// Вестник Санкт-Петербургского Университета №12, С.109-116.
5. Golomb J. In search of authenticity, London: Routledge New Fetter Lane, 2005.

Янушевская Елена Валериевна

кандидат философских наук, старший преподаватель

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА

Несмотря на многовековую историю изучения, вопрос об источнике творчества на данном этапе развития гуманитарной науки не имеет окончательного ответа. В то же время нельзя недооценивать значимость, перспективность его определения для расширения возможностей человека и развития общества в целом.

Особое звучание данная проблема приобретает в эпоху, характеризующую переходом к существенно новым принципам социальной организации (речь идет о постиндустриальном и постинформационном обществе) и принципиально новому пониманию культуры и роли человека в ее формировании. В философском сознании подобные изменения получают отражение в отрицании упорядоченности и синхронности культуры, в идее ее децентрации (Ж.Делез, Ф.Гваттари – концепция «ризомы»), в формировании концепции полионтичности и связанного с ней нового направления теоретических разысканий – виртуалистики. Вместе с тем новые принципы осмысления социальной реальности (если говорить о виртуалистике) базируются на разработанной еще в классической философии диалектике возможного.

Исследование ценностного конфликта как источника творчества, в рамках которого предпринята аналитика онтологии возможного, своим предметом имеет определение условий, порождающих творческий импульс, единый по своей сущности для любой формы творческой активности (будь то деятельность ученого, художника или нравственного учителя). В самом общем смысле с ним соотнесена проблема, разрешение которой инициирует творческий акт, – противоречие, которое личность не может оставить неразрешенным. В качестве подобной формы противоречия, категорически требующего разрешения, определен ценностный конфликт.

Ценностный конфликт неразрешим: каждая ценность, согласно ее пониманию, в классической аксиологии, обладает абсолютным значением и требует своей реализации здесь и сейчас в практическом плане. Таким образом, сущность ценностного отношения, в котором личность неразрывно связана с иррациональным жизненным процессом как его часть, предопределяет переживание неразрешимого в принципе ценностного конфликта в качестве экзистенциальной катастрофы. Таким образом, ценност-

ный конфликт, деструктивное по своему характеру явление, рассматривается как парадоксальная возможность рационального обоснования вершинного проявления человеческой духовности – творческой активности. Деструктивность и творчество, иными словами, как две в равной мере осуществимые возможности потенциально присутствуют в ценностном конфликте.

Избежание экзистенциальной катастрофы, делающее возможным осуществление положительного потенциала кризиса, требует построения нетривиального сознания. Поскольку ценностный конфликт неразрешим (в рамках мироотношения, опирающегося на конкретную систему ценностей), его преодоление соотносится со стремлением к невозможному. Последнее связано с тем, что ценностный конфликт не тождествен ситуации, которая предполагает выбор, исследуемый в контексте этической проблематики: преодоление ценностного конфликта выходит за рамки этики. Иными словами, «невозможная возможность» преодоления ценностного конфликта – это построение уникальной субъективной действительности, в которой ценностный конфликт становится неактуальным. Речь идет о качественном преобразовании сознания, сотворении нового субъекта в результате духовного усилия. Таким образом, понятие нетривиального сознания актуализирует категорию возможного.

Ярмак Юрий Васильевич

доктор политических наук, профессор

Институт права и управления Московского городского педагогического университета

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭТИКИ И ПОЛИТИКИ

РФФИ №17-03-00772 «Неформальная аналитика текста: философско-методологический подход»

Этика и политика взаимодействуют между собой с момента выделения этих предметных областей. Более того, у них есть пересекающийся концептуальный аппарат. И в той, и в другой существуют понятия ценностей, смыслов, целеполагания, механизмов функционирования. История политического управления свидетельствует о том, что реализация этических идей в деятельности вождей, лидеров, князей, государей, императоров, как правило, основывалась на их способности умело пользоваться возможностями и правом навязывать волю соплеменникам, подданным и соперникам. Этичность принимаемых решений, в том понимании, которое сформировалось к нынешнему времени, в истории культуры могла проявиться спонтанно, в зависимости от внутреннего понимания ими вопросов этики. В обществе, в свою очередь, такие обстоятельства принимались как дар и предназначение свыше. При этом интересы суверена воспринимались превыше всего остального. Восприятие политической силы зачастую жаждали на способностях власть предержащих создавать внешнее впечатление о наличии у них властных возможностей. Не даром существует мудрое высказывание о том, что ты настолько обладаешь властью, насколько другие убеждены в том, что ты ею действительно обладаешь. В зависимости от глубины признания морально-этических компонентов в управленческой сфере могла выстраиваться и деятельность институтов власти в государстве. То же самое можно сказать и о дипломатической стороне этики, проявляющейся в политических коммуникациях между странами.

Уже Аристотель в «Никомаховой этике» представил широкий спектр толкований этики, которые прочно связаны с социально-политическими процессами. С момента осознания человеком нахождения своего Я в обстоятельствах действия системы власти и подчинения, существовала полюсность оценок значимости этической состав-

ляющей в практической политике. Разное прочтение и оценки значения как этики, так и политики для общественного развития, собственно, постоянно рождали идеологические и социальные споры, столкновения и, как результат, возникновение факторов общественной напряженности разного уровня. И на внешней арене военно-дипломатическая практика все более далеко друг от друга разводила этику и политику. От официальных заявлений «Иду на Вы» и оповещений о намерениях, государства пришли к устойчивому использованию механизмов коварства, откровенного манипулирования общественным мнением, подлога, тайных операций через сети институтов разведки, дипломатии, торговли и культурных связей. Отдельного внимания при рассмотрении проблем политической этики заслуживают особенности проявления их в среде элитных управленческих кругов. При этом в России вести рассмотрение этих проблем можно, например, начиная с архивов Ивана IV Грозного.

Политическая этика формировалась постепенно. Ее место в политических отношениях четко не определено. В то же время она становится все более востребованной в современной системе управления и в системе оценок современной политики. С развитием плюралистического общества расширяется и проблематика политических явлений, в которых присутствует этика. Как всегда, в истории этики возникает необходимость оценить взаимодействие этики и права. В частности, это касается государственной политики по противодействию коррупции и мошенничеству.

Политические действия, как это фактически получается по М.Веберу, могут опираться либо на этику убеждения, либо на этику ответственности. Для Вебера в этом таится глубинная противоположность. Убеждения – на языке религии значат, что поступать надо так, как должно, а в отношении результата уповать на Бога. Если же действия осуществляются на основе этики ответственности, то надо расплачиваться за последствия своих действий, в том числе предполагаемые [3]. Понятие «политическая этика», как и любое другое гуманитарное понятие, определяется по-разному. Для понимания особенностей политической этики много сделал Б.Сутор [2]. Для него политическая этика, в частности, связана с тем, чтобы наше восприятие политики учитывало бы оценки взаимоотношений между личностью и властью, обществом и государством, либеральными свободами и разумными пределами социально-политического порядка. В своих взглядах он исходит из принципиального посыла в соотношении этики и морали, утверждая, что мораль первична. Кроме того, он говорит об этике политики, но не о политизированной этике, поставленной на службу политике. Для него важен вопрос о мотивированности субъектов политики к использованию этических принципов как основы для реализации норм (законов и правил) добродетели. Вместе с тем, Б. Сутор, как автор «Малой политической этики», твердо стоит на таких позициях, в соответствии с которыми политика не может состоять только из морали и не может определяться только этическими соображениями. Обращает на себя внимание комплексный подход автора к проблеме. Он движется, с одной стороны, от обоснованности политической этики, масштабов, целей, разумности, справедливости и совести, с другой стороны – к этике стиля политических споров, поиска компромиссов, значения соответствующих институтов и международной стороны проблемы.

В настоящее время в политической этике эти две линии дополняют друг друга, находясь в единстве. В то же время важно подчеркнуть, что говорить однозначно о последовательной связи между добродетелью субъектов политики и политической этикой, не приходится. В этом взаимодействии проявляются разнообразные факторы и законы социально-политического влияния. Здесь проявляются комплексы целей политики и энергия субъектов власти индивидуализированных и коллективных. Здесь проявляется ментальность конкретных акторов политики и их политический интеллект [1]. Указан-

ные обстоятельства функционирования политических процессов позволяют понять некоторые особенности влияния этики на политику, ее не прямое влияние на политику.

Годы активного развития интернет-технологий и цифровизации информационных потоков придали характеру взаимодействия этики и политики дополнительные особенности. Привычными стали различного рода «смеси» из политических фактов и домыслов, политический дискурс стал превращаться во всевозможные развлекательные программы СМИ. Можно назвать анти-этикой, возведенной в официальный ранг, политику ряда СМИ как российских, так и западных. Все это может быть проиллюстрировано конкретными примерами деятельности как традиционных, так и новых СМИ в России и за рубежом. Важнейшие инструменты для анализа всей этой проблематики предоставляет неформальная аналитика текста.

Литература

1. Сорина Г.В., Ярмук Ю.В. Политический интеллект: философско-методологический анализ // Ценности и смыслы, № 6, 2012. С.23-36.
2. Сутор Б. Политическая этика // Полис. Политические исследования. №1,1993. [Электронный ресурс] URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/S/1993-1-8-Sutor-Politicheskaya_etika.pdf (дата обращения: 20.10.2019)
3. Философия ответственности / Под ред. Е.Н. Лисанюк, В.Ю. Перова. СПб.: Наука, 2014. – 255 с.

Яскевич Ядвига Станиславовна

доктор философских наук, профессор

Белорусский государственный университет

ЭТИКА КАК ИННОВАЦИОННОЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Развитие науки демонстрирует сегодня поворот к человеку, формируя новый тип глобальной методологической рефлексии, связанной с включением в её арсенал идеалов гуманизма, плюрализма и холистического подхода к человеку. Одновременно с этим в самой культуре нарастают тенденции изменения образа человека, восприятия человеческого тела и возраста, гендерных и генеративных моделей, здоровья и болезни. Всё это служит своеобразным социальным заказом по отношению к становлению «этики здоровья» как комплексной инновационной дисциплины.

«ДЕОНТИЧЕСКИЙ МОДУС СПОРТА: СИНТЕЗ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ПОДХОДОВ»

материалы круглого стола

Васильев Илья Александрович

кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС ФИФА И ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ РЕГЛАМЕНТ УЕФА: ЗНАЧЕНИЯ ЗАПРЕТНОГО

Последняя редакция Этического кодекса ФИФА выделяет четыре группы правил поведения, нарушение которых влечет юридическую ответственность субъектов футбола: официальных лиц, игроков, агентов и представителей. Первая группа – общие обязанности поведения (ст.13-18); вторая группа – недопустимость конфликта интересов, получения выгоды, нарушения личных прав (ст.19-23); третья группа – недопустимость подлога, фальсификации, злоупотребления должностным положением, ставок на спорт (ст.24-26); четвертая группа – недопустимость получения взяток, коррупции, растраты средств, манипулирования результатами матчей и соревнований (ст.27-29). Каждое из нарушений правил поведения, представленное в Этическом кодексе, сформулировано по модели полноценной нормы и состава проступка: гипотеза, диспозиция, санкция. Отдельное регулирование в упомянутом кодексе посвящено стадиям привлечения к спортивной ответственности: от расследования специальным органом ФИФА до рассмотрения спора Этической комиссией. Решение последней может быть обжаловано в Апелляционную комиссию. Прямое и по аналогии применение норм Дисциплинарного кодекса ФИФА при таком подходе является недопустимым, что и демонстрирует правоприменительная практика.

Предметом регулирования Дисциплинарного регламента УЕФА являются проступки, влекущие применение к субъектам футбола (официальные лица, игроки, агенты и представители) спортивной (дисциплинарной) ответственности. В их числе мы можем обнаружить отдельные нарушения правил поведения, которые представлены и в Этическом кодексе ФИФА. Посвященная таким проступкам Глава III появилась в последней редакции Дисциплинарного регламента, объединив следующие составы нарушений: во-первых, использование конфиденциальной информации и злоупотребление должностным положением (ст.18); во-вторых, конфликт интересов (ст.19); в-третьих, предложение подарков и их принятие, а также любых иные способы получения выгоды (ст.20); в-четвертых, получение взяток и коррупция (ст.21); в-пятых, «простимулированное» принятие решений и голосование (ст.22). Дисциплинарный регламент предусматривает регулирование всех стадий привлечения к спортивной ответственности, определяя рассматривающие спор компетентные юрисдикционные органы (Контрольно-дисциплинарная и этическая комиссия, Апелляционная комиссия) и процедуру апелляционного обжалования вынесенного решения.

В связи со сложившейся структурой ответственности за этические проступки в двух разных подходах ФИФА и УЕФА, представляется обоснованным рассмотреть два ключевых вопроса:

1. Подход УЕФА к включению этических проступков в положения Дисциплинарного регламента стирает границы между нарушениями этических правил поведения и спортивно-правовых правил. В идеальной конструкции управления спортом, как нам представляется, этические проступки и дисциплинарные проступки должны представлять две независимые группы деяний, влекущих разные юридические последст-

вия. В ситуации этических проступков – административные, управленческие решения, тогда как при дисциплинарных проступках адекватной реакцией должна являться спортивная ответственность.

2. Какой вид юридической ответственности используется ФИФА для преследования этических проступков субъектов футбола? Если мы ведем речь о спортивной (дисциплинарной) ответственности как в ситуации с применением Дисциплинарного регламента УЕФА, тогда усиливаются обоснованные сомнения о независимости этических проступков от дисциплинарных проступков в спорте.

Васильева Дарья Алексеевна

кандидат социологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ФУТБОЛЬНЫЕ САУНДСКЕЙПЫ: ФОРМИРОВАНИЕ СЕНСОРНЫХ ОБРАЗОВ В РАМКАХ СПОРТИВНЫХ МЕГА-СОБЫТИЙ

В современном футболе звуки играют огромную роль в восприятии, интерпретации пространства игры как игроками, так и болельщиками, а также в эффективном взаимодействии в нем. Аудиовизуальные тексты, создаваемые и тиражируемые современными СМИ, задают совершенно особые паттерны кодирования звуков в футболе, а спортивные мега-события вовлекают в этот процесс беспрецедентное количество акторов.

Данный доклад презентует новый исследовательский проект, сфокусированный на изучении процессов формирования футбольных звуковых ландшафтов в контексте спортивных мега-событий таких как Чемпионат Мира FIFA, с точки зрения постановки проблемы, методов и ожидаемых результатов.

Футбольный стадион представляется нам сегодня одной из точек сборки всех актуальных культурных процессов: акселерация взаимодействия, детерриторизация культурных образцов и их подвижность, стандартизация, интенсификация связей, движение и мобильность, смешение – все это обуславливая и стимулируя друг друга приводит к очередной трансформации чувственных паттернов и изменению конфигурации сенсорных образов, связанных у нас с восприятием футбола. Цифровые технологии и появление новых СМИ, позволяют нам услышать удаленное от нас во времени и пространстве в очень различных форматах, фрагментируя и стандартизируя восприятия звуков, создавая изменчивый, подвижный и стандартизированный аудиальный код. В свете всего выше сказанного, «аудиальные ландшафты» / «саундскейпы» футбола и роль в нем отдельных звуков становится очень привлекательным объектом для global-, cultural-, sound studies, социальной антропологии и различных направлений социологии (в частности, социологии спорта).

Примеры игры в футбол без болельщиков, мис-интерпретации происходящего на экране при выключенном или «поехавшем» звуке, на контрасте показывают нам, что звуковые сигналы играют совершенно особую роль, стимулируя воображение на нескольких уровнях. Интерпретация звуков футбола, согласно данным первого этапа исследования, зависит от типа «практик воображения»:

- звуки-индикаторы завязаны на непосредственный опыт пребывания на стадионе (участия в качестве игрока, болельщика, работника стадиона и т.п.);

- ретроспективные звуки связаны с непосредственно с идентичностью футбольного фаната/зрителя/игрока, предполагает длительное и глубокое включение в футбольные контексты (знание истории игры, актуальных проблем, персоналий, событий).

- звуки-фикции – это порождение медиа-пространства и доступны всем, в том числе и случайным зрителям.

В рамках Чемпионата мира FIFA конфигурация футбольного саундскейпа становится чрезвычайно пластичной. Изучение особенностей его формирования может стать ключом к пониманию влияния актуальных культурных процессов на современного человека.

Гонашвили Александр Сергеевич

аспирант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В СПОРТЕ

Российская история показывает зависимость спортивных практик от социальных отношений и культурных сетей. Колесов, русский лингвист, выяснил, что в XIX веке нравственный смысл спортсменов определялся рискованным шарлатанством. XX век радикально меняет отношение к спорту, внедряя социальные советские практики, преследующие коммунистический нравственный идеал. XXI век вводит новый подход российского общества к морали в спортивной деятельности. Капитализм и глобализация поместили российскую спортивную практику в амбивалентную социальную структуру: любительскую и профессиональную. Любительские спортивные практики более социально и культурно специфичны, будучи менее зависимыми от международных отношений. Нам было интересно понять взаимный социальный контекст, касающийся норм, морали и ценностей взаимоотношений между спортсменами. Наше эмпирическое исследование было проведено в 2017 году в Санкт-Петербурге на основе данных, предоставленных ресурсным центром социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Расследование было направлено на выявление мотивов, которыми руководствуются спортсмены на протяжении всей своей карьеры. Поэтому мы запустили онлайн-опрос и изучили мнение 100 респондентов, жителей Санкт-Петербурга, Ленинградской области. Основные вопросы исследования касались Классификации основных функций спорта, их раздвоения на более важные и менее важные, а также деления существующих спортивных практик на допустимые и неприемлемые. Ответы респондентов свидетельствуют о дезинтеграции духовных и материальных качеств спортсменов и общества. Это, в свою очередь, приводит к нарушениям спортивной этики.

Ивченко Елена Анатольевна

кандидат психологических наук, доцент

Национальный государственный Университет

физической культуры, спорта и здоровья им.П.Ф.Лесгафта

Медников Степан Викторович

кандидат психологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

СИТУАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ

Футбол – это спорт номер один. Последний Чемпионат мира по футболу по разным данным смотрело более 1 млрд. человек на планете. Футбол привлекает доступностью, зрелищностью, динамичностью. Вместе с тем, события, которые происходят на футбольном поле, могут порождать разные эмоции и разное поведение болельщиков. Поведение может быть разным, от пассивного до агрессивного. За последний год все чаще стали появляться сообщения о столкновении болельщиков с сотрудниками правоохранительных органов, и это настораживает.

Под агрессией мы понимаем временное, ситуативное состояние, находясь в котором, человек производит действия, причиняющие ущерб или направленные на нанесение

ущерба себе, другому человеку, группе людей, животному или неодушевленному предмету (Реан А.А., 2002, Сафонов В.К., 2003)

В психологии считается, что на поведение человека могут влиять его личностные особенности и особенности ситуации, в которых находится человек. На ситуативных факторах в данной статье мы и остановимся.

Проведенное нами исследование с участием 150 человек (возраст 17-25 лет), позволило выявить различные ситуативные факторы, которые влияют на проявление агрессии среди футбольных болельщиков. К ним относятся:

- Употребление алкоголя;
- Действие сотрудников правоохранительных органов
- Недовольство результатом, событием, игрой и т.п.
- Необходимость эмоциональной разрядки
- Плохая организация матча
- Провокации других фанатов, болельщиков
- «Предвзятое» судейство
- Феномен толпы, массовое поведение, агрессивный лидер

Учет этих факторов очень важен при организации мероприятий и обеспечению правопорядка. Возникновение и развитие большинства ситуаций можно предвидеть и предотвратить. При этом этика взаимоотношений между болельщиками и организаторами футбольных матчей должна руководствоваться не только правилами поведения болельщиков и правилами проведения спортивных соревнований, а также пониманием роли болельщика для организаторов. Например, болельщик – это клиент, следовательно, клиенториентированная модель поведения организатора, будет способствовать эффективнее решать возможные проблемы, вызванные влиянием ситуационных факторов.

Синютин Михаил Владимирович

доктор социологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ДЕОНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СПОРТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Спорт является своеобразным сегментом современной общественной жизни, где системообразующую роль играют искусственные конструкции того пространства, в котором деятельность может отрешиться от повседневности. Социальные отношения спорта возможны лишь благодаря существованию правил, которым следуют люди, вовлеченные в досуговый вид соревновательных практик. Конструкция правил вызывает взаимоувязанные структурные компоненты спортивных ролей. Однако, наделение этими ролями и их содержательное наполнение происходят уже помимо этих правил. Правила же сохраняют морально-принудительные силы, позволяющие агентам спорта оставаться спортсменами, поскольку наделяют их особого рода полномочиями данного социального статуса.

В той мере, в которой спорт независим от внешней прагматической принудительности, его конструкция правил позволяет воспроизводиться агональным переживаниям, или азарту увлеченного игрой человека. Эти переживания неотделимы от деонтической специфики спорта и от постижения смысла конструкции правил. Ради этого становится возможным отреченное погружение в систему искусственных правил игры.

Спорт как игра входит в публичную сферу общественной жизни, распределяя в рамках созданных правил роли действующих спортсменов и соучаствующей публики, партнеров и соперников, атлетов и наставников, состязающихся и арбитров. Конст-

рукция правил включает эти роли в общее пространство игрового действия, где полномочия спортсмена перестают быть полностью автономными.

Характер деонтической конструкции спорта позволяет рассматривать его всегда игрой, какими бы ни были внешние прагматические цели. Ввиду этого в спорте обнаруживается своеобразное противоречие. Спорт абсолютно лишен всякого естественного принуждения, но, чтобы принять полномочия, делегируемые вместе со статусом спортсмена, необходимо принудить себя к искусственным ограничениям. Однако, институциональный контекст делегирования полномочий спортсмена задается двумя социальными силами без которых спорт исключен – это зрители и организаторы состязаний.

Действия спортсмена, обличенные в рамки правил свободны от необходимости создания какого-либо блага, или всего того, что возможно было бы отчуждать для некоторого внешнего потребления. Но в мире современного капитализма, внешние социальные условия постоянно и неизбежно провоцируют деонтическую конструкцию спорта всеобщими привлекательными возможностями товарных форм. Поэтому конструкции правил испытывают систематическое воздействие закономерностей функционирования капиталистического общества.

Смелова Алёна Андреевна

кандидат социологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СПОРТА: ОБЗОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

В 2003 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, подтверждающую ее приверженность спорту как средству содействия образованию, здравоохранению, развитию и миру. Спорт был признан инструментом решения глобальных проблем, связанных с насилием, неравенством, болезнями, голодом, начальным образованием, экологической устойчивостью и глобальными партнерствами. В европейской перспективе спорт предстает как высокоэффективный этический инструмент объединения людей, он обеспечивает высокие финансовые прибыли и политический престиж. А как педагогическая технология спорт играет важную роль в воспитании миротворчества и ненасильственного разрешения конфликтов у молодого поколения (Nsubuga T., 2012).

Социологическая перспектива спорта включает в себя классические и современные подходы: функционализм, неомарксизм (или теорию конфликта), понимающую социологию, феминизм, фигурационную социологию, постструктурализм/постмодернизм и транснационализм. Функционализм рассматривает спорт как социальную систему, где правила обучения выполняют функцию адаптации, технические правила функцию целеполагания, правила судейства – интеграции, а правила участия и конкуренции – поддержания образца (Heinila, 1969). Также фокус функционализма направлен на спорт как на социальный институт с определенными функциями. Если в дописьменных культурах функции спорта были отчасти религиозными, нацеленными на объединение людей и их физическую подготовку для военных действий, то в современном обществе – это поддержание образцов и интеграция. Поэтому можно выделить пять главных функций спорта: (1) социально-эмоциональную функцию, направленную на поддержание социо-психологической стабильности, (2) функцию социализации – передачу культурных ценностей и норм, (3) интегративную функцию – объединение разрозненных индивидов в группы, (4) политическую функцию – облуживание идеологии и (5) функцию социальной мобильности (Luschen,

1972, Stevenson, 1974). Однако, функционализм упускает из виду взаимодействие индивидов и социальной структуры. Это частично восполняется неомарксистской интерпретацией спорта, которая охватывает темы человеческого потенциала и отчуждения, поднимает вопрос об индивиде и его оппозиции к капиталу. Считается, что спорт нормативно укоренен в капиталистической организации труда, а научные методы производства позволяют достичь спортсменам максимальных результатов (Brohm, 1978). Понимающая социология видит в спорте черты современного общества – секуляризм, равенство, специализацию, рационализацию, бюрократическую организацию и квантификацию. Ее главными темами становятся спортивные субкультуры и социализация. Особое внимание уделяется проблеме спортивной карьеры, которая рассматривается как недевиантное поведение, поведение, которое сочетает профессионализм, развитие, максимизацию дохода, социальное страхование и др. (Guttman, 1978; Scambler et al., 2004). Феминизм, включает в себя целый комплекс теорий и теоретических традиций о гендерных отношениях в обществе патриархального типа. В частности, либеральный феминизм выступает за равный доступ и возможности разных гендеров в спорте, радикальный феминизм исследует структуру властных отношений в спорте – проблему доминирования мужчин в спорте, марксистский феминизм рассматривает гендерное неравенство в спорте как результат классовых отношений и эксплуатации, социалистический феминизм исследуют гегемонию маскулинности в спорте, постструктуралистский феминизм делает акцент на расе, этничности и идентичности в спорте (Scraton, Flintoff, 2002). Фигурационная социология рассматривает процесс спортизации свободного времени в обществе одновременно с процессом парламентаризации политических конфликтов. Другими словами, исследуется, как практики управления людьми и системами аристократов превращаются в цивилизованные практики досуга, другими словами, как физическое насилие становится нелегитимным. Напротив, «рациональное» насилие для достижения победы в соревновании признается цивилизованным. Ему противопоставляется коллективное насилие, совершаемое хулиганами из рабочей среды после посещения спортивных мероприятий (Elias, 1978). Наконец, постмодернизм исследует связи либерального капитализма и спорта, бинарные отношения «высокого»/ массового искусства и спорта, потребления и спорта, финансов и спорта, этики и спорта. Как следствие, появляется синтетический транснациональный подход, который позволяет увидеть спорт как сообщество, функционирующее на основе транснационального взаимодействия, т.е. коллективного поведения, базирующегося на единстве целей, ценностей, интересов, идентичностей, культурных символов. Его основными участниками являются национальные государства, которые рассматривают международные спортивные мероприятия как арену для демонстрации своей внешней (военной) политики, а также представители бизнеса, включая транснациональные компании, которые создают спортивную индустрию, и, конечно, непосредственные участники – спортивные чиновники, официальные лица федераций и клубов, спортсмены, тренеры, болельщики и др. Так, этика современного общества включает проблемы транснациональных стандартов регулирования спорта как источника доминирования и несправедливости в профессиональном спортивном поле и их согласованности со сложной архитектурой финансирования спорта.

Литература

Brohm, J.M. Sport: A Prison of Measured Time. London, Ink Links, 1978.

Elias, N. What is Sociology? London; Hutchinson, 1978.

Gutmann, A. From Ritual to Record: The Nature of Modern Sports. New York, Columbia University Press, 1978.

- Heinila, K. Football at the Crossroads // *International Review of Sports Sociology*, 1969. 4: 5-30.
- Luschen, G. The Interdependence of Sport and Culture // *International Review of Sports Sociology*, 1967. 2: 127-42.
- Nsubuga B.T. Peace Education Through Sport: Examining the Significance of Sport in Development. Module Paper 9: Peace Pedagogy.MA. Peace and Conflict Studies. Academic year 2012/13, Spring Term. European Peace University, Private Universitat. 2012.
- Scambler, G., Ohlsson, S. and Griva, K. Sport, Health and Identity: Social and Cultural Change in Disorganized Capitalism. In Kelleher, D. and Leavy, R. (eds.) *Identity and Health*. London, Routledge, 2004.
- Scraton, S. and Flintoff, A. Sport Feminism: The Contribution of Feminist Thought to Our Understandings of Gender and Sport. In Scraton, S. and Flintoff, A. (eds). *Gender and Sports: A Reader*. London, Routledge, 2002.
- Stevenson, G. Sport as a Contemporary Social Phenomenon: A Functional Explanation // *International Journal of Physical Education*. 1979. 11: 8-14.

**«МОРАЛЬНАЯ НОРМАТИВНОСТЬ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСАХ
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА»**

в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ №19-011-00234

материалы круглого стола

Артамонов Денис Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент

Тихонова Софья Владимировна

доктор философских наук, доцент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет

им.Н.Г.Чернышевского

**ЭТИЧЕСКИЕ РИСКИ МЕДИАПРИСУТСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ
ШКОЛЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ**

РФФИ №19-011-00265 «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире»

Фигура преподавателя является ключевой в культурном пространстве университета. В нашей стране ролевая структура участников учебного процесса высшей школы в наибольшей степени детерминирована гумбольдтовской моделью университета, интегрировавшей академическую свободу и государственное строительство в единый гуманистический проект. В ее рамках студент должен развить способность приобретать, передавать, критиковать модифицировать знание, а главным гарантом синтеза преподавания и исследования становился преподаватель. Чтобы объединить преподавание и исследование, необходимо было отказаться от любого диктата авторитета в процессах трансляции знания, сделать их такими же открытыми, как и сама наука. Иначе говоря, учителя необходимо было превратить в ученого. Так была изобретена новая социальная роль, синтезирующая разные коммуникативные практики и связанные с ними ценностно-нормативные системы. Публичная маска (И. Гофман) преподавателя дрейфует между двумя полюсами: образом учителя и образом ученого. Их каноны имеют универсальный характер, поскольку конструируются не только корпоративной культурой университета, но и культурой массовой. Для образа учителя характерно доминирование консервативного делового стиля, поддерживаемое давлением государства и общественности, имеющего явно выраженную национальную специфику. Образ ученого меньше зависит от национальной специфики в связи с международным характером науки и доминированием голливудской иконографии. Нонконформизм, анархизм и рассеянность обеспечивают широкое пространство для модификации «учительских» стандартов визуального образа ученого.

Оба образа формировались в условиях локальной публичности (класс, аудитория, лаборатория), позволяющей четко элиминировать приватное из публичного в рамках формальной коммуникации. Медиатизация маски в условиях социальных сетей трансформирует привычный культурный код преподавательской публичности, замещая личный контакт опосредованным. Изменения маски, вызывающие медиаскандалы разного уровня, актуализируют вопросы о должном, допустимом и приемлемом в поведении преподавателя и его репрезентации в пространстве социальных сетей. Для социальных медиа характерны практики персонализированной, субъектцентристской коммуникации, где личностная окрашенность сообщения является ключевым фактором успешных интеракций. При этом демаркация публичного и приватного весьма условна. В подавляющем большинстве случаев рядовые подписчики обращаются в массовых сегментах социальных сетей к своей «домашней группе», к людям, которых

они считают ближним кругом, а не к анонимной аудитории. Поэтому в сетевой самопрезентации не редки сюжеты рекреационного поведения, влюбленности, фрустрации, аддиктивного поведения, выражения мировоззренческих позиций, не уместные в контексте традиционной публичности. Чаще всего они реализуются в визуальных форматах, все коннотации которых далеко не всегда очевидны самим их создателям. В докладе на конкретных кейсах будут рассмотрены следующие этические риски медиатизации маски преподавателя:

- 1) избыточная сексуализация и вульгаризация индивидуального имиджа преподавателя комментаторами;
- 2) необоснованные обвинения в нелегальной деятельности (пропаганда социальной вражды, суицида, оскорбление чувств верующих);
- 3) коммуникативные стратегии взаимодействия с неадекватной, недоброжелательной или агрессивной аудиторией;
- 4) использование медиaprисутствия как педагогической и образовательной технологии.

Артёмов Георгий Петрович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНАЯ СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ

РФФИ №19-011-00234

В докладе показано, что профессиональные этические кодексы включают в себя не только позитивные и негативные предписания, но и обоснование важности этих предписаний с точки зрения нравственных ценностей, имеющих значение для успешного осуществления определенной профессиональной деятельности. В качестве примера рассматриваются нормативно-ценностные структуры, содержащиеся в этических кодексах врачей, инженеров и полицейских. В международном кодексе медицинской этики содержатся следующие позитивные и негативные предписания, регулирующие поведение врачей. В кодексе отмечено, что врач «должен»: «действовать в интересах пациента при оказании медицинской помощи»; «уважать право пациента на конфиденциальность»; «оказывать неотложную помощь в качестве гуманитарной обязанности» и др. В кодексе также отмечено, что врач «не должен»: «допускать, чтобы на его суждения влияла личная выгода или несправедливая дискриминация»; «получать финансовые льготы или другие стимулы» и др. Обоснование значения этих требований можно найти во включенной в кодекс «Международной клятве врачей», в которой важнейшими приоритетами врача провозглашаются: «здоровье пациента»; «выполнение долга перед пациентом» вопреки «соображениям возраста, болезни или инвалидности, вероисповедания, этнического происхождения, пола, национальности, политической принадлежности, расы, сексуальной ориентации, социального положения» и др. В этой клятве утверждается, что смысл деятельности врача заключается в сохранении жизни людей вне зависимости от их социальной принадлежности и персональных особенностей. В этическом кодексе инженеров также содержится перечень позитивных и негативных предписаний. Здесь говорится о том, что инженеры «должны»: «всегда стремиться служить общественным интересам»; «утверждать только те инженерные документы, которые соответствуют применимым стандартам»; «раскрывать все известные или потенциальные конфликты интересов, которые могут повлиять или могут повлиять на их суждения или качество их услуг» и др. В то же время в кодексе отмечено, что инженеры «не должны»: «помогать или поощрять незаконную

практику проектирования», «продвигать свои собственные интересы в ущерб достоинству и целостности профессии»; «принимать финансовые или другие ценности, прямо или косвенно, от внешних агентов в связи с работой, за которую они несут ответственность» и др. В качестве обоснования этих предписаний можно рассматривать содержащееся во вступительной части кодекса утверждение о том, что «инжиниринг оказывает непосредственное и важное влияние на качество жизни всех людей». Этический кодекс полицейских содержит следующие позитивные и негативные предписания. Полицейский «должен»: «помнить о своей особой идентификации общественностью как сторонника закона»; «вести свою служебную жизнь таким образом, чтобы внушать доверие»; «игнорировать социальные, политические и все другие различия между вовлеченными лицами, укрепляя традицию надежности и целостности слова офицера» и др. В то же время полицейский «не должен»: допускать «использования незаконных средств», которое «будет способствовать неуважению к закону и его должностным лицам»; «ставить себя в положение, в котором какое-либо лицо может ожидать особого внимания или в котором общественность может разумно предположить, что особое внимание уделяется»; и др. В качестве обоснования важности этих предписаний можно рассматривать утверждение о том, что «главной обязанностью полицейской службы и отдельного сотрудника является защита народа... посредством соблюдения законов», что «использование незаконных средств будет способствовать неуважению к закону и его должностным лицам». На основе сравнительного анализа текстов этических кодексов, можно сделать вывод о том, что они ориентируют поведение профессиональных групп на выполнение их социальных функций: сохранение жизни людей, улучшение качества жизни и обеспечение безопасности жизни.

Барташевич Татьяна Юрьевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

**«НОВЫЕ МЕДИА» В ПРОСТРАНСТВЕ ЭТИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ:
МЕЖДУ «КОДЕКСОМ ЭТИКИ ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА» И
«КОДЕКСОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ РОССИЙСКОГО
ЖУРНАЛИСТА»**

РФФИ №19-011-00234А

В 2010 году Межправительственным советом программы «Информация для всех» при ЮНЕСКО был предложен Кодекс этики для информационного общества. ЮНЭСКО, опираясь в своей деятельности на нормы и принципы международного права, рассматривает в качестве его субъектов государства и декларирует наиболее общие, универсальные этические ценности и принципы современного информационного общества.

Поскольку государства (а также отдельные культурные, образовательные и музейные центры, входящие в состав ЮНЭСКО), являются его основным адресатом, то ЮНЕСКО, полагаясь на их добрую волю и обязательство следовать международному праву, декларируют основные моральные ценности, которые должны определять политику государства в области информационных технологий, производства, хранения и потребления информации, используя информацию во благо народов и каждого человека.

Государства-члены должны стремиться побуждать провайдеров и распространителей информации придерживаться таких этических принципов и ценностей, как справедливость, честность, искренность, правдивость, достоверность, надежность и объективность, а также создавать условия для обеспечения доступа к информации для всех.

Пользователи информации имеют право полагать, что информация будет соответствовать критериям независимости, надежности, точности и достоверности.

Предполагается, что наличие и осуществление кодексов этики, разработанных, во-первых, с опорой на универсальные принципы, задекларированные в Кодексе этики для информационного общества, и, во-вторых, при участии всех заинтересованных сторон (производителей или провайдеров информационных и коммуникационных систем, серверов, поисковых программ, электронных средств информации, дискуссионных форумов, потребителей информации и т.д.), будет содействовать распространению и укреплению этических принципов.

В настоящее время активным участником информационного процесса выступают, так называемые, «новые медиа» – современные формы профессиональной журналистской деятельности; цифровые, интерактивные, мультимедийные формы коммуникации генераторов контента с его потребителями. Активность «новых медиа» регулируется «Кодексом профессиональной этики российского журналиста», который был принят Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года. Данный кодекс существует в неизменном виде по сей день. С одной стороны, это оправдано: содержание деятельности журналиста как профессионала осталось неизменным, и принципы журналистской деятельности, зафиксированные в кодексе, по-прежнему звучат актуально – на то они и принципы, и сила их в универсальности, а не в партикулярной значимости. Но, с другой стороны, очевидно, что изменения, произошедшие в форме осуществления профессиональной деятельности (вернее возникновение и, возможно, доминирование, новых форм – цифровых, мультимедийных, интерактивных), должны найти отражение в кодексе профессиональной этики журналиста.

Об этом свидетельствует и само профессиональное журналистское сообщество. Так, в официальном заявлении председателя Союза журналистов России Владимира Соловьёва от 30 марта 2018, опубликованном на сайте Союза журналистов России, говорится, что «совершенствуются технологии, используемые в нашей профессии, меняется и сама журналистика. К сожалению, количество далеко не всегда переходит в качество. Мы, а вместе с нами наши читатели, зрители и слушатели сталкиваемся с целым рядом новых вызовов. Массированное распространение ложных новостей, т.н. fake news, стало глобальной проблемой. В погоне за сиюминутным успехом, ростом рейтингов и количества подписчиков многие утрачивают не только профессиональные стандарты, но и базовые понятия о морали, совести, этике. Безответственность в нашей профессии уже ни у кого не вызывает удивления». В. Соловьёв от имени Союза журналистов призывает профессиональное сообщество журналистов следовать журналистской этике с целью «оздоровления» профессии и возвращения доверия и уважения аудитории. В этой связи Союз журналистов России начал разработку собственного профессионального этического кодекса с открытым обсуждением, учетом мнения региональных отделений Союза журналистов и опорой на зарубежный опыт. Утверждение окончательного варианта нового кодекса было запланировано на ноябрь 2018 года. Однако Кодекс профессиональной этики российского журналиста в новой редакции на сегодняшний день так и не утвержден.

Полагаем, от лица этического сообщества, мы должны принять участие в разработке нового кодекса профессиональной этики российского журналиста.

Барышков Владимир Петрович

доктор философских наук, профессор

АНО ВО «Санкт-Петербургская юридическая академия»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ДУХОВНЫЙ АВТОРИТЕТ УЧЕНОГО

Первый из вопросов насколько вообще возможен ученый как духовный авторитет? Признанными образцами духовного авторитета, выступают носители высшей, трансцендентной истины. Прежде всего, это относится к нравственной и религиозной областям. Духовные авторитеты есть поводыри (лидеры) человечества. Коль скоро речь идет об ученом как духовном авторитете, следует сказать о «духе» науки. Единственно возможный выход состоит в том, чтобы распространить понятие духовности, прежде всего, как нравственности, на сферу науки, сферу научного знания.

Ученый как духовный авторитет соотносится с духовным авторитетом науки, ее духовным содержанием, с духовным содержанием знания. Подобным образом религиозный духовный авторитет соотносится с духовным содержанием религии и в максимальной степени выражает такое содержание. В каком смысле научному знанию присущ духовный авторитет, духовное содержание? Возможны два противоположных ответа. Первый научное знание не обладает духовным содержанием, в отличие от веры, и второй – научное знание несет в себе такое духовное содержание, духовные смыслы.

Научное знание в его служебной функции соотносится с проблемами человеческого бытия. В зависимости от степени его соответствия человечности и следует говорить о духовной содержательности научного знания. В этом значении «дух» науки эпохи модерна бесчеловечен. Ученые как носители такого духа новоевропейского знания не могут быть отнесены к разряду духовных авторитетов для общества в целом.

С другой стороны, в науке занят интеллект человека как творца знания, который представляет собой не только вычислительное мышление, но и волю, свободу. Собственно же научное знание, знание ставшее, ничего подобного не содержит. Тем не менее, без герменевтики знания, без его личностной и культурной интерпретации не только невозможно приращение знания, но невозможно и освоение имеющегося.

Сегодня при рассмотрении проблем эпистемологии, познающего сознания в целом все настойчивее звучит требование перехода от гносеологического анализа познания субъектом мира к онтологическому исследованию его существования в мире. В связи с этим анализ сциентистских аспектов познания необходимо дополнить анализом его экзистенциальных составляющих. В самом знании, в процессе его функционирования, с точки зрения психологии и социологии, присутствует экзистенциальная составляющая, уже, действительно, неотделимая от ученого и наполняющая научную деятельность судьбическим, личностным, духовным потенциалом.

Одним из современных понятий, возможно, способных выразить конкретные формы духовной реализации человека в научной деятельности является духовный интеллект – способность осуществлять добродетельное поведение. Думается, что подобные свойства, присущие личности, могут составить описание типа ученого как духовного авторитета.

Существенным является способность ученого обратиться к себе, внутрь себя, поскольку познание, созерцание, оценка связаны с самопознанием и самосозерцанием. Духовность научного познания состоит в способности формирования ценностных предпочтений и личностных смыслов самим познающим субъектом.

Духовный авторитет в науке – это нравственно обоснованное лидерство логически и онтологически (по внутренней логике как необходимости), подтвержденная правиль-

ность (мудрость) и справедливость складывающегося положения дел в научном обществе.

Даже беглый взгляд на терминологию информационной теории обнаруживает, что понятия «цифровой мир», «цифровая эпоха», «цифровизация», «оцифрованный мир» носят коммуникационно-операциональный характер. С этой точки зрения, в очередной раз меняется носитель информации: папирус, пергамент, береста, бумага, электронный накопитель.

Очевидной также является параллель между книгопечатанием и цифровизацией. «Галлактика Гутенберга», книжная и докнижная эпохи в развитии современной цивилизации рождают ассоциации с цифровым информационным обществом и обществом оцифрованного знания. Ассоциации связаны с колоссальным воздействием этих нововведений для развития науки, культуры, образования.

Что касается авторитета, в частности ученого как духовного авторитета, то этот коммуникативный институт культуры подвергается проверке, верификации и фальсификации, на предмет лицемерия и искренности в новой системе коммуникационных координат.

Беляева Елена Валериевна

кандидат философских наук, доцент

Белорусский государственный университет

О ВОЗМОЖНОСТИ НЕОТРАДИЦИОННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В научной литературе традиционные нравственные ценности получили свою определенность в сравнении с ценностями эпохи модерна, однако в общественном сознании под «традиционными» чаще всего понимаются «ценности предыдущего поколения», «самоочевидные для данного автора», «семейные ценности и традиционная сексуальная ориентация». Вопрос о сохранении традиционных нравственных ценностей постоянно волнует общественное сознание, любая инновация нарушает привычные представления, вызывая ощущение их «кризиса». Не вдаваясь в определение характеристик цифрового общества, можно сказать, что в любом случае процессы цифровизации вызовут трансформацию, как традиционных ценностей, так и традиционных способов моральной регуляции.

Чтобы высказать гипотезу о характере этой трансформации, можно обратиться к уже выявленным закономерностям исторической динамики нравственности, одна из которых состоит в том, что традиционная нравственность устойчиво воспроизводит свои системные характеристики благодаря фундаментальности способа регуляции, основанного на непосредственных контактах индивидуальных субъектов, и ценностному ядру, имеющему не только исторически-конкретное, но и универсальное содержание. Традиционная нравственность имеет высокую адаптивность к историческим переменам за счет перманентного изменения конфигурации нормативно-ценностной структуры. Она способна синкретизироваться с другими системами нравственности благодаря переосмыслению новых ценностей в контексте традиционной нормативно-ценностной структуры и реализации этой структуры на базе разных способов регуляции. В результате чего наблюдается феномен аккумулирующей традиции, которая выражается в последовательном присоединении вновь возникающего нормативно-ценностного содержания нравственности к.

Исходя из этого, можно предположить, что становление цифрового общества будет сопровождаться укреплением неотрадиционной нравственности, тенденция к которой и раньше наблюдалась в странах позднего модерна. Неотрадиционализм представляет

собой избирательную реактуализацию ценностей традиционной нравственности на базе современных и постмодерных способов моральной регуляции поведения.

В сетевом цифровом пространстве традиционная нравственность оказывается одним из локальных вариантов нравственности, контактирующих с прочими по общим принципам взаимодействия. При этом неотрадиционалистское укрепление культурными сообществами собственных нравственных представлений не только не противоречит, но и способствует приобщению к цифровому миру, задавая смысл его существования.

Опыт показывает, что негативные последствия любых социальных изменений проявляются быстро, в то время как положительных сдвигов приходится дожидаться долго. Другая закономерность состоит в том, что если какая-то социальная группа подвергается дискриминации, то при всякой инновации она будет уязвима для дополнительного ущемления своих прав. Поэтому введение цифровых технологий приведет социально уязвимые слои населения к двойному угнетению: исключению их из преимуществ цифрового мира и принуждению к наиболее неприятным его проявлениям. Цифровые технологии окажутся не источником свободы, скорости, удобства, возможностей, а контроля, неуверенности, махинаций, порождая убеждение в безнравственности цифрового мира и фундаменталистскую приверженность к примордиальной традиционной нравственности.

Таким образом, в цифровом обществе собственно традиционная нравственность будет вытесняться в локусы существования низкостатусных социальных групп, которые станут объектом пропаганды «традиционных нравственных ценностей». В то же время неотрадиционная нравственность как реактуализация традиционного нравственного наследия в контексте цифровых способов взаимодействия между субъектами морали может создать позитивную возможность, которую не следует упустить.

Болотникова Елена Николаевна

кандидат философских наук, свободный исследователь

ЭТОС НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В ПЕРСПЕКТИВЕ ЗАБОТЫ

Благодаря исследованиям М.Хайдеггера и М.Фуко и др. в списке ценностей современного общества мы обнаруживаем заботу. Согласно принципу онтико-онтологической дифференциации, она имеет две перспективы анализа: онтологическую и онтическую. В онтологическом модусе она не имеет антропологического приоритета, что означает, что забота остается самой собой вне зависимости от объекта, к которому адресована и вне зависимости от того, кто именно ее осуществляет. В онтическом модусе забота проявляется в различных экзистенциально значимых феноменах: страх, ужас, совесть, тревога, ответственность и др. Продуктивный подход к исследованию онтического модуса заботы сформулировал М.Фуко. Согласно ему, забота имеет следующую структуру подвижных координат: этическую субстанцию, модус подчинения, аскетические практики и телос. Эти координаты наполняются различным содержанием в зависимости от исторического, культурного, социального, географического положения. "Себя" может быть применено не только к индивиду, но и к устойчивым социальным группам, к сообществу.

Этос науки, описанный Р.Мертоном выступает как "идеальный тип", природа которого нормативна, но не закономерна и подлежит трансформации. Однако любые трансформации этоса научного сообщества сохраняют ценностное измерение, что особенно значимо в режиме производства знания MODE II (М.Гиббонс). Осуществляя научную деятельность, ученые, в том числе, заботятся о себе как о научном сообществе. Институциональные формы функционирования науки поддерживают ценностный ре-

гистр, несмотря на динамику критериев оценки процесса и результата научного труда. Научное сообщество в заботе о себе имеет следующие характеристики. Телосом выступает истина, трактуемая и как *aleteia* (экзистенциально значимая для индивида несокрытость) и в классическом для науки понимании соответствия. Этической субстанцией выступают два свойства научного сообщества: самозаконность и право на автономию. Именно они постоянно проходят "проверку на прочность" в публичном пространстве и модифицируются. Модусом подчинения, способом призвания к трансформации выступает универсальное (в кантовском смысле) рациональное правило. Аскетические практики современного ученого распространяются на язык и способы репрезентации научного знания. Все более строгий режим ограничений накладывается на процесс получения исследовательского опыта и экспериментальных данных. В связи с распространением проектного подхода, ученый осваивает все большее число способов репрезентации научной работы в различных сообществах. Для продуктивной кооперации приходится ограничивать собственные выразительные средства той или иной науки и заменять их.

Научное сообщество, осуществляя профессиональную работу, вместе с тем, заботится о себе. Таким образом удастся сохранять регистры экзистенциально значимого действия призвания и социально адекватного профессионального признания в публичном пространстве.

Вейхер Елизавета Андреевна

магистр биологии, магистр биоэтики, преподаватель

Академическая гимназия им. Д.К. Фаддеева Санкт-Петербургского государственного университета

БИОЭТИКА ДЛЯ БИОЛОГОВ: ЗАПРОСЫ, ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ, ИНТЕРЕСЫ И ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДОВ НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ И СОТРУДНИКОВ СПБГУ

Почти двадцатилетний опыт преподавания биоэтики студентам биологам, как общего курса для бакалавров, так и специальных для магистров, и участия в этической экспертизе исследований на человеке и животных наводит на ряд выводов, важных для понимания отношения к самой дисциплине среди биологов.

Для многих будущих и настоящих представителей связанных с биологией профессий за термином «биоэтика» стоит две отдельно воспринимаемые области: проблемы, связанные с новейшими биомедицинскими открытиями и технологиями, и так называемая «исследовательская этика». Восприятие и той, и другой, на мой взгляд, в значительной мере связано с тем, насколько конкретный студент или профессионал погружен в профессиональную среду, можно даже сказать – в профессиональную субкультуру. Наиболее интегрированные в «сообщество биологов» зачастую демонстрируют описанное еще автором понятия «биоэтика» доктором Поттгером противопоставление «естественника» гуманитариям или обществу. В отношении новейших открытий профессионалы чувствуют себя просвещенными, вынужденными обороняться от предрассудков непросвещенной общественности (страх перед ГМО, клонированием, геномным оружием, репродуктивными технологиями). Эта позиция девальвирует сложность многих реальных этических дилемм, связанных с современными биомедицинскими открытиями. Исследовательская этика, имеющая значительную нормативную компоненту, воспринимается такими профессионалами часто как препятствие, осложнение, а этическая экспертиза исследований и требования журналов, грантодателей и законодательных норм – как очередные бюрократические препоны для развития науки. Не только профессионалы, но и многие студенты и школьники, относя себя

к «лагерю биологов», ставят себя в оппозицию «навязываемой этике», которая науке не нужна. С другой стороны, многие обучающиеся (реже сотрудники), не ощутившие подобного коллективного противопоставления, часто демонстрируют повышенный интерес ко многим популярным биоэтическим проблемам и обсуждают спорность и неэтичность некоторых современных учебных и научных практик. Современные процедуры и регуляции в области исследовательской этики в таком случае даже критикуются за этическую непоследовательность и излишнюю компромиссность, а их реальное применение – за формализм и подмену ценностей.

Обе крайности довольно распространены, хотя количество профессионалов и обучающихся, готовых воспринимать этическую компоненту как часть нормальной научной практики, участвовать в процессе обсуждения и принятия решений по этическим вопросам, занимать более активную общественную позицию, в последние годы, на мой взгляд, растет. При этом «кислиным биологам» в большей степени свойственны поиски научных, биологических обоснований основных обсуждаемых ценностей, тогда как менее интегрированные в профессиональную субкультуру склонны заимствовать язык у гуманитарных и даже религиозных институтов.

Давыдов Денис Алексеевич

магистр Прикладной этики, ФСИН МС-78 (г. Санкт-Петербург), медбрат

Маркова Инна Викторовна

магистр Прикладной этики, ООО "Союз" (г. Санкт-Петербург), юрист

ЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Повсеместное развитие и внедрение цифровых технологий ведет к социально-структурным, экономическим изменениям. В рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации» были сформулированы стратегические задачи по регулированию и применению высоких технологий во всех сферах в связи с необходимостью повышения качества жизни населения; утверждены основные векторы развития: цифровая инфраструктура и безопасность, грамотные кадры, нормативное регулирование и многие другие аспекты.

Данные преобразования привели к возникновению новых этических проблем: охрана персональных данных, взаимодействие человек/машина, конфиденциальность; а также задало новые направления развитию биоэтики, киберэтики и т.д.

Цифровизация — это процесс интеграции цифровых технологий в повседневный уклад человека, сопровождающийся появлением новой реальности — цифрового пространства. Появляются новые возможности: доступность, открытость, анонимность, а также опасности: кража персональных данных, проблемы ответственности, что явно указывает на дилемму двойного применения, что требует морального регулирования со стороны общества.

Особая область моральных проблем возникает при пользовании социальными сетями. Большинство сервисов оказывают услуги через аккаунт. К примеру, каршеринг (краткосрочная аренда автомобиля). Учетная запись является подтверждением возможности человека использовать блага цифрового мира. При этом во многих странах мира легализованы цифровые паспорта, что придает цифровой личности законный статус гражданина. Согласно ООН — доступ к сети Интернет признан неотъемлемым правом человека. Необходимо проанализировать с этической точки зрения: появление «технического посредника» в общении между людьми, как в лично-бытовом плане (чаты), так и в профессиональных отношениях (телемедицина).

Цифровизация оказывает несомненное влияние на нравственные нормы поведения, что проявляется в таких проблемах, как доступность информации, стирание границ,

экономии ресурсов, что позволяет, не выходя из дома путешествовать, учиться, общаться, получать новые знания, что приводит в свою очередь к изменениям взгляда на мир. Но в то же время информация, предназначенная для применения в определенных целях, может быть использована не по назначению, что наносит огромный урон конфиденциальности; открытость и анонимность порождает вседозволенность; риск потери персональных данных ведет к необходимости использованию паролей, настроек приватности и к иным мерам защиты.

В социально-экономической сфере последствием цифровизации является вытеснение человека машиной, что ведет к исчезновению одних профессий, преобразованию других и появлению новых. Автопилоты вытесняют водителей, на их место приходят операторы, задачей которых будет отслеживать деятельность автономных систем. Одной из приоритетных этических проблем в социально-экономической сфере является справедливое распределение и доступность благ.

Одной из первоочередных задач является подготовка квалифицированных профессионалов, способных работать на стыке дисциплин. Азы цифровой грамотности должны быть заложены в раннем детстве. Важным аспектом является готовность к самообучению и саморазвитию.

Применение интеллектуальных систем ведет к углублению проблемы ответственности. Умные помощники используются повсеместно. Внедрение цифровых технологий привело к развитию e-service (делегированию полномочий от человека машине). При принятии неверного решения, кто будет непосредственно нести ответственность (работчик, оператор, потребитель, машина)? Еще один не маловажный вопрос: какова степень доверия решениям, принятым машиной и насколько с этической точки зрения допустимо доверять программному пакету? В данном случае важен комплексный подход к решению возникающих проблем, от создания инфраструктуры до принятия нормативно-правового и морального регулирования.

Обозначенные в докладе вопросы не имеют на сегодняшний день однозначного ответа и требуют обсуждения, дискуссии в обществе, поскольку влияние процессов цифровизации на человека и общество в целом, все возрастает. Этическое осмысление современного состояния и последствий цифровизации позволяет выработать моральную позицию общества, систему моральных регулятивов и способов решения моральных проблем. В этом нам видится перспектива и задача этической рефлексии цифровых процессов в современном обществе.

Дорохина Римма Викторовна

кандидат философских наук, доцент

Лаврёнов Сергей Викторович

кандидат технических наук, доцент

Руководитель Проектного офиса,

Воронежский государственный технический университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Цифровизация образовательного процесса предполагает освоение новой культуры, методологии и подход как в обучении, так и самообучение. Где ключевым моментом будет именно самообучение. Переход на нейросети в процессе обучения будет стимулировать учащихся к приобретению не только новых знаний, но и возможности получения дополнительного образования параллельно с основным. Для того, чтобы получить такого студента необходима диагностика, т.е. понять кто поступил в вуз, какие у него интересы, пожелания и потребности. И связав все эти факторы воедино, искусственный интеллект, помимо основной образовательной программы, составит дополни-

тельную, для более гармоничного развития личности. Но как не могут интеллектуальные потребности и интересы оставаться в одном состоянии и не меняться, так и нейросети поработав единожды со студентом не будут оставаться в стороне от дальнейшего его развития.

Программа искусственного интеллекта призвана отслеживать интеллектуальную деятельность и смену интересов каждого студента на протяжении всего периода его обучения. Работая с искусственным интеллектом, каждый студент сможет быстрее понять, что ему нравится, чего он хочет, а главное, как более продуктивно и качественно прийти к поставленной цели. Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Разин пишет на этот счет следующее: «мыслительному процессу, понятому как рациональная процедура, предшествуют операции с образами необходимыми при осуществлении сложной ориентировочной деятельности – определением своего субъективного положения в пространстве и времени, а также планированием действий, отнесенных к некоторому моменту в будущем». Цифровизация в системе образования должна привести с одной стороны к более четкому пониманию своей профессии, векторах ее развития, а с другой стороны помочь студенту с самоопределением в профессии.

Цифровизация предполагает на сегодняшний день преодолеть пороги в обучении и пойти новым для россиян путем в образовании. Помимо того, что появятся новые методы обучения, у студентов будет возможность выбрать форму обучения, предмет и преподавателя. «Цифровизация образования ведет к изменениям на рынке труда, в образовательных стандартах, выявлению потребностей в формировании новых компетенций населения и ориентирована на реорганизацию образовательного процесса, переосмыслении роли педагога». Связка учащийся-педагог будет подвергнута трансформации, где роль педагога уменьшится, а самообучение посредством искусственно-го интеллекта увеличится. Стоит помнить и о том, что именно педагог, а не программа может развить моральные и социальные качества у учащегося.

Драппанова Гелена (Drappanova Helena)

доктор философии, старший преподаватель

Университет Матея Бела, Словацкая Республика

ЭТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

В своем докладе я постараюсь показать на примерах, что даже право, как строго регламентированная нормативная система, не может обойтись без других нормативных систем, как этика и мораль. Право, как нормативная система, регламентирует не только свое содержание, но и применяется к профессиональной деятельности юристов, судьей, прокуроров, нотариусов и адвокатов. Профессиональная этика этих профессий использует не только нормы общественной морали, которые могут применяться к конкретным юридическим профессиям, но и каждая из них формируют свои специфические моральные принципы. Это касается и профессии адвоката, которая в себе сохраняет общие этические профессиональные нормы юристов, и, при этом, создает для себя особые узко специфические этические нормы. Цель моего доклада заключается в стремлении показать, как формировалась профессиональная этика адвоката в Словакии и как она реализуется в современной практике, согласно закону № 586/2003 (Закон о регулировании профессиональной деятельности адвоката). В этом законе миссия адвокатуры определяется следующим образом: «Адвокатура помогает осуществлять конституционное право на защиту физических лиц, а также защищает другие права и интересы физических и юридических лиц (далее «клиент») в соответствии с Конституцией Словацкой Республики, конституционными законами, другими законами и другими общеобязательными правовыми нормами». Исходя из своей адвокац-

кой практики, я могу точно сказать, что существует не только необходимость в правовой регуляции, но и в моральных принципах. В своей повседневной практике адвокат решает сложные дилеммы: какими средствами, какими аргументами и какими доказательствами он будет пользоваться, чтобы, с одной стороны, максимально реализовать права и интересы своего клиента, а с другой, не нарушить моральные и этические принципы. Речь, действительно, идет об очень серьезной проблеме, свидетельством чего является тот факт, что словацкая коллегия адвокатов создала надзорную комиссию, которая следит за законной и этической деятельностью адвоката.

Еременко Татьяна Вадимовна

доктор педагогических наук, профессор

Рязанский государственный университет им.С.А.Есенина

ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ БОЛЬШИХ ДАННЫХ СОВРЕМЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

РФФИ №19-013-00108

Если рассматривать этические вызовы как новые требования, для соответствия которым необходимо выработать нравственные регуляторы усложняющихся реалий существующей действительности, то феномен больших данных, несомненно, ставит систему современного образования перед масштабными этическими вызовами.

Термин «большие данные» обрел популярность в 2008 г. после публикации в журнале «Nature». Под ним принято понимать объем неструктурированных данных, который настолько велик или настолько сложен, что обычные приложения не способны адекватно обрабатывать их; термин также относится к инструментам и технологиям, используемым для обработки больших данных [6]. Данные методы и технологии предназначены именно для применения в условиях необходимости обработки баз данных большого объема с высокой скоростью, приближенной к реальному времени [3]. В сфере высшего образования объем данных, продуцируемых в процессе обучения, достаточно велик для того, чтобы ставить вопрос о потребности в технологиях больших данных и инструментах для их обработки [6]. Учитывая количество часов занятий в течение нескольких лет, большое количество различных заданий, которые выполняют студенты, а также множество взаимодействий участников образовательного процесса между собой, можно утверждать, что в образовании технологии больших данных являются высоко актуальными [2]. Они могут сыграть роль стратегического актива, способного вывести развитие вуза на новый уровень. Большие данные и их анализ позволят более эффективно управлять образовательным процессом, персонализировать и адаптировать подходы к обучающимся, поддержать составление индивидуальных образовательных траекторий [5].

Высказываемые в научной печати точки зрения относительно этических вызовов, которые большие данные ставят перед системой образования, можно формулировать как требования наличия нравственных регуляторов в следующих вопросах [1, 4, 5]:

- сбор данных об участниках образовательного процесса и их использование: большая часть данных носят личный характер; субъекты данных будут обеспокоены тем, каковы будут границы их применения и насколько безопасно данные будут храниться;
- передача данных об участниках образовательного процесса третьим лицам: насколько этично предоставлять, к примеру, потенциальным работодателям информацию об уровне формируемых компетенций слабо успевающих студентов;
- использование средств видео и других инструментов мониторинга: участники образовательного процесса будут чувствовать, что они находятся под наблюдением («длительная слежка»), что ущемит их свободу и независимость;

- прогнозирование с помощью больших данных: формирование рекомендаций по построению индивидуальной образовательной траектории на основе данных различных тестов и дополнительных факторов не должно закреплять расистские или сексистские стереотипы, создавать почву для дискриминации.

В целом недооценка важности этических вопросов, которые поднимаются в связи с применением больших данных в образовании, может причинить как прямой, так и косвенный вред.

Литература

1. Багиров М.Б., Михайлова Т.Л. Большие данные и этика: территория обсуждения // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 3-6. С.941-945.
2. Дроздова А.А. Перспективы применения технологии «больших данных» в образовании // Молодой исследователь Дона. 2016. № 2 (2). С.37-39.
3. Кондратенко А.Б., Кондратенко Б.А. Возможности применения больших данных в образовании в эпоху цифрового общества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (50). С.112-115.
4. Котлярова В.В., Бабаев А.М. Этические проблемы больших данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-problemy-bolshih-dannyh> (дата обращения: 20.09.2019).
5. Лунев А.П., Кошкар А.В. Большие данные и цифровые технологии в сфере образования: преимущества и проблемы внедрения // I Международная научно-техническая конференция «Актуальные вопросы использования технологий анализа данных и искусственного интеллекта»: Сб. материалов. 2018. С.82-86.
6. Katrina Sin and Loganathan Muthu. Application of Big Data in Education Data Mining and Learning Analytics – a Literature Review // Ictact Journal on Soft Computing: Special Issue on Soft Computing Models for Big Data. July 2015, Vol,5, Issue 4, P.1035-1049.

Жадунова Наталья Владимировна

кандидат философских наук, доцент

декан факультета дополнительного образования

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет

им.Н.П.Огарева

Коваль Екатерина Александровна

доктор философских наук, профессор

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета

юстиции (РПА Минюста России) в г.Саранске

SOFT SKILLS ПРОТИВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:

ФОРМИРОВАНИЕ «МЯГКИХ НАВЫКОВ» КАК ОДНА ИЗ СТРАТЕГИЙ

РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

РФФИ №18-011-00710

В современном научном дискурсе принято измерять социальное время и связанные с ним изменения промышленными революциями, радикально трансформирующими мир и его ценности. Три промышленные революции предопределили начало четвертой – в результате которой будет стерты границы между информационной, биологической и физической сферами, причем происходить это будет с беспрецедентной скоростью и в беспрецедентных масштабах, с трудно прогнозируемыми для человека последствиями.

Складывающаяся «революционная» ситуация вторгается в личную сферу- сферу разума, эмоций, телесности. Сегодня человек в погоне за тотальным признанием и по-

стоянным оставлением «цифровых следов» из субъекта познания превращается в объект, опредмечивается. Информационная среда делает его инструментом собственного развития, при этом он вынужден безрезультатно «догонять» технологии. Конкурировать с тем, что развивается быстрее и качественнее – сложно. Искусственный интеллект быстрее считает, лучше играет в шахматы, точнее и эффективнее осуществляет любые операции. Напряжение возникает там, где прагматическая точность изменяет привычные схемы и модели человеческой жизни, где безупречные математические алгоритмы выдают готовые оптимальные, но «бесчеловечные» решения.

Подобные факты проблематизируют привычные стратегии развития личности человека. Они трансформируют мировоззрение и знания о мире. Искусственный интеллект и последствия его совершенствования существенно меняют смысл, который вкладывался еще полвека назад в понятие «личность», размывая границы ее ответственности за любое совершенное действие.

Эта проблема порождает «серые зоны», в которых нет однозначных ответов на вопросы: где границы допустимого в использовании искусственного интеллекта; могут ли трансформации человеческого организма радикально менять личность человека; должны ли мы конкурировать с машинами в своих практических и профессиональных навыках и способны ли мы на это; какие наши качества позволят нам сохранить «человеческое».

Сегодня много внимания уделяется формированию softskills, поскольку hardskills в условиях четвертой промышленной революции постепенно сводятся лишь к умению правильно использовать интеллектуальные программы. Softskills как нацеленность на автономию, самореализацию, конструктивное межличностное взаимодействие, осознанность, ответственность, креативность, решительность, эмпатию и стремление к постоянному развитию каждого человека постулируются в «Декларация этики искусственного интеллекта» (<https://www.montrealdeclaration-responsibleai.com/the-declaration>), подписанной в декабре 2018 года в Монреале. Десять этических принципов (благополучия, уважения к автономии, конфиденциальности и защиты частной жизни, солидарности, демократического участия, равенства, разнообразия (включения в цифровое разнообразие), осторожности, ответственности и устойчивого развития), сформулированных в Декларации, нацелены на сохранение человеческой идентичности и предотвращение морального нигилизма.

Коваль Екатерина Александровна
доктор философских наук, профессор

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г.Саранске

Жадунова Наталья Владимировна
кандидат философских наук, доцент

декан факультета дополнительного образования, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им.Н.П.Огарева

ЭТИКА BIG DATA: ПРОБЛЕМЫ НОРМОТВОРЧЕСТВА

РФФИ №19-011-00082

Этика Big Data – это относительно новый вид прикладного этического знания, ориентированного на осмысление практик, появляющихся здесь и сейчас в связи с ростом, накоплением и использованием больших данных. Характеристика «большие» – качественная, к ней не применимы точные единицы измерения. Объем больших данных настолько велик, что их невозможно обработать широко распространенными на данный момент программными средствами. Поэтому субъекты, для которых вопрос сбо-

ра, обработки и хранения больших данных стоит особенно остро, не многочисленны, как правило, это правительства и крупные корпорации. При этом проблемы использования Big Data касаются практически всех людей.

Если информационная этика уже имеет в своем арсенале специально сформулированные понятия, термины, нормы и принципы, то в этике больших данных простор для творчества открыт. В настоящее время над проектом Кодекса этики использования Big Data работают представители Ассоциации больших данных («Яндекс»), Сбербанк, Газпромбанк, «МегаФон» и др.) и Института развития Интернета. С одной стороны, выбор субъектов нормотворчества понятен: в первую очередь, в нормах, регламентирующих порядок обращения больших данных, нуждаются те, кто их преимущественно собирает, обрабатывает и хранит. С другой стороны, инициаторами создания Кодекса этики стали участники рынка Big Data, и триггером для разработки кодекса послужил конкретный спор (ВКонтакте против Double Data). Однако нет информации о привлечении специалистов в области этики к разработке Кодекса.

В этой связи возникают, как минимум, два интересных вопроса: во-первых, сколько гранов этики будет в Кодексе этики использования Big Data; и, во-вторых, может ли ответ на первый вопрос прояснить проблему нормотворчества в морали.

Что касается первого вопроса, то можно с большой долей вероятности предположить, что Кодекс этики использования Big Data будет в чем-то похож на «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих», т.е. будет включать в себя и нормы этикета, и дублировать нормы права, и апеллировать к санкциям, которые носят внеморальный характер. Большой интерес представляет проблема нормотворчества в морали в целом. Определение достойного субъекта нормотворчества неизбежно отсылает нас к парадоксу моральной оценки, а исследование механизмов нормотворческой деятельности в сфере морали обязывает четко определить границы деятельности, которую можно отнести к нормотворческой.

Так, разработка этических кодексов, безусловно, может быть обозначена как нормотворческая деятельность, однако в некоторых случаях эта деятельность ограничивается кодификацией уже существующих норм. В любом случае, представляется возможным, по крайней мере, наметить основные признаки нормотворчества в морали, которые могут быть использованы, в частности, в процессе разработки Кодекса этики использования Big Data. Во-первых, стимулом нормотворческой деятельности служат новые конфликты, которые выражаются в коммуникативных практиках. Во-вторых, нормотворчество – это поступок, а, следовательно, ответственная деятельность субъектов нормотворчества. В-третьих, результатом такой деятельности является новая или измененная норма морали.

Кузнецова Марина Борисовна

кандидат философских наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЭТИКИ

Цифровизация общества в самом упрощенном понимании – перевод всей информации, существующей в обществе. в цифровую форму. Средство передачи информации – цифра, оказывает свое воздействие. Канадский ученый М.Маклюэн когда-то писал: «средство есть сообщение», и он, по всей видимости, был прав. Рассмотрим два феномена, связанных с влиянием этого процесса на профессиональную этику журналистов и экологическую этику.

В больших городах России легально существуют агентства, где работают журналисты, принимающие заказы на очернение любых фирм и граждан. Существуют множество СМИ, которые за деньги разместят соответствующую продукцию. Особенно активны эти конторы во время избирательных компаний. В них работают так называемые «черные пиарщики», которые могут обслуживать одновременно даже политических противников. В других организациях увязывают интересы клиента и работу журналистских изданий. Во внешне объективный материал журналисты за дополнительную плату в этом случае внесут скрытую рекламу клиента или информацию, порочащую противника. Такие и более негативные подходы, которые еще и противозаконны, превращаются в наши дни из исключения в норму. Это означает, что журналистское сообщество предаст свою этику, отказывается от этической рациональности, извлекает из своей работы «грязную» прибыль. Если студенты получают в вузах от старших будущих коллег-преподавателей такие уроки, и некоторые из последних учат их воровству информации, шантажу, провокациям, то это превращается в катастрофу для педагогической этики. Журналистика, благодаря цифровизации становится все более влиятельной и в ней начинает работать все больший процент людей, не соблюдающих профессиональную этику журналиста. Известный ученый А.С.Запесоцкий предлагал даже создать свой союз для порядочных членов медиа-сообщества. Существующий союз, как правило, не предъявляет претензий к своим членам в связи с нарушением этики журналиста. На самом деле, журналистская солидарность зачастую не выглядит лучше, чем ситуация типа «фука руку моет».

Общество, наблюдая за приступами «журналистской солидарности», понимает, что «четверная власть» не хочет быть ответственной и применять к себе этические нормы. Моральная ответственность журналиста за соблюдение этических норм должна быть выше, чем у людей, не имеющих такого «информационного эха».

В.С. Степин выделял три этапа развития научной рациональности и три ее ипостаси – одна из трех последних – функциональная рациональность, понимаемая как функциональное соответствие определённой социокультурной системе. Мы полагаем, что в наше время такое воздействие культуры вызывает много функциональных рациональностей: экологическую рациональность, толерантную рациональность, эстетическую рациональность, правовую рациональность и т.п. Некоторые из этих рациональностей тесно связаны с эмоциями и социальными чувствами. Экологическая рациональность тому яркий пример.

Экологическая тема часто используется в информационных войнах, которые становятся суперпопулярными в цифровом обществе. Экологическая рациональность – это обязательный учет экологических ценностей в любой человеческой деятельности, она сама оказывается важнейшей ценностью. Эту тему часто используют современные специалисты по запуску мозговых информационных вирусов. Яркий пример – выступление девочки Греты Тунберг из Швеции в ООН, которое стало информационной бомбой, особенно в Канаде и США. Грета обвинила, как известно, всех взрослых с том, что они украли у нее детство, загрязняя планету. Почему же выступил не коллектив экологов, не академики, а экальтивированная, странная девочка? Дело в том, что в этом случае был, видимо, сделан расчет по запуску «информационного вируса» именно в США и Канаде. М.Ямпольский писал о том, что в американской культуре (и, видимо, в канадской тоже) есть специфический механизм: она работает «путем скольжения от нормы к неопределенности». Ямпольский объясняет свою мысль тем, что интеллектуальное пространство США очень своеобразно, требует развитой толерантности и постоянно меняется. В нем постоянно что-то устаревает и возникает нечто новое. Люди совершают выбор между разными модусами функционирования:

либо примкнуть к уже устоявшейся моде, либо занять маргинальную позицию. Новое исходит от тех, кто маргинализован. Проводниками в будущее оказываются те, кто ранее был не замечен.

Во втором нашем примере происходит обращение в политике к новым, неизвестным прежде именам, к почти детям, что для более традиционных обществ выглядит как шок или бесовство, безнравственность. Мы видим, что происходит убывание ответственности и в профессиональной экологической среде и в ее этике. Мы полагаем, что цифровизация через СМИ и интернет размывает различные профессиональные этики.

Ларионов Игорь Юрьевич

кандидат философских наук, доцент

Орлова Светлана Николаевна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

СЕТЕВОЕ СООБЩЕСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛУЧШИХ ПРАКТИК В БИЗНЕСЕ: КЕЙС «NATURA SIBERICA»

РФФИ №19-011-00234

В докладе проводится анализ ситуации (case study), сложившейся вокруг использования пантов оленя отечественной компанией «Natura Siberica», позиционирующей себя как современное производство органической косметики. Панты – еще не успевшие окостенеть рога молодых оленей, которые ежегодно сбрасываются. Они содержат множество полезных для человека веществ. Использование пантов берет начало в традиционной медицине народов Севера и Дальнего Востока. Но срезание пантов до естественного процесса их отторжения – потенциально опасная для здоровья оленей процедура. В 2017 г. пользователь социальной сети «Facebook» Марина Зайцева привлекла внимание и выступила с критикой данной практики.

Автор поста указывала на несовместимость использования пантов с декларируемой компанией политикой «экологичности» и «природности». С одной стороны «Natura Siberica» недобросовестно информировала потребителей, с другой – столкнулась с объективными сложностями в определении «натуральной» и «органической» продукции, которая подлежит сертификации (Ecosert, ICEA и т.п.), при том что унифицированных методов такой сертификации не существует. В наиболее общем виде данная ситуация содержит ценностный конфликт в понимании «натуральной» продукции как безвредной преимущественно либо для человека, либо для природы.

Пост Марины Зайцевой вызвал широкий отклик. «Natura Siberica» провела голосование в социальной сети, по результатам которого сняла с продажи косметические средства с содержанием пантокринина. Данное событие широко освещалось в электронных СМИ.

Как предполагается показать при анализе данной ситуации, мы сталкиваемся с непосредственным участием сетевого общества в формировании «лучшей практики» в бизнесе. Сетевое общество (network society) является формой социальной структуры, возникающей как следствие цифровизации различных сфер социальной жизни.

Сетевая среда выступает не только как медиасреда, способствующая распространению информации и мобилизующая заинтересованные группы, но как область, в которой полноценно представлены и действуют члены того или иного сообщества. Члены сетевого общества оказываются вовлеченными не только в процесс потребления, самоопределения и в совместные креативные практики, но также в рутинные процедуры обсуждения и принятия решений. Аналогом анализируемой практики может считаться т.н. электронное правительство и т.п.

Распространение подобных практик подтверждает положения Я. ван Дейка («Сетевое общество»), оппонента признанного классика исследований сетевого общества М. Кастельса. Цифровизация способствует, не становлению новых форм коммуникации и новых ценностей, а, скорее, переносу коммуникации относительно ценностей в медиасети. Так или иначе, в данном случае нельзя говорить о заметном размывании монополизации дискурса, о разветвлённой интерактивности, а также о продвижении каких-либо новых ценностей, связанных непосредственно с цифровой коммуникацией. Коммуникация современных производителей и потребителей вне зависимости от ее методов предполагает открытое высказывание претензий, готовность к признанию проблемы, ориентированность обсуждения к принятию компромиссных решений. К прояснению каких-либо сложных понятий обсуждение также не привело.

В то же время, ценностный конфликт возник, развивался и был решен исключительно в виртуальной среде. Участие в дискуссии в социальной сети позволило компании вернуть доверие потребителей и улучшить имидж.

Масланов Евгений Валерьевич

кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии РАН; Нижегородский государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ИНТЕРНЕТЕ И НОРМАТИВНЫЙ ИДЕАЛ НАУКИ

РФФИ №18-311-00187 «Коммуникационные площадки в сети интернет как «зона обмена»: перспективы и ограничения (российский контекст)»

Развитие информационно-коммуникационных технологий и формирование современного сетевого общества связано с развитием такого сегмента интернета, как различные социальные сети (в этой работе термин социальные сети всегда будет употребляться как синоним термина социальные сети в интернете), подобные Facebook, VK, Одноклассники, Twitter и др. В настоящее время они составляют значимый сегмент сети. Функционирование социальной сети базируется на нескольких допущениях: 1) в ее работе может принять участие любой пользователь, который удовлетворяет некоторым минимальным требованиям; 2) все участники изначально равны друг перед другом; 3) они могут создавать собственные страницы и наполнять их контентом, к которому могут предоставить доступ другим участникам сети; 4) этот контент может распространяться участниками в рамках сети и за ее пределами; 5) участники социальной сети могут реализовывать собственные проекты и формировать собственные коммуникативные площадки (группы, паблики, сообщества и т.д.). Социальные сети позволяют формировать пространство взаимодействия между представителями различных этнических, социальных и конфессиональных групп, людьми, которые не всегда разделяют общие ценности и смыслы. Однако участие в совместных сетевых проектах дает им возможность ориентироваться на общие этические нормы. Интернет зародился как социальная сеть ученых, что оказало влияние на его развитие. В этом случае социальные сети в интернет начинают ориентироваться на определенный набор этических представлений, сложившихся в научном сообществе. В некотором роде они начинают напоминать «научное сообщество», следующее нормативному идеалу науки Р. Мертона и разделяющему ценности универсализма, коллективизма и бескорыстности. Казалось бы, в рамках социальных сетей вряд ли реализуется ценность организованного скептицизма, но для более точного ответа на подобный вопрос стоит обратиться к специфике работы социальных сетей. В социальной сети каждый ее участник может самостоятельно распространять и создавать контент, выставлять его на суд других людей. Но при этом он должен быть готов к тому, что другие участники сети могут вступить с ним в полемику. Конечно же, автор или распространитель кон-

тента могут использовать настройки приватности для того, чтобы исключить возможные дискуссии на своей странице. Однако он вряд ли сможет запретить обсуждать контент на страницах других пользователей и созданных ими коммуникативных площадках. Поэтому социальная сеть в идеале становится пространством всеобщей видимости, в котором любой контент может быть подвергнут критическому рассмотрению и оценке. В этом случае различные коммуникационные площадки в сети могут выступать специфическими пространствами обмена мнениями и критики различных идей, играя роль институтов скептицизма. В результате хоть ценность организованного скептицизма не так явно представлена в работе социальных сетей в интернете, но присутствует в ней. В этом случае социальные сети могут быть описаны как один из механизмов распространения нормативного этического идеала научного сообщества за его пределы.

Перов Вадим Юрьевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

НУЖНА ЛИ МОРАЛЬ РОБОТУ-ПРОФЕССИОНАЛУ?

РФФИ №19-011-00234

В связи с развитием цифровых технологий возникает и активно обсуждается широкий круг этических проблем, которые связаны с этикой роботов. Проводимые исследования и дискуссии находят свое воплощение в многочисленных документах, которые могут рассматриваться в качестве теоретических и нормативных оснований для будущих этических кодексов, учитывающих всё большее распространение роботов с Искусственным Интеллектом (ИИ), вплоть до появления искусственных Автономных Моральных Агентов (АМА). Среди обсуждаемых вопросов очень важным является оценка социальных и этических последствий и рисков изменения рынка труда в связи с заменой работников роботами-профессионалами. В данном контексте под роботом-профессионалом понимается не только некоторое антропоморфное устройство, но также автономные механизмы, компьютерные программы или алгоритмы, предназначенные для выполнения трудовых функций. Возникает вопрос: в каких смыслах эти роботы- профессионалы могут быть моральными субъектами? Более того, должны ли они быть моральными субъектами профессиональных этических кодексов?

(1) Роботы – профессионалы – это просто машины. Это могут быть очень полезные и сложные машины, выполняющие свои функции гораздо лучше людей. Например, компьютер считает быстрее человека, а промышленный робот-манипулятор эффективнее человека осуществляет сборку машин. При этом даже усложнение исполняемых функций не меняет ситуацию. Так появление робота- журналиста, который пишет статьи, или робота-преподавателя, который читает лекции, не означает, что такие роботы могут или должны быть моральными субъектами.

(2) Роботы – профессионалы, которые являются относительно автономными. При этом они не обладают каким-то свойствами своего ИИ, которые могли бы быть интерпретированы как мораль (свободная воля, эмоции, ответственность и т.д.). Наиболее обсуждаемая в этом контексте проблема – это возможные моральные проблемы в связи с разработкой беспилотных автомобилей. Хотя существует и активно обсуждается точка зрения, что робот-водитель должен уметь принимать моральные решения, наиболее перспективной представляется позиция, согласно которой движение беспилотных автомобилей должно осуществляться на специально выделенных дорогах. В таком случае, не существует необходимости наделять робота-водителя каким-то моральными свойствами.

(3) Особое место среди роботов- профессионалов «социальные роботы» (роботы-санитары, роботы-няни и т.д.), которые наделяются функциями реагирования на эмоции людей. Часто это интерпретируется как «зачатки» морали. Но мораль не сводима к эмоциям, поэтому в моральном отношении социальные роботы не отличаются от типов (1) и (2).

(4) Хотя это относится к области научной или ненаучной фантастики, речь может идти о появлении роботов-профессионалов, которые обладают «моральным ИИ», то есть являются АМА в полном смысле этого слова. Этот вариант является наиболее сложным для обсуждения, поскольку современные технологии не дают достаточных оснований для достоверных рассуждений. Тем не менее, можно предположить, что именно в профессиональной деятельности такой робот будет не будет востребован. Это связано с тем, что существующие тенденции замены работников роботами- профессионалами направлены на освобождение профессиональных функций от всего человеческого. А мораль является именно человеческим качеством.

Таким образом, можно заключить, что роботам-профессионалам мораль не нужна. И в этических кодексах профессиональной деятельности они могут выступать только в качестве объектов, а не субъектов морали.

Сунами Артем Николаевич

кандидат политических наук, доцент

Павлова Елена Вячеславовна

студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

РИСК-РЕФЛЕКСИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ КОНФЛИКТАМИ

РНФ №19-18-00115

Немало разрекламированное грядущее цифровое общество, тем не менее, у многих граждан вызывает опасение, что «в будущее возьмут не всех». Так по результатам всероссийского исследования, проведенного в марте 2019 года Аналитическим центром НАФИ совместно с Институтом менеджмента объединений предпринимательства, более половины россиян опасаются потери работы в связи с цифровизацией экономики. Похожие риск-рефлексии артикулируются по всему миру и в связи с другими процессами глобальной цифровой трансформации. Потенциальную конфликтность данных риск-рефлексий еще только предстоит изучить, но для начала необходимо, по крайней мере заявить о постановке такой проблемы для современного конфликтного подхода.

Несмотря на то, что изучение риска благодаря усилиям ряда выдающихся ученых, таких как У.Бек, Н.Луман, Э.Гидденса, М.Дуглас и ряда других стало одним из трендов современных социо-гуманитарных наук, конфликтология, до последнего времени, игнорировала бросающую в глаза близость понятий конфликта и риска. Исключением можно назвать изучение риск-рефлексии глобальных конфликтов, но и в этом случае тяжело говорить об использовании специфического конфликтного инструментария в изучении рисков.

В своей гипотезе о схожести риска и конфликта, мы исходим из того, что оба эти феномена предполагают открытость социального пространства, необходимость выбора между настоящим и будущим, выход из зоны комфорта. Это представление релевантно классической концепции Г.Зиммеля о позитивных функциях конфликта, одна из которых заключается в том, что конфликт создает предпосылки для формирования социальной практики, открытой изменениям и реформам. Таким образом, игнорирование конфликтной природы риска, на наш взгляд не позволяет, в полной мере осве-

тить все стороны этого явления, соотнести риска с реальным взаимодействием людей в социальном пространстве.

В последнее время многими исследователями (например: Battistelli F. Galantino M.G. Dangers, 2018) отмечается, что классических концепций уже недостаточно для объяснения восприятия современных рисков социальными субъектами. Именно по этим причинам концепция неопределенности последствий восприятия рисков стала центральной в рискологических исследованиях различных дисциплин (Aven T., Renn O. 2010; Aven T. Guikema S., 2015). К основным элементам риска в современной литературе относят результаты, которые влияют на то, что люди ценят; вероятность возникновения (неопределенность); и конкретный контекст, в котором может возникнуть риск (Renn O., 2008). Таким образом, социальные науки сегодня концентрируются на социокультурном и политическом контексте, признавая, что риск и связанные с ним проблемы глубоко укоренены в обществах, в которых они возникают.

Ориентируясь на известную теоретико-методологическую посылку «вызов – ответ» представленную А. Тойнби, мы считаем важным изучение стратегий и условий принятия решений, в части разработки ответных механизмов противодействия угрозам, то есть теоретический и эмпирический анализ влияния посредством риск-рефлексий в различных условиях на динамические и структурные показатели конфликта и управление им (прогнозирование, предупреждение, стимулирование, смягчение, урегулирование и разрешение).

Сопоставление адекватных устойчиво воспроизводимым в современном российском обществе риск-рефлексиям стратегий управления конфликтами представляется чрезвычайно важным. Одним из центральных вопросов является отсутствие в исследовательских программах и теоретических стратегиях соотнесения изучения риска и его восприятия риска с местом и ролью риск-рефлексии в формировании адекватных и неадекватных ответов на угрозы. Таким образом, адекватные ответы на угрозы ассимилируют или трансформируют последствия рисков, конфликтов и опасностей. Очевидно, что создание алгоритмов таких ответов чрезвычайно важно, но пока еще является задачей будущего.

Чельюк Ольга Ростиславовна

кандидат экономических наук, доцент

Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ В ГРАНИЦАХ ЦИФРОВОГО МИРА

РФФИ №18-311-00152

Основная проблематика исследования заключается в изучении аспектов субъектности и бессубъектности, которые трансформируются в рамках (границах) цифрового общества. С одной стороны, развитие информационно-коммуникационных технологий создают новые границы для общения (вернее расширяют их), появляется множество новых форм для социального взаимодействия. С другой стороны, это задаёт новые стандарты и механизмы коммуникации – человека и природы, людей между собой. Как результат – актуальным становится один из основных вопросов философии – вопрос о субъекте.

Исследование коммуникации, протекающей в цифровом обществе, позволяет говорить о том, что это не просто технически обеспеченная «вторая реальность», или «ирреальность». Это не столько обезличенный, материальный феномен, сформированный в результате воздействия на коммуникацию технологий, порождённых очередным технологическим укладом, но – это новая среда, сочетающая в себе элементы субъективной и объективной реальности. При этом она может существовать вне и независи-

мо от субъекта коммуникации, оказывая на него влияние, в том числе в этической сфере.

Исследование влияния цифровой сферы на субъект коммуникации особенно видно в сфере хозяйственной деятельности. В цифровой экономике формируются и тиражируются многочисленные фантомы «отчуждения результатов труда». Оно, к слову, заключается не только в возрастающей роли капитала, но – в порождаемых цифровой хозяйственной деятельностью новых аспектов коммуникативной рациональности. Коммуникативная рациональность органично вписывается в реальность цифровых взаимоотношений как пространства коммуникации, построенного на алгоритмах и логических процессах (А.Тьюринг). Правила коммуникации, задаваемые алгоритмами, регулируют время, форматы, в отдельных случаях – содержание сообщения. При этом субъект коммуникации не всегда имеет возможность влиять на эти характеристики коммуникации, подстраиваясь под условия рациональности.

Можно выделить различные формы бессубъектности, природа которых заключена в гносеологических аспектах развития хозяйствования. Особый интерес представляет сетевая бессубъектность, которая может быть описана как ситуация обезличенного суммарного действия индивидов. Развитие информационно-коммуникационных технологий и технологий анализа «больших данных» позволяет в прямом смысле «визуализировать» действия сетевого (коллективного) субъекта. Усилия «открытых» сообществ подтверждают, что массовые потоки информации, объединённые и доступные для массового пользования, трансформируют систему хозяйствования. В маркетинге привычными стали понятия портрета «массового потребителя», «массового зрителя», получаемые путём «наложения» (пересечения) действий (мнений) отдельных индивидов. В образовании – набирают популярность сетевые формы обучения, то есть обучение группой, через обмен мнениями, информацией, оценками, установление истины через непрерывный процесс всеобщей коммуникации. Цифровизация промышленности и всего хозяйства отдельными экономистами уже обозначается как «четвёртая промышленная революция», которая, по оценкам глобального института McKinsey, к 2036 году позволит автоматизировать 50% всех рабочих мест. Следует согласиться, что эти процессы будут сопровождаться «дегуманизацией и обезличиванием» хозяйственных отношений, растущим «отчуждением», если управление экономикой останется в прежних этических координатах.

Как результат, на текущем этапе развития социума, наблюдается отлучение субъекта от коммуникации, и прежде всего, в роли осознанного участника процессов. Вступая в любые формы взаимодействия с коммуникативной цифровой сферой, человек получает всё новые императивы и детерминации для своего социального поведения. Эти процессы набирают скорость, в связи с развитием цифровых технологий. Это приводит к виртуализации жизни.

Цифровая реальность представляет собой пространство постчеловеческой реальности, которая стала самоценной, обесценивая многие гуманистические установки и этические цели. Такая ситуация цифрового «отчуждения» человека может рассматриваться как новая отправная точка для обсуждения вопросов гуманизма хозяйствования, поиска путей возвращения субъекта и форм субъектности в новых условиях цифровой реальности.

«ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ В ЭТИКЕ И КОГНИТИВНЫХ НАУКАХ»

в рамках реализации проекта, поддержанного РФФ №18-18-00068 «Феномен универсальности в морали»

материалы круглого стола

Апресян Рубен Грантович

доктор философских наук, профессор, руководитель сектора этики
Институт философии РАН

ТЕСТ НА УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ: КАНТ, ГОББС И ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО

РФФ №18-18-00068 «Феномен универсальности в морали»

Тест на универсальность – одна из важнейших мыслительных процедур, посредством которых Кант приближает категорический императив к моральной практике, к решениям, которые моральный агент принимает в конкретных обстоятельствах, перед лицом реальных ценностных коллизий. Цель теста на универсальность, который предстоит осуществить в каждом отдельном случае самому моральному агенту, – в проверке выбранной максимы на универсализуемость, т.е. на сообразность универсальному и необходимому моральному закону и соответственно на ее моральное достоинство. Универсализация моральных суждений обоснованно рассматривается в духе первого практического принципа категорического императива Канта: моральный агент, выбрав принцип (максиму) действия, соотносит его со всеобщим законом, стремясь установить, может ли его принцип действия быть возведен во всеобщий закон.

Критическую альтернативу кантовской трактовке теста на универсальность представляет собой Золотое правило. Если тест на универсальность, задаваемый категорическим императивом, базируется на сообразовании максимы с универсальным законом, то универсализация, предполагаемая Золотым правилом, состоит в делекализации оснований решений посредством ориентации на Другого. Допустимость такой процедуры признает и Кант, правда, рассуждая не о моральных суждениях, а о суждениях вообще (на примере суждений вкуса). Анализируя их, Кант показывает, что человек соотносит суждения такого рода с всеобщим человеческим разумом, выявляемом в суждениях других людей. Таким образом, суждения проверяются на всеобщность в соотнесении не с всеобщим законом, а с суждениями других. (Аналогичный подход в понимании универсализации суждений проводит Гегель, который, в отличие от Канта, усматривает основу процесса универсализации не в мышлении, а в практическом взаимодействии людей, действующих в соответствии с нравами сообщества, стремящихся к удовлетворению своих интересов и понимающих, что это возможно лишь при условии, что они будут принимать во внимание интересы других).

Такой подход к универсализации суждений перекликается с предлагавшейся Гоббсом процедурой установления соответствия намерений закону природы. Эта процедура по сути представляет собой ту же самую проверку на универсальность. Как и Кант, Гоббс считал, что естественный закон постигается человеком с помощью разума, который исходит из естественного принципа, побуждающего человека к самосохранению и обеспечению собственной безопасности. При том, что у Канта тест на универсальность основывался главным образом на первом практическом принципе категорического императива, у Гоббса он основывался на принципе самосохранения, а значит, говоря в терминах Канта, принципе благоразумия гипотетического императива. Поскольку, отмечает Гоббс, соотнесение с естественным законом надо предпринимать, успокоив свою душу, освободив ее от аффектов, а это в полной мере невозмож-

но, постольку проверочное правило должно заключаться в следующем: собираясь совершить какое-либо действие по отношению к другому, надо представить себя на его месте. И тогда воображаемые аффекты другого выступают контрбалансом собственных аффектов. Это то самое правило, подчеркивает Гоббс, которое широко известно в виде формулы: «не делай другому того, чего не желаешь самому себе», т.е. Золотое правило.

Интересные как факт истории мысли концептуальные различия в трактовке теста на универсальность, снимаются в позитивно-теоретическом рассмотрении морального мышления, в котором обнаруживаются разные способы универсализации моральных суждений посредством их делокализации и деперсонализации (что отражается в нормативных принципах ситуативной, временной и персональной нейтральности суждений, решений и действий).

Артемьева Ольга Владимировна

кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ В ЭТИКЕ

РНФ №18-18-00068 «Феномен универсальности в морали»

В истории этико-философской мысли идея универсальности возникает рано. Однако понятие универсальности постепенно складывается в раннее Новое время, одновременно с формированием понятия морали. Идея универсальности в этом процессе занимает заметное место: она рассматривается как важная характеристика различных составляющих морали – ценностей, норм, оценок, суждений, представлений, мотивов, способностей и др. Посредством идеи универсальности те моральные философы, в фокусе специального теоретического интереса которых находилась мораль как таковая, пытались выразить существенные черты морали и ее своеобразия. При этом сама идея универсальности уточнялась, структурировалась и постепенно сложились основные значения понятия универсальности, которые впоследствии были концептуализированы, получили развитие, затем переосмысливались и становились предметом критики.

Одним из важных отличительных признаков моральных представлений в Новое время считалась их общераспространенность. В самом общем виде данное значение разъяснялось таким образом, что моральные представления присущи всем людям без исключения. Общераспространенность моральных представлений объяснялась тем, что каждый человек наделен моральной способностью (разумом, моральным чувством или совестью). Общераспространенность понималась также том смысле, что у всех людей с содержательной точки зрения одни и те же моральные представления. Поскольку природа моральных различий такова, что они изначальны и беспредпосылочны, вневременны и надтерриториальны, то их ничто не ограничивает, в этом смысле они универсальны: одни и те же для всех людей вне зависимости от их культурной, религиозной, сословной, государственной и пр. идентичности.

Универсальность в моральных учениях Нового времени понималась также как общезначимость моральных принципов. Речь идет, по существу, об осмыслении специфического нормативного содержания морали через выявление основополагающих принципов. Уязвимость интерпретации универсальности как общераспространенности и общезначимости моральных представлений становится очевидной при попытке выделить конкретные содержательные моральные представления, которые действительно всеми бы признавались значимыми. Однако следует отметить, что такая интерпретация была формой утверждения идеи морального равенства: все люди равны в качестве моральных субъектов и способны компетентно судить о моральном добре и зле. В

противопоставлении моральных представлений как общераспространенных и общезначимых корпоративным, групповым, сословным, религиозным и т.п. как партикулярным, утверждалась специфика морального сознания.

Иное понимание универсальности в моральной философии Нового времени обнаруживается в связи с осмыслением характера моральных требований. С этой точки зрения интерес представляет понятие морального закона, в трактовке которого можно выделить два аспекта: первый связан с пониманием морального закона как закона природы. Моральный закон универсален в смысле общедейственности, и в этом он аналогичен законам природы. Второй аспект связан с пониманием морального закона как императива. В этом качестве моральный закон универсален в смысле общеадресованности, он обращен не только к каждому человеку, но и ко всякому существу, обладающему разумом, он обязателен и для Божества.

Особое значение универсальности в работах моральных философов Нового времени обнаруживается также в рассмотрении ими специфики моральных решений и оценок. Тема универсальности здесь актуализируется в связи с решением задачи утверждения независимости личности, которая предполагала выявление условий, при которых человек оказывается способным, принимая решение и вынося оценки, руководствоваться суждением, свободным от ограниченностей (соображений личного или группового интереса и от влияния склонностей). Апеллируя к идее универсальности в данном значении, философы указывали на особенность моральной позиции: она надситуативна и беспристрастна, обеспечивается способностью человека к независимому моральному суждению (решению, выбору, оценке) и противопоставляется, с одной стороны, внешнему контролю, с другой – склонностям, стремлению к удовлетворению частного интереса.

Беляева Елена Валериевна

кандидат философских наук, доцент

Белорусский государственный университет

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ МОРАЛИ В КУЛЬТУРЕ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

В статье Р.Г.Апресьяна (Вопросы философии. 2016. №8), посвященной проблеме универсальности в этике, содержится мысль о том, что «как неоднородна мораль в своих проявлениях, так неоднородна и универсальность». Можно предположить, что в различных системах нравственности универсальность проявляется по-разному и показать, как это происходит в культуре модерна и в культуре постмодерна.

В системе нравственности модерна универсализации подверглись, как форма, так и содержание морали. Со стороны формы способ моральной регуляции автономных субъектов опирался на универсалистское представление о разуме и был обращен ко «всякому разумному существу». Со стороны содержания мораль была выдвинута идея общечеловеческих моральных ценностей, приверженность которым «естественна» для каждого человека. Несмотря на известную относительность норм и ценностей морали, они формулируются как общезначимые, претендующие на всеобщность. Идеалом морали модерна стало проживание всех людей в едином нравственном пространстве, вовлечение всех субъектов в единый моральный дискурс. Впоследствии критика морального универсализма модерна была направлена на то обстоятельство, что его универсальность предполагала не просто единство, но единообразие морального. Утверждение единственно правильной морали, обоснованной по законам разума, создавало иерархическое пространство, в котором нивелировались нравственные различия людей и народов. Задуманная как благо, универсализация нравственных принципов парадоксальным образом обернулись унификацией и культурной репрессией.

Система нравственности постмодерна предполагает толерантное сосуществование всех предшествующих систем нравственности, универсальное понимается здесь, как внутренне многообразное. Нормативно-ценностный хаос постмодерна выступает как креативная среда для нового универсализма: все системы нравственности репрезентируют себя в едином дискурсивном поле, особенности которого определяются функциями нравственности в глобальном мире. В нем формируется корпус универсальных моральных принципов, согласиться с которыми могли бы представители самых различных культур и социальных институтов. В качестве основы нравственного единства предлагается концепция прав человека. Другая стратегия этического универсализма апеллирует к коммуникативным практикам, за счет которых представители различных систем нравственности могут достичь консенсуса при принятии решений. Общим может быть само пространство диалога, но не конкретная нормативно-ценностная система. Универсальные принципы этики не должны быть абсолютными, но должны быть направлены на то, чтобы достичь наилучшего возможного примирения между различными системами нравственности.

Таким образом, универсализация в системе нравственности постмодерна предполагает, с одной стороны, определение минимума морали, объединяющего все современные системы нравственных представлений, а с другой – сетевую мораль, обеспечивающую коммуникацию всех разновидностей систем нравственности на основе толерантности. При этом универсализм постмодерна также подвергается критике, так как процессы глобализации создают угрозу унификации нравственных ценностей. Желаемый идеал может быть обозначен как «плюралистический универсализм»: единство нравственности человечества при сохранении культурного многообразия, или многообразие нравственных представлений в едином поле их взаимодействия.

Коваль Екатерина Александровна
доктор философских наук, профессор

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г.Саранске

Сычев Андрей Анатольевич
доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им.Н.П.Огарева

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНОСТИ В МОРАЛЬНОМ НОРМОТВОРЧЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА)

РФФИ №19-011-00082

Универсальность морали – камень преткновения, о который исследователям в области этики, вероятно, придется споткнуться еще не раз. Несмотря на то, что можно говорить о сложившемся дискурсивном пространстве, посвященном универсальности морали, тем не менее, многие вопросы, связанные с тем, как отдельные элементы морали или процессы, имеющие моральную природу, сочетаются с принципом универсальности, остаются открытыми.

Одним из них является вопрос о том, как принцип универсальности морали работает в моральном нормотворчестве. Оставляют ли универсальные и самоочевидные нормы пространство для морального творчества, или мораль сводится исключительно к нормоприменению? Поиск ответов на данный вопрос позволит уточнить представления о природе универсальности (универсализуемости) морали, в частности, проблематизировав такой элемент универсальности, как неизменность.

Наиболее ярким примером проявления универсального в морали является идея прав человека, коррелирующая с такой этико-правовой категорией, как достоинство.

Изначально достоинство понималось иерархически, но постепенно, благодаря усилиям религиозной мысли и философии Нового времени сформировалась универсалистская интерпретация человеческого достоинства, которая и легла в основу существующей концепции прав человека. Будучи закрепленным в правовых актах, в частности, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., универсалистское понимание достоинства, наконец, охватило всех людей без исключения. Казалось бы, на этом нормотворческий потенциал идеи прав человека должен быть исчерпан. Норма, закрепляющая за каждым человеком равное достоинство, универсализировалась настолько, насколько это возможно, не оставляя пространства для дальнейшего развития.

В реальности риски и вызовы современности ставят под вопрос универсальность даже такой незыблемой и самоочевидной для современной западной цивилизации ценности, как права человека. Так, например, серьезные проблемы для универсализации идеи прав человека возникают в ситуациях конфликта прав личности и прав группы: кто должен иметь приоритет и почему, на чьей стороне в конфликтах подобного рода выступает мораль и какими нормами они могут быть урегулированы?

В экологической этике разработаны концепции, которые обосновывают наличие моральных прав не только у человека, но и у других живых существ. Более того, существуют и более радикальные взгляды, распространяющие моральную субъектность на всю природу вообще (например, этика земли О. Леопольда). Расширяющийся моральный круг проблематизирует универсальность идеи прав человека.

Еще более серьезный вызов правам человека брошен из области трансгуманизма. Будут ли права постчеловека конфликтовать с правами человека, и если да, то каким образом этот конфликт может быть разрешен, в том числе, и посредством морального нормотворчества?

Универсальность прав человека также проблематизируется вследствие развития технологий разработки искусственного интеллекта. Какими нормами, принципами, кодексами искусственному интеллекту следует руководствоваться в своей деятельности, и должен ли он обрести права по достижению определенного уровня развития?

Одним из вариантов рассмотрения универсальности морали в контексте нормотворчества является ее интерпретация в качестве методологического ориентира, подобного абсолютной истине в научной деятельности: к ней следует стремиться, но она недостижима. Даже самоочевидные, интуитивно понятные, представляющиеся вневременными и общезначимыми ценности и требования являются продуктом активной и длительной нормотворческой деятельности, которая никогда не прекращается.

Логинов Евгений Владимирович

кандидат философских наук, младший научный сотрудник

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ, МОДАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ И ПАРФИТ

РНФ №18-18-00068 «Феномен универсальности в морали»

Универсальность в морали – сложный и многогранный феномен. Для его прояснения необходимо исследовать его онтологию. Чтобы исследовать онтологию феномена универсальности в морали, нужно прояснить, какие онтологические обязательства берет на себя философ, который утверждает существование этого феномена. Вполне вероятно, с одними онтологическими теориями тезис о существовании универсальности в морали совместим, а с другими – нет. Онтологический смысл феномена универсальности в морали выражает тезис слабой супервентности, в котором А-свойства

означают моральные свойства, а В-свойства означают фундаментальные физические свойства. Слабая супервентность: А-свойства слабо супервентны на В-свойствах, если и только если для любого возможного мира w и любых индивидуумов x и y в w , если x и y в w неразличимы относительно В-свойств, то они неразличимы и относительно А-свойств в w . В этом определении присутствует скрытая модальность (невозможно, чтобы существовал мир, такой, что в нем два предмета были неразличимы относительно В-свойств и отличимы относительно А-свойств). Это означает, что человек, утверждающий существование феномена универсальности в морали, берет на себя онтологические обязательства относительно метафизики модальности. Одной из самых разработанных метафизик модальности является модальный реализм. В докладе показывается, почему аргументы в пользу универсальности в морали могут противоречить модальному реализму. Это противоречие используется не потому, что модальный реализм является фактом или необходимой истиной, а как часть концептуального анализа моральных терминов. И я пытаюсь понять, что это конфликт значит для моральной философии. Сначала я представляю аргумент Д.Парфита о существовании универсальности в морали из «Доводов и личностей». Затем я объясняю, на основании каких аргументов моральный философ может быть заинтересован в модальном реализме. Я даю два основных мотива для такого интереса. Один из мотивов основан на кантовской этике. Другой – на проблемах в интерпретации понятия «супервентность», введенного Р.М.Хэром. Затем я доказываю, используя довод Р.Адамса от безразличия, что тезис универсальности в морали противоречит модальному реализму. Я анализирую ответ Д. Льюиса на этот аргумент и некоторые способы улучшения аргументации Адамса. Наконец, я пытаюсь устранить это противоречие, наложив некоторые ограничения на универсальность в морали. В результате становится ясно, какая важная, но редко подчеркиваемая особенность присуща универсальности в морали: она должна ограничиваться одним каузально замкнутым миром.

Мельнов Сергей Борисович

доктор биологических наук, профессор

Мишаткина Татьяна Викторовна

кандидат философских наук, профессор

Международный государственный экологический институт им.А.Д.Сахарова

Белорусского государственного университета

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ НАНОБИОТЕХНОЛОГИЙ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Достижения современного общества обусловили переход к шестому технологическому укладу – цифровому обществу, характеризующемуся развитием робототехники, биотехнологий, основанных на достижениях молекулярной и клеточной биологии, геной инженерии, искусственного интеллекта, глобальных информационных сетей и т.д., в сфере которых цифровые технологии становятся неотъемлемой частью науки. Формируются цифровая медицина и наномедицина, активно использующие стволовые клетки и восстановительную хирургию, нацеленные на увеличение продолжительности жизни. Но наряду со снижением смертности, совершенствованием лекарственных средств и методов лечения, развитие инновационных биотехнологий (ИБТ) ведет и к негативным последствиям. Не приведет ли развитие ИБТ к большому расслоению общества, так как дорогие методы лечения и диагностики будут доступны только состоятельным людям? Не помешает ли борьба за приоритеты обмену идеями и информацией между учеными разных стран? Не будут ли использованы их достижения отдельными группами или государствами в агрессивных военных и террори-

стических целях? Насколько внедрение ИБТ может способствовать возникновению биоэтических рисков, угрожающих существованию человечества? Задача состоит в эффективном анализе сбалансированности между возможностями ИБТ, их безопасностью и рисками, связанными с их применением. Обширное применение цифровых и нанобиотехнологий привело к формированию наномедицины, которая несет человечеству как блага, так и серьезные риски. Она может стать новым шагом человечества к контролю над здоровьем, избавлению от болезней, эффективному лечению многих заболеваний. Наиболее перспективные области применения медицинских нанотехнологий – диагностика заболеваний на ранней стадии, адресная доставка лекарственных препаратов к пораженным клеткам, уничтожение патологических тканевых образований; создание и использования наноразмерных лекарственных средств; регенеративная медицина, мобилизующая собственные возможности организма на борьбу с диабетом, остеоартритом, поражением сердечной мышцы и ЦНС. Молекулярная биология открыла огромные возможности для манипуляций с геномом, позволяющих осуществлять «молекулярную хирургию». Цифровые технологии и нанотехнологии позволили рассматривать многие генетические процессы как явления наномира и дали генетике материалы для нового направления – мутационной генетики. Антропогенный мутагенез, увеличивающий генетический беспорядок и энтропию живых существ, поставил человечество на порог новой эволюции – неопределенной и рукотворной. В природу поступают новые вещества, обладающие генотоксичностью. Таким образом, на повестке дня – установление баланса между новым качеством жизни, возможностями и рисками цифровых технологий, а также ценностными ориентациями общества. Универсальность морали позволяет регулировать поведение членов любого сообщества на любом уровне и в любой ситуации. Остаются незабываемыми не только принцип универсальности моральных требований, но и принцип безличности нравственного закона. Вместе с тем необходимы новые этические подходы, призванные сделать дееспособными принципы, формирующиеся на стыке эко- и биоэтики. Как фактор осознанного обеспечения безопасности нанотехнологий и один из факторов управления рисками возникает новое направление прикладной этики – наноэтика. Ее проблемы и принципы носят глобальный характер, ибо они затрагивают моральные вопросы безопасного существования и выживания не только человека, но и планетарной экосистемы. Однако специфика наномира и его неопределенность для человека требуют особой осторожности и специфических этических принципов регуляции. К основным принципам наноэтики относятся: принцип предосторожности, принцип охраны здоровья человека и окружающей среды; принцип открытости; принцип ответственности; принцип межгосударственной кооперации и обязательного контроля безопасного производства и использования наноматериалов.

Назаров Владимир Николаевич

доктор философских наук, профессор

Мелешко Елена Дмитриевна

доктор философских наук, профессор

заведующий кафедрой философии и культурологи

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

ИДЕЯ ПРАВОВОГО ОГРАНИЧЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ В ЭТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н.А.РЕЙМЕРСА

В своей работе «Право и мораль. Опыт морфологии нравственного сознания» (Paris, 1934) Н.А.Реймерс, одним из первых в истории этики обратил внимание на проблему

практического осуществления универсальности нравственной нормы, выдвинув идею «ограниченной» или «относительной» моральной универсальности.

Отталкиваясь от кантовской идеи взаимодополнительности морали и права, Реймерс приходит к результату, не совпадающему с выводами Канта. Исследуя основные характеристики нравственности, установленные Кантом, – ее автономность и нормативную универсальность, Реймерс считает, что при всей их формальной правильности, они противоречат друг другу, если мы пытаемся осуществить их на деле. Для доказательства этого тезиса, он приводит следующее схематическое построение: допустим перед нами группа лиц А, В, С, каждому из которых соответствует своя идея нравственного долга; содержание этих различных идей обозначим малыми буквами: а, в, с. Теперь представим себе человека А, стремящегося практически осуществить имеющуюся у него идею объективно должного – а. Здесь возможны два варианта.

1. А стремится осуществить имеющееся у него содержание нравственного долга а со стороны его безусловной универсальности. В этом случае закон должного лишь тогда может получить предельную объективность и общезначимость, если остальные лица – В, С, D – будут повиноваться принципу а гетерономно, в силу того, что у каждого из них свое представление об объективно должном – в, с, d и т.д. Таким образом, осуществляя безусловную универсальность нравственного долга, аналогичную всеобщности закона природы, мы нарушаем автономию отдельных людей и унижаем их достоинство.

2. Осуществляя собственную норму, А стремится дать полный простор автономии других субъектов. В этом случае он должен пренебрегать определенным содержанием нормы, вследствие чего ее универсальность окажется под угрозой, т.к. каждый человек В, С, D будет руководствоваться своей собственной нормой в, с, d. В результате имеет место нравственный релятивизм, ставящий под сомнение возможность объективной реализации нравственных норм.

На основании приведенного сравнения Реймерс выделяет два принципа осуществления нравственной нормы, исходящих из приоритета либо универсальности, либо автономии, и соответственно два типа нравственного сознания, из которых первое обращает преимущественное внимание на содержание нравственной нормы, второе же на форму ее реализации, т.е. на автономию. Первый принцип, нарушая автономию, чреват моральным деспотизмом; второй же, лишаящий нравственные ценности общезначимого содержания, чреват моральным либерализмом и анархизмом. Однако ни тот, ни другой принцип не являются целостным осуществлением нравственной нормы, так как реализуют только одну из ее сторон в ущерб другой. Реймерс задается вопросом о том, нет ли третьего способа осуществления нравственности, который бы примирял эти противоположности и перебрасывал мост между универсальностью и автономией моральных требований. Таким способом реального осуществления нравственности и выступает право.

Реймерс полагает, что оба принципа нравственности потому не могут быть осуществлены одновременно и в полной мере их универсальности и автономии, что стремятся к абсолютной полноте их выражения. Право же, в отличие от нравственного сознания, содержит в себе возможность ограниченности, компромисса и определенности. Синтез, лежащий в основе идеи права, предполагает, что каждый из принципов нравственности как бы отказывается от своей абсолютной полноты в пользу противоположной стороны: вместо абсолютной универсальности нормы мы имеем в этом случае ограниченную, относительную сферу ее применения, а вместо абсолютной автономии – относительную автономию, как бы перемешанную с гетерономией.

Платонов Роман Сергеевич

кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии РАН

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРЕСКРИПТИВНЫЕ СУЖДЕНИЯ В ЭТИКЕ АРИСТОТЕЛЯ

РНФ №18-18-00068 «Феномен универсальности в морали»

Цель данного доклада – показать специфику формулирования универсальных прескриптивных суждений о добродетельном поступке (моральных норм) в рамках аристотелевского этического учения, в результате чего показать также роль этики как практического знания.

1. В основе определения этики в философии Аристотеля как практического знания в его отличие от индивидуального морального опыта лежит различие применения добродетели рассудительности (*phronesis*) в личном опыте совершения поступка и в получении intersubъективного знания (*episteme*) о совершении добродетельного поступка. В соотношении с таким различием применения рассудительности обнаруживается ограниченность применения практического силлогизма, эксплицирующего реализацию рассудительности в качестве основного рационального механизма формирования intersubъективного практического знания.

2. Анализ употребления универсальных прескриптивных суждений показывает их разделение на содержательные и функциональные: первые раскрывают содержание действия, вторые – его структуру, то есть, в первом случае определяется, что именно должен сделать человек, во втором – каковым должно быть само совершение действия, чтобы соответствовать правильной цели, а значит – правильному содержанию.

3. Так как в рамках философии Аристотеля не реализуем эксплицированный, формализованный переход от дескриптивных суждений к прескриптивным, формулирование именно содержательных универсальных прескриптивных суждений о добродетельном поступке (моральных норм) оказывается невозможным. Правильное содержание узнается только в индивидуальном опыте и не может быть выражено универсально, не потеряв своей практической значимости. Однако возможно формулирование функциональных универсальных прескриптивных суждений. Они же составляют основу критики принятых в обществе моральных норм как мнений, основанных на прошлом положительном опыте совершения поступка.

4. Аристотель создает этику как критику морали, гносеологическим основанием этой критики является проблема общего и частного, дескриптивного и прескриптивного. Этика дает знание, как стать добродетельным в смысле понимания специфики процесса становления, а не в смысле открытия конкретных содержательных стандартов этого процесса. Более того, ее открытием именно как знания и является экспликация такого положения вещей – моральные нормы это лишь приходящие мнения от личного опыта, они должны подвергаться критике. Именно в этом смысле анализ устоявшихся мнений и является частью метода этики – это моральная критика, призванная постоянно проводить ревизию норм-мнений.

Прокофьев Андрей Вячеславович

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН

СПОР О ГРАНИЦАХ МОРАЛЬНОЙ БЕСПРИСТРАСТНОСТИ

РНФ №18-18-00068 «Феномен универсальности в морали»

В выступлении обсуждается вопрос о месте ключевого коррелята моральной универсальности – требования «Будь беспристрастным» – в системе моральных требований и критериев одобрения поступков. В современной этике было выдвинуто два ответа на этот вопрос. С точки зрения некоторых теоретиков, беспристрастность требуется при исполнении любых моральных обязанностей и совершении любых сверхобязательных действий. Другие полагают, что беспристрастность не является свойством всех моральных феноменов, а представляет собой локальное явление в мире нравственных ценностей и норм.

Второй ответ был концептуально оформлен известным американским этиком Бернардом Гертом (1934–2011). По мнению Герта, беспристрастность уместна лишь в двух нормативных сферах морали. Во-первых, в сфере исполнения фундаментальных норм-запретов, среди которых «Не убивай», «Не причиняй страдания», «Не калечь (не лишай способностей)», «Не лишай свободы», «Не лишай удовольствия», «Не обманывай», «Выполняй свои обещания (не нарушай своих обещаний)», «Не мошенничай», «Не нарушай (правовой) закон», «Не нарушай (социальные) обязанности». Во-вторых, в сфере выявления случаев, в которых моральный деятель вынужден нарушить эти нормы, но делает это оправданно. Здесь он призван сохранять беспристрастность как по отношению к тем, кто страдает от совершенного им нарушения, так и по отношению к тем, ради чьих интересов и потребностей ему приходится нарушить норму. Однако в сфере позитивных ценностных ориентиров, именуемых Гертом идеалами, таких как «Сохраняй жизнь», «Облегчай боль», «Помогай тем, кто в нужде», кто в нужде», беспристрастность не только бессмысленна, но и невозможна. Здесь выбор объектов помощи определяют индивидуальные связи и привязанности деятеля.

Докладчик оспаривает гипотезу Герта. Во-первых, он показывает, что требование быть беспристрастным необходимо соблюдать, исполняя так называемые «совершенные обязанности спасения». Эти обязанности выходят за пределы исполнения гертовских норм-запретов и их оправданных нарушений. Само их существование выводит императив беспристрастности в область реализации гертовских идеалов. Совершенная обязанность спасения имеет место там, где ситуация структурирована таким образом, что какой-то деятель является единственным человеком, который может избавить другого от гибели ценой незначительных усилий и потерь. В такой ситуации индивидуальные симпатии, привязанности, связи деятеля не имеют значения при выборе получателя помощи. Потенциальный спаситель не может отложить спасение того, кто нуждается в спасении здесь и сейчас, и спасти позднее кого-нибудь из «своих» или «близких» людей. Кроме того, в тех ситуациях, когда необходимо спасти не индивидов, а группы людей, требуется беспристрастное исполнение принципа «спасай большинство». Во-вторых, докладчик демонстрирует, что выбор для поддержки именно нуждающихся людей сам по себе содержит элемент беспристрастности. Он лишь присутствует на более высоком уровне общности моральных требований.

Скоморохов Алексей Вячеславович
Институт философии РАН
младший научный сотрудник

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ В МОРАЛИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

РНФ №18-18-00068 «Феномен универсальности в морали»

Известны две традиции осмысления феномена универсальности в морали. Кантианская традиция утверждает, а критическая традиция отрицает существенность признака универсальности для понятия морали. Доклад посвящен рассмотрению внутренних теоретических проблем дискурса моральной универсальности, обуславливающих ее внешнюю критику.

В свою очередь, теоретические проблемы дискурса универсальности в морали рассматриваются в двух аспектах.

С одной стороны, проблема отношения индивида к общему анализируется в контексте универсалистской этики Канта. В частности, рассматривается логика отношений и возможность противоречия между двумя формулами категорического императива: автономии и универсальности. На первом этапе эксплицируется проблема принципа автономии. Такой проблемой оказывается коррелятивная идея автономии проблема зла («парадокс порочной добродетели»). На втором этапе исследуется Кантово решение проблемы зла посредством утверждения постулатов практического разума. Указываются условия возможности ее решения. На третьем этапе выявляется причина, по которой Кантово решение оказывается нежизнеспособным в социально-историческом контексте конца XIX века и вызывает критику Ницше и Достоевского. На четвертом этапе прослеживается, как проблема автономии становится проблемой принципа универсальности. На основе проведенного анализа реконструируется перемена в философских установках: от автономного и универсалистского понимания морали (в этической философии Канта) – к критике идеи моральной универсальности (в современной мысли, и, в частности, в "этике после Аушвица").

С другой стороны, в докладе анализируются трудности, с которыми сталкивается референтный Канту дискурс универсальности в аналитической философии. Центральным предметом рассмотрения становится проблема осмысления трагического выбора в контексте утверждаемого аналитическими философами принципа универсальности.

Решаются следующие вопросы.

1. Выявляется причина, по которой трагический выбор становится теоретической проблемой дискурса универсальности. Этой причиной оказывается логико-формальное (объективистское) толкование идеи универсальности, опирающееся на презумпцию тождества бытия поступка и мышления о поступке. Поскольку возможность поступка и морали опирается на несхождение данного тождества, «универсальность в морали» рассматривается как противоречие в определении.
2. Предлагается альтернативное – понятийное (сущностное) – толкование идеи моральной универсальности, опирающееся на расхождение тождества бытия и мышления. Предложенное толкование помогает снять противоречие между идеями универсальности и поступка.
3. Демонстрируется, что истоком критики идеи моральной универсальности служит смешение двух толкований и подмена понятийного толкования формальным.
4. Осуществляется синтез логического и понятийного толкований моральной универсальности, в том числе его нормативно-содержательная конкретизация.

Анализ позволяет показать, что внутренние теоретические проблемы дискурса универсальности обусловлены сопряжением идей универсальности и объективности, порожденным метафизикой Нового времени. Универсальность сохраняет статус существенной характеристики понятия морали как аспект абсолютного («голоса совести») в этической теории.

Скрипник Анатолий Петрович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории
Саровский физико-технический институт,

филиал Национального исследовательского ядерного университета "МИФИ"

ДВИЖЕНИЕ ОТ ЛОКАЛЬНОГО К УНИВЕРСАЛЬНОМУ В ГЕНЕЗИСЕ МОРАЛИ

Универсальность морали выражается в беспристрастности и общеадресованности ее оценок и требований. Эта существенная характеристика приобретает в процессе генезиса морали через преодоление индивидуального и группового своекорыстия. Мораль начинается со стихийного сотрудничества сородичей и вырастает до осознанного установления универсальных принципов. Она движется от доверительного отношения между родными и близкими к нормативному порядку, требующему равного уважения для каждого участника взаимодействия. На нижнем, самом элементарном уровне она предписывает помогать другу и противодействовать врагу, а в развитой форме учит превращать врага в друга, делать «чужое» «своим».

Универсализация требований является для морали не самоцелью, а средством гармонизации растущего многообразия интересов и способностей. За нею стоит процесс интеграции стран и народов в единое человечество. Мораль рождается в реальном взаимодействии людей, поэтому в своей адресации первоначально не может выходить за рамки узкого круга непосредственно общающихся лиц. Строить прочные отношения можно только с тем, о ком знаешь, что от него ожидать. Одним из важнейших условий эффективного сотрудничества выступает общность языка. Поэтому генезис морали имеет в качестве необходимого условия глоттогенез. Конструктивный диалог лежит в самом фундаменте нравственности.

Социальной ареной, на которой разворачивается этот процесс, являются «пересуды» – языковая коммуникация, конструктивную роль которой детально описал Р.Данбар. В них происходило крайне заинтересованное обсуждение житейских событий и поведения участников. Объективно это означало включение в диалогическое отношение двух лиц третьего лица и возможность возвыситься над обеими сторонами, понять резоны каждой из них. Подобное обсуждение можно считать первоначальным шагом от локальности к универсальности.

Историческая дивергенция языков указывает на то, что тенденция к обособлению племен и этносов на определенных этапах эволюции доминирует над осознанием единства человеческого рода. Неистребимость этой тенденции подрывает надежды на то, что когда-то в исторической перспективе универсальное содержание морали возторжествует над партикулярным, а беспристрастность полностью вытеснит всякое пристрастие.

Нравственное отношение специфично тем, что в нем происходит уникальный сплав пристрастности и беспристрастия, включенности в действительность и отстранения от нее. Природа этого сплава представляет непростую этическую проблему. Пристрастность играет всеми красками любви и ненависти, благодарности и негодования, а беспристрастие требует заглушить голос этих чувств, вынести их «за скобки». Парадоксальность нравственной ситуации заключается в том, что через распространение за-

интересованного отношения на большее число лиц снижается заинтересованность в одном конкретном лице, т.е. беспристрастное отношение возникает в процессе диффузии пристрастности.

Сторчевой Максим Анатольевич

кандидат экономических наук, доцент

НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

НАУЧНЫЙ ПОДХОД И УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЭТИКА

Можно ли построить этику как науку? Многие люди думают, что это невозможно, поскольку слишком высока роль субъективных мнений и неизбежны разногласия. Многие философы считают, что это не нужно, причем некоторые настаивают, что истинной науки вообще нет. Однако, так ли это? Могут ли быть доказаны сами тезисы о «невозможности» или «ненужности»? Автор хочет показать, что мы можем и должны реконструировать этику как науку. Во-первых, это поможет значительно повысить ее аналитические качества, сделав возможным более эффективное развитие теории. Во-вторых, это приведет к повышению статуса этики в академической сообществе и в обществе.

Для осуществления этого замысла нам нужно мы принимаем четыре критерия научности: 1) точная терминология, 2) корректная логический анализ, 3) эмпирическая верификация, 4) точность эмпирических измерений. Затем мы выстраиваем нормативную этику, которая будет соответствовать данным критериям. Вначале мы определяем базовое понятие *good* через индивидуальный субъективный выбор, затем демонстрируем возможность построения логичной дедуктивной теории об индивидуальном выборе, гипотезы которой могут эмпирически верифицироваться. Далее мы обсуждаем условия, при которых суждение человека действительно выражает его интересы и переходим к обсуждению универсальных моральных норм, которые также являются результатом индивидуального субъективного выбора.

Поскольку основным способом доказательства в научной этике является согласие любого человека с ее выводами, нам необходимо разработать метод убеждения. Наилучший и, возможно, единственный способ убедить любого человека состоит в том, чтобы использовать сократический диалог как особую дидактическую технику последовательного задавания вопросов, которая приведет собеседника к согласию с доказываемым положением. В данном подходе наш собеседник является субъектом эксперимента, который необходим для проверки научных положений в нормативной этике. Возможно ли составить такой список вопросов, который гарантированно приведет любого человека к согласию с универсальными моральными истинами? Пока никто не доказал обратного, мы должно попробовать это сделать.

Троицкий Константин Евгеньевич

кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии РАН

ПОНЯТИЕ НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА И ИДЕЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЗАКОНА В РАБОТАХ ГЕОРГА ЗИММЕЛЯ

- Анализ эссе Георга Зиммеля об индивидуальном законе позволяет различить два подхода к концептуализации понятия закона в этике: 1) как всеобщий, устанавливающий нравственные нормы для всех разумных существ; 2) как индивидуальный, исходящий от конкретного действующего человека в его целостности и связи с миром, но при этом морально долженствующий только для него;

- Две концепции задают два возможных взгляда на нравственный закон, ключевыми свойствами для первой является всеобщность, а для второй – индивидуальная целостность. В первом случае нравственный закон понимается через отвлечение от личных особенностей и склонностей в пользу безличных, действующих для всех разумных существ норм, а во втором, как целостный и индивидуальный поступок человека, в котором во всей полноте проявляет себя поток жизни.
- Первую концепцию Георг Зиммель относит к построениям Иммануила Канта, вторую концепцию, критикуя первую и в качестве альтернативы к ней выдвигает сам Зиммель;
- При отдельных ярких размышлениях, а также глубокой критике идеи всеобщего нравственного закона и распространенного в этике понятия закона нельзя сказать, что Георг Зиммель оставил после себя проработанную этическую концепцию;
- Вместо повествования от первого лица и развертывания того, что может быть названо «субъектностью» поступка, Георг Зиммель не удерживается от попыток введения неких общих моральных принципов, хотя главная критика мысли Иммануила Канта у него была связана именно с отрицанием возможности постулирования морального долга для Другого;
- Основной уязвимой для критики точкой рассуждения Георга Зиммеля об индивидуальном законе является то, что он смешивает и не делает различия между целостностью и тотальностью, тем самым скатываясь к утверждению возможности обосновать отказ Другому в моральности, чем отмечены любые попытки найти нравственное оправдание насилию;
- Нацупав важное значение «субъектности» и ответственности для морального поступка, которые должны были бы вести к моральному запрету на насилие, Георг Зиммель на определенном этапе своего размышления резко сворачивает с пути утверждения их в качестве образующих моральный поступок «элементов», отказывается от «субъектности» и пытается обосновать надсубъектные требования, а также найти оправдание тому, что не может быть оправдано – насилию.

Якушев Леонид Викторович

аспирант, 3 курс, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И «АЗИАТСКИЕ ЦЕННОСТИ»

РНФ №18-18-00068 «Феномен универсальности в морали»

Права человека представляет собой одну из центральных категорий социальной этики, использующуюся для моральной оценки общественных институтов, традиционных практик, политических решений. Такая роль прав человека заостряет вопрос о том, можно ли считать их нормативное содержание подлинно универсальным, или всеобщим. Несмотря на то, что в основании идеи прав человека лежит многовековой нравственный опыт различных народов и культур, их воплощение сталкивается с рядом серьезнейших затруднений, особенно в азиатских и африканских обществах. Отторжение ими идеи прав человека ведет к значительному количеству политических конфликтов. Это делает предельно актуальным анализ прав человека в межкультурном контексте, в частности в отношении идеологемы «азиатских ценностей».

Идеологема «азиатские ценности» получила наибольшую популярность в начале 90-х гг. прошедшего столетия как реакция на значительные экономические и социальные достижения модернизирующихся восточноазиатских государств, прежде всего, Сингапура, Малайзии, Тайваня. Несмотря на снизившийся ажиотаж, активное развитие азиатских экономических систем и, вместе с тем, случаи нарушения прав человека продолжают сохранять актуальность данной проблематики для нормативной этики и

сегодня. Современная дискуссия об азиатских ценностях имеет ярко выраженное политическое измерение и представляет собой противостояние двух противоположных друг другу позиций. Сторонники первой утверждают, что в культурах стран тихоокеанского бассейна, испытавших сильное влияние конфуцианства, присутствует ценностная система, которая не может быть объединена с концепцией прав человека в единый нормативный корпус по ряду причин, концептуально не однородных. Среди них культурно-исторический разрыв между западными и азиатскими обществами, различная степень значимости индивидуальных и коллективных интересов, политическая ангажированность самой концепции прав человека. Одна часть их оппонентов не признает истинность идеологии как ценностного механизма, общего для всех азиатских стран. Другая, признавая существование «азиатских ценностей», пытается найти точки соприкосновения с западными культурами, которые бы стали основой для распространения и универсализации концепции прав человека в азиатском регионе. Впрочем, даже эта, наименее радикальная точка зрения в отношении азиатских ценностей не создала реальной основы для сближения позиций.

Особое место в споре занимает Бангкокская декларация – международный документ, выражающий позицию азиатских стран по вопросу прав человека. Несмотря на подтверждение тезиса об их универсальности, декларация содержит множество ремарок, корректирующих нормативное содержание Всеобщей Декларации прав человека. Неоднозначное содержание Бангкокской декларации позволяет некоторым исследователям рассматривать ее как элемент политической риторики, а «азиатские ценности» – как политический инструмент, нацеленный на ограничение диалога о правах человека на внутригосударственном уровне.

На основании изложенных аргументов в докладе делается вывод, что наличие существенных культурных и политических препятствий в азиатском регионе не позволяют придать концепции прав человека статус универсального морального критерия.

«СМИ ПЕРЕД ЛИЦОМ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ»

в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ №18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

материалы круглого стола

Абакарова Райганат Магомедовна
доктор философских наук, профессор

Дагестанский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Необходимость изучения теоретических и практических аспектов этической проблемы цифровизации, особенно актуальна в современном культурном пространстве. Мы, хотим того или нет, живем в информационной культуре. Поэтому важно учесть все риски, связанные с новым явлением, и найти формы моральной защиты подростков с неокрепшими моральными принципами. Проблема заключается в том, смогут ли ученые этики найти в мире цифровизации и виртуального пространства, механизмы защиты от агрессии и создания нравственной стабильности.

Современное общество характеризуется постоянством социальных кризисных процессов, которые отрицательно влияют на моральное состояние людей, порождая озлобленность, жестокость и, как следствие, насилие. На почве социальных противоречий возникают межгрупповые и межличностные конфликты. На почве национальных и социально-культурных различий возникают межэтнические конфликты. Озлобленность усиливают и процессы расслоения населения по имущественному признаку (наличие/отсутствие возможности доступа к современным гаджетам), что также приводит к возникновению латентных/открытых конфликтов.

Все большее число несовершеннолетних проявляют агрессивность, рост агрессивных тенденций в подростковой среде, возможно, связано с влиянием виртуальных игр, где можно убивать безнаказанно и без ограничений правовых или моральных норм. Агрессия нарушает физическую, психическую и моральную целостность человека и препятствует осуществлению его смысложизненных целей. Агрессивность подростков, как правило, это результат низкого уровня этических и эстетических форм самовыражения, несформированности нравственных представлений и бедности ценностных ориентаций, поэтому у агрессивных детей защитные механизмы преобладают над регулятивными. Интернет пространство привела к появлению сетевых, виртуальных сообществ, что и изменила организацию жизни без регуляции со стороны старшего поколения. Более того, старшее поколение не имеет исторического опыта в общении в виртуальном пространстве. Виртуальный мир не ориентируется на исторический опыт, там все динамично, а прошлое не имеет значения для будущего.

Складывающаяся, таким образом, новая среда где молодое поколение ориентируется уже не только на локальные, но и мировые сетевые сообщества, где функционируют свои моральные нормы, принципы и иные нравственные идеалы. Степень усвоения определенного рода моральных ценностей или ценностных установок зависит от вовлеченности в конкретные дискурсивные практики. По причине размывания идентичностей, их кратному увеличению и снижению барьеров по доступу к ним создается ситуация выбора между вариантами, однако сама такая возможность предполагает смену восприятия у человека-внешняя среда перестает иметь власть над ним, теперь он сам может выбирать то, что ему нравится. Так, создается множественное пространство ментальностей как определенных сборок реальных и виртуальных идентичностей, зависящих от сообществ по разные стороны сетевого фронта. В условиях

множественно-разорванных ментальностей, нормы морали и виртуального поведения зависят от соответствующего информационного поля. Такую среду (систему коммуникационных арен) информационных потоков трудно контролировать, так как формируются условия для свободы обмена информацией. Но в то же время неконтролируемый статус этой среды позволяет использовать её в качестве инструмента организации определенной формы человеческого восприятия событий в контексте информационных войн, кибератак.

Таким образом, моральные нормы киберпространства должны формироваться, с одной стороны, с учетом ценностных установок гибридных ментальностей, формируемых в социальном пространстве, с другой стороны – создания собственного проекта ментальной системы с четким набором ценностей, способных привлечь молодое поколение. Это та конкурентная маркетинговая борьба, которая находится под ответственностью государства – как главного хранителя и строителя идентичностей. Интернет своего рода орудие. Но стоит отметить, что это орудие деятельности само по себе нейтрально и допускает самые разнообразные способы его применения, в том числе неадекватные и негативно оцениваемые. Воздействие виртуального мира имеет двойственный характер, может способствовать как позитивному, так и негативному развитию личности. Степень влияние виртуального мира определяется самим человеком, а сама по себе деятельность опосредованная Интернетом, не отличается от иных видов деятельности, в ходе которых также возможны негативные и позитивные трансформации личности.

Алейников Андрей Викторович
доктор философских наук, профессор
Мальцева Дарья Александровна
кандидат политических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

РИСКИ УПРАВЛЕНИЯ В «ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ»

РНФ №19-18-00115

В ситуации, когда процессы цифровизации трансформируют информацию в многоканальную и комплексную систему, образующую глобальный информационный хаос, необходимость имплементации конкурентоспособных политических сценариев на международной арене ставит перед национальными органами власти задачу анализа всего потока существующей информации, объема которого катастрофичны. В такой системе очевидной становится необходимость применения инновационных механизмов ее обработки, способствующих, с одной стороны, выработке креативных решений, а с другой – реализации регулирующих сценариев, что позволяет формулировать наиболее эффективные управленческие паттерны.

В своих исследованиях У.Бек утверждает, что тень риска вездесуща, зависит над окружающей средой, семьей, образованием, занятостью и политикой. Жизнь с риском становится отличительной чертой повседневного опыта, связанного с последствиями «социального взрыва» рисков со стороны средств массовой информации и «постановкой» потенциальных будущих угроз. Отвечая на критику своей концепции, Бек проводит различие между опасностями с известными крупномасштабными эффектами, которые он считает классифицированными как «катастрофы», и рисками, которые определяются как опасности с неопределенными эффектами и последствиями. В ситуациях не-знания государство и социальные институты должны действовать на основе частичной, неполной информации и общество рискует тем, чего оно не знает.

Акценты, расставленные У. Беком, представляются значимыми – очевидно, что «незнание» и давление со стороны разрастающейся неопределенности сильно повлияло на ряд социальных институтов: от уголовного правосудия, организации работы разведывательных служб до медицины, политики и финансового сектора. Более того, на макроуровне радикальные неопределенности стали угрозой легитимности и серьезным препятствием для обеспечения контроля над институциональными системами. Конечный тупик общества риска, по У.Беку, находится в разрыве между знаниями и решениями: нет никого, кто действительно знал бы конечный результат, поэтому общество риска провоцирует непристойную авантюру, своего рода ироническую репрезентацию: я подотчетен за решения, которые я был вынужден принять без надлежащего знания ситуации. Принятие решений с помощью риска неизбежно предполагает принятие решений о стратегии своих действий, определении надлежащего использования ресурсов и вовлечении заинтересованных сторон в диалог по потенциально спорным вопросам. Таким образом, для принятия стратегически верного решения необходимо не просто внедрять механизм элементарного планирования (это не снизит риски), необходимо развивать целую систему ценностей, норм, инструментов, направленных на эффективное, конкурентоспособное управление государством.

Баева Людмила Владимировна

доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных коммуникаций
Астраханский государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ ЭТИКИ ЦИФРОВОГО СОЦИУМА

РФФИ №18-01-00056 «Бытие в мире электронной (online, cyber-, digital-) культуры: новые экзистенциальные, аксиологические, этические вызовы»

Создание условий для безопасного существования в информационном мире во многом связано с правовыми и с этическими вопросами. Развитие информационной этики становится одним из важнейших направлений регулирования и стабилизации коммуникации в рамках применения ИКТ. Капурро Р. относит к понятию информационной этики все, что касается влияния цифровых технологий на общество и окружающую среду в целом, а также решения этических вопросов, связанных с функционированием интернет-СМИ. В свою очередь, Л. Флориди отмечает, что информационная этика является разделом информационной философии, изучающим этические последствия ИКТ и их влияние на жизнь людей и общества.

Информационная этика – область этики, связанная с изучением и разработкой морально-этических проблем развития ИО и НБИКС-технологий; 3) этических аспектов развития цифровых масс-медиа; 4) этических аспектов социальной жизни в ИО (права человека и безопасность, нормативность и дискриптивность в Интернет и др.).

Вопросы развития информационной этики привлекли большое внимание и были тщательно проработаны на протяжении пятнадцати лет на международном уровне, что выразилось в установлении этических принципов и кодексов информационного общества. Основными субъектами изучения и обеспечения защиты прав человека в информационном мире являются ООН, ЮНЕСКО и Международный союз электросвязи (МСЭ), которые повысили статус и значимость этого вопроса.

В 2003 и 2005 годах ООН провела международные встречи в Женеве и Тунисе по разработке “Декларации принципов информационного общества”, в которой были освещены международные проблемы развития, включая цифровое неравенство. Декларация-2003 определила ряд ключевых принципов информационной безопасности, защиты прав и информационной этики. Но только в 2011 году ЮНЕСКО “Кодекс этики информационного общества”, который был посвящен обеспечению прав гражд-

дан на получение информации, свободу слова, защиту частной жизни, творческое использование Интернета и др.

В 2016 году тема ЮНЕСКО по информационной этике оказалась связанной с миграционным кризисом и терактами в европейских странах. Для предотвращения экстремистских действий среди мигрантов правительства многих стран начали принимать меры по ограничению прав пользователей в социальных сетях и мессенджерах. В 2016 г. на Форуме ЮНЕСКО в Гвадалахаре обсуждался вопрос защиты конфиденциальности и свободы выражения мнений посредством использования интеллектуальных технологий шифрования. Были вынесены рекомендации включить вопрос о защите прав человека в политику правительств в области шифрования, с тем чтобы он мог стать частью национальной политики.

В РФ вопрос обсуждение этого острого вопроса оказалось связано с дилеммой обеспечения безопасности, в том числе, через контроль контента и персональных данных пользователей и обеспечением конфиденциальности и защиты прав граждан. Очевидно, что в информационном мире человека фактически утратил неприкосновенность и приватность своей жизни взамен на открытость информационного обмена. Безопасность многих в этих условиях становится более значимой, чем частная жизнь отдельных граждан. Такой тезис находится в рамках преобладающей в современном обществе утилитарной этики. Данный подход в многом был основанием для принятия в 2016 году «закона Яровой».

Важно осознание, что сами не сами ИКТ являются опасными для человека, несмотря на их развитие, человек все также остается главной угрозой самому себе. И это угроза только усиливается и становится глобальной в новых технологических условиях, с появлением новых феноменов e-culture.

Для направленного формирования этики и информационной культуры в ряде стран появляются специальные учебные программы, призванные помочь формированию определенных поведенческих и ценностных ориентиров, значимых не только в виртуальной, но и реальной коммуникации, что актуально сегодня и для России.

Баженов Сергей Сергеевич

магистр Философии, преподаватель

СПб ГБПОУ "Промышленно-технологический колледж"

ВЛИЯНИЕ ПРОДУКТОВ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОРАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА «ИГРА ПРЕСТОЛОВ»

В эпоху кризиса общей этики, на который указывает А. Бадью, интерес вызывает осмысление традиционных нравственных вопросов, влияние на которые оказывают произведения массовой культуры. Важно отметить, что массовой она является постольку, поскольку охватывает максимально возможную аудиторию и обуславливается информатизацией жизни, интеграцией человека в интернет и социальные сети. За последнее столетие «моральная проповедь» перестала быть уделом философии, литературы, фольклора – кинематограф и интернет-коммуникация активно втягивают отдельного субъекта в обсуждение нравственных проблем. Ю.Хабермас отмечает, что моральное сознание является элементом общей модели мира. Последнее в условиях информатизации приводит к постоянной конкуренции за внимание аудитории и вынуждает производителей медиа-контента держать потребителя в напряжении и побуждать его к сопереживанию персонажам и разделению их нравственных проблем. В.Ю.Перов обращает внимание на значимость героев произведений, поскольку они имеют значение для моральной легитимации. Б.В.Марков справедливо подчеркивает влияние текста на читателя и его картину мира. При этом в качестве текста может

выступать и визуальное произведение: картины, видеоролики, фильмы, воздействие которых опирается не только на архетипы, но и на инстинкты. Так, по мнению А. Курпатова, поведение человека опирается на группу лиц, которые имеют для субъекта значение.

В качестве примера влияния визуального контента на моральную рефлексию рассмотрим известный сериал «Игра престолов», опирающийся на произведения Дж. Мартина. М. Штейнман предлагает рассматривать романы и сериал, снятый по их мотивам, в качестве единого медиа-текста. Следует отметить, что читательская и зрительская аудитория не совпадает, поэтому далее обратимся к анализу только сериала и обратим внимание на несколько важных моментов:

1) сериал содержит множество персонажей, сюжетная линия и характер которых развиваются в соответствии с логикой, выстраиваемой автором. Герои не являются однозначными: плохими или хорошими, их поступки противоречивы и наталкивают зрителя на моральную рефлексию;

2) сериал избилует табуированными темами: ксенофобия, сцены секса, насилия, эмансипации; в то же время персонажам не чужда честь, отвага и искренность. Благодаря неординарной подаче зрителю предлагается самостоятельно оценить и проанализировать поступки персонажей, что способствует его моральному развитию; это крайне важно в условиях, когда чтение постепенно вытесняется просмотром видеоконтента;

3) круг предлагаемых моральных вызовов вращается вокруг проблематики, сформированной современным состоянием западного общества (проблема равенства, поиск места в социуме и самореализация, проблема войны и пр.), также логика повествования позволяет проиллюстрировать путь нравственного развития, пройденный обществом от средневекового состояния к современному;

4) количество моральных дилемм, предлагаемых персонажам для решения, является достаточным для их отдельного рассмотрения: противопоставление жизни одного-многих (дилемма вагонетки), соотношение долга и чести, закона и милосердия и др.

Таким образом, неоднозначность указанного произведения приглашает зрителя к моральной рефлексии, в жестких сюжетных рамках реконструированного средневековья ее результат зачастую неочевиден. Например, современное общество совершает переход от жестокости в жизни к жестокости на экране, используя его для развития морального сознания.

«Давление» на морального субъекта оказывается не только при просмотре сериала, но и в результате потребления визуального и текстового контента в социальных сетях, что позволяет расширить рамки воздействия и увеличить число новых потребителей нравственно ориентированного контента. «Интернет-мемы», фоновое обсуждение с друзьями еще больше расширяет число участников моральной рефлексии. Таким образом, современная массовая культура, с одной стороны, старается вовлечь как можно большую аудиторию к потреблению контента за счет обострения моральных вопросов, но параллельно приглашает зрителя к дискуссии по традиционным проблемам нравственности и к переоценке морально-спорного поведения. Фактически, в условиях разрушения универсальных моральных картин происходит «переизобретение» способов подачи и воспроизводства нравственности, а также формирование морального субъекта, вписанного в современную ценностную модель.

Барташевич Татьяна Юрьевна
кандидат философских наук, доцент
Овчинникова Елена Анатольевна
кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ПРОБЛЕМА САМОРЕГУЛЯЦИИ СМИ

РФФИ №18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

Современные СМИ, вступая в эпоху «новых медиа», стремятся сохранить свои этические ценности и принципы в интересах всего профессионального сообщества и общественного блага. Анализ этических и правовых конфликтов в сфере СМИ, нарушения журналистской этики широко и открыто дискутируются на страницах прессы, в интернет пространстве, телевидении. Современные СМИ институционально оформляются в журналистских союзах, сообществах, стремясь сформировать и закрепить систему саморегуляции внутри профессионального сообщества. В этой реальности этическая экспертиза чаще всего рассматривается как процесс саморегуляции внутри профессионального сообщества, но в то же время с целью сохранить доверие общества и свой моральный имидж в глазах общества.

Примером институционального решения проблемы этических нарушений и конфликтов в СМИ является деятельность Общественной коллегии по жалобам на прессу. «Общественная коллегия по жалобам на прессу – независимая структура гражданского общества, которая осуществляет саморегулирование в сфере массовой информации, опираясь на авторитет сформировавших ее организаций и избранных в ее состав лиц. Цель работы организации – разрешение информационных споров» (Устав Коллегии). В своей деятельности Коллегия руководствуется этическими кодексами, резолюциями, регламентами как отечественной, так и европейской журналистики, это такие документы, как Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О журналистской этике» (1993), Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России (1994) и др.

В компетенции Коллегии входит рассмотрение не только этических проблем, но и правовых (авторское право, лицензионные проблемы и т.д.), однако в качестве целей ее деятельности на первый план выступают моральные задачи: «К компетенции Коллегии относится рассмотрение информационных споров, прежде всего, нравственно-этического характера, возникающих в сфере массовой информации, в том числе дел о нарушениях принципов и норм профессиональной журналистской этики» (Устав Коллегии, п.4.1). Каждый случай нарушения рассматривается *ad hoc* коллегией, которая выносит соответствующее решение. На основе прецедентного решения коллегия вправе сделать обобщающие выводы. Так записано в одном из п. Устава: «6.1. Рассматривая конфликтные ситуации, *ad hoc* коллегия должна стремиться к формулированию решений, пригодных для последующей их систематизации в качестве общих правил». Общественная коллегия имеет свой Медиаэтический стандарт, который является основанием для решения проблем *ad hoc*. Этическая экспертиза как оценка определенной моральной проблемы (будь то анализ контента, поступка журналиста, отношений с общественностью, взаимоотношений внутри профессионального сообщества и др.) выступает в данном случае как институт саморегуляции. В процессе анализа деятельности Общественной коллегии возникает ряд вопросов, как теоретического, так и практически-прикладного характера.

Первый момент. Этическая экспертиза в современном обществе предстает своеобразным моральным инструментарием, при помощи которого общество стремится осуществ-

влять моральную регуляцию. Для нравственных практик и морального сознания, как индивидуального, так и общественного субъекта возможны два вектора регуляции – внешняя и внутренняя, Последняя рассматривается как саморегуляция морального субъекта, в том числе профессионального, корпоративного. В связи с этим следует уделить внимание проблеме трактовки этической экспертизы как моральной саморегуляции. Второй вопрос, который является дискуссионным, когда речь заходит об этической экспертизе – кто входит в состав Общественной коллегии, кто выступает экспертом по моральным конфликтам? В данном случае – профессиональное сообщество, общественные институты, специалисты в области права и психологии.

Третий – чью точку зрения они (члены коллегии) представляют – Союза журналистов России? Но эта Коллегия – институт общественный, а не узко профессиональный, выступающий с позиций общественного интереса и в целях сохранения «добраго имени» и доверия со стороны общества к СМИ. В связи с этим может возникнуть опасение, что, принятые профессиональным сообществом решения, получают своеобразную моральную легитимацию.

И, наконец, вопрос об участии собственного этического эксперта в данной процедуре, выступающего, по слова А.А. Гусейнова, от имени знания – от имени этики.

Возможно данные вопросы, как и анализ опыта деятельности Общественной коллегии могли бы стать предметом дискуссий о перспективах и проблемах этической экспертизы современных СМИ.

Бродский Александр Иосифович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

РЕЧЬ КАК ПРЕДМЕТ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

РФФИ №18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

Зародившаяся во второй половине XX в. сфере биомедицинских исследований этическая экспертиза в настоящее время активно применяется по отношению к другим сферам общественной жизни: бизнес, образование, средства массовых коммуникаций и т.п. Однако, чем шире применяется этическая экспертиза, тем более очевидными становятся связанные с ней проблемы и противоречия. Кто и на каком основании может быть экспертом? Возможна ли здесь какая-либо внятная методология? Каким образом должны быть «внедрены в жизнь» решения подобной экспертизы? На все эти вопросы так и не нашлось вразумительных ответов. Для ответа на эти вопросы автор предлагает обратиться к методологии аналитической философии, которая уже давно (начиная с Д.Остина) вводит в анализ речевых актов понятие об ответственности говорящего за определенное соответствие между словами и миром. Предполагается, что основополагающие правила речи являются отдаленной предпосылкой внеязыковых институциональных структур, в том числе морали. В статье анализируются различные виды речевых актов (описания, обещания, императивы и т. д.) с целью определить, какие моральные оценки применимы к каждому такому виду. Автор считает, что такой анализ должен быть методологической основой этической экспертизы в сфере культуры. В заключении статье ставится вопрос о моральности самой этической экспертизы как формы морализаторства. Морализаторство переносит ответственность за соответствие между словами и миром с говорящего на слушающего. Поэтому оно неизбежно связано с насилием. Но социальная жизнь не может быть полностью свободна от такого рода насилия.

Дряева Элла Давидовна

кандидат философских наук, старший преподаватель,
заместитель декана по общим вопросам философского факультета
Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ЦИФРОВЫЕ БАРИКАДЫ: К НЕКОТОРЫМ ОСОБЕННОСТЯМ ПРОТЕСТНОГО ОНЛАЙН-АКТИВИЗМА

Информационно-технологическая революция 60-х годов XX века явилась причиной глобальной трансформации общества. «Информационный» или «информациональный» этап развития общества характеризуется главенствующей ролью информации, которая вместе с новыми технологиями становится ключевым фактором экономического лидерства на мировой арене. С помощью цифровых технологий передачи и обработки данных информация превращается в основу производительности и власти. В работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» Мануэль Кастельс пишет о сетевой логике развития социальных процессов и «конвергенции конкретных технологий», предполагая постепенное взаимопроникновение отраслей и технологий друг в друга в целях решения конкретных вопросов.

Такие изменения не могли не сказаться на особенностях мышления современного человека, подменив прежние мировоззренческие интеллектуальные ориентиры эмоциональным «клиповым» мироощущением. Активных пользователей Интернета называют жителями особой галактики, представляя то «поколением большого пальца», то «поколением с опущенной головой» (В 2014 г. общество немецкого языка (GfdS – Gesellschaft für deutsche Sprache) опубликовало список слов года: самых интересных, самых употребляемых и самых злободневных. Одним из них стало Generation Kopf unten (поколение с опущенной головой). Интересно, что это «поколение» не имеет возрастных рамок. К нему относятся все те, кто склонил свои головы над экранами смартфонов, планшетов, те, кто живет в них онлайн), то «человеком кликающим». Именно в этом новом пространстве сегодня разворачиваются битвы медиа-каналов за влияние на аудиторию, а пользователи, вооружившись точным кликом мыши, маневрируют между Сциллой терабайтов информации и Харибдой фейков.

Интернет, несмотря на все попытки его регуляции, характеризуется широчайшим распространением, гибкостью, вариативностью идентификаций и богатой драматургией intersубъективных взаимодействий. Анонимность и демократичность коммуникационных процессов позволяет свободно коммуницировать с участниками сетевого взаимодействия и выражать свои интересы.

До недавнего времени российская власть не вмешивалась в распорядки виртуальных обитателей отечественной паутины, что способствовало как позитивным последствиям – открытым дискуссиям по проблемным вопросам, так и негативным – распространению фейков, радикальных петиций, кибербуллингу. Что касается сегодняшнего этапа развития, то по данным последних исследований, только в 2018м году интернет-цензура в России ужесточилась в 6 раз. В 2017 году было 116 тысяч эпизодов против 662 тысяч в 2018м. Можно предположить, что в будущем власть будет идти на сотрудничество с крупными цифровыми платформами и расширять зону подконтрольного ей интернета. Так в конце декабря парламентарии внесли в Госдуму законопроект об автономном Рунете.

Политическая сфера не могла остаться в стороне и в свете развития новейших средств электронной коммуникации претерпела серию масштабных трансформаций. Цифровые технологии, являясь мажоранскими «внешними расширениями человеческого тела», несут в себе потенциальную угрозу стабильности политических режимов и

заслуживают пристального наблюдения властью. Сетевая коммуникация гарантирует различным политическим силам легкий доступ к широкой аудитории, такое воздействие может носить манипулятивный и деструктивный характер.

Канадский журналист и социолог Малькольм Гладуэлл считает, что мы не должны переоценивать роль новых технологий в социально-политических процессах. Он подчеркивает, что «лайки» постов на Facebook или распространение информации в дружных сетях улучшают координирование людей, но создают лишь видимость заинтересованности и мотивированности пользователей, которые зачастую не готовы к реальным действиям. В некоторых случаях такие аргументы не выглядят обоснованными, поскольку как показал пример арабской весны, с помощью цифровых технологий не удалось ни сформировать единую политическую партию, ни сформировать общую программу реформ в обществе, ни выдвинуть нового политического лидера.

Далее в докладе будет рассмотрены особенности формирования новой протестной идентичности.

Кузнецов Никита Всеволодович

доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«ЦИФРА» НЕ ДОЛЖНА ПРИЧИНЯТЬ ВРЕД ЧЕЛОВЕКУ

Как только не называют неумолимо наступающее будущее! Четвертая промышленная революция. Пятый и шестой технологические уклады. Трансгуманизм и постгуманизм. Постиндустриальное общество и общество постмодерна. В последнее время самым популярным, чаще всего встречающимся в официальных документах, в научной литературе, в публичных выступлениях стало слово «цифровая». Хотя и здесь не обошлось без крайностей. Одни считают, что нас ждет цифровая эпоха как некий вариант светлого технологического будущего, а другие считают, что нас ждет цифровой фашизм, поскольку будет создана единая государственная цифровая платформа и все виды взаимодействия граждан и государства будут переведены в цифровой формат. Этическим проблемам грядущего будущего всегда уделялось большое внимание в утопиях и антиутопиях, в фантастических романах и кинофильмах, и обращение к данному наследию в современную эпоху представляется как никогда актуальным и необходимым.

В 2020 году исполняется 100 лет со дня рождения писателя-фантаста Айзeka Азимова, который сформулировал три закона роботехники как обязательные правила поведения для роботов, ведь наступала эпоха роботов. Однако, если обратиться к его произведениям и записным книжкам, то законов роботехники и их производных можно насчитать намного больше. Но остановимся на двух законах, наиболее значимых с точки зрения их этического содержания. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред (a robot may not injure a human being or, through inaction, allow a human being to come to harm) – это первый закон роботехники. Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону. (A robot must obey orders given it by human beings except where such orders would conflict with the First Law) – это второй закон роботехники. Перефразируя первый и второй законы роботехники применительно к реалиям сегодняшнего дня и к реалиям возможного будущего, можно сформулировать следующие желаемые законы, которые должны действовать в нашей жизни, во-первых, «цифра» не должна причинять вред человеку и, во-вторых, «цифра» должна повиноваться всем приказам, которые даёт человек. Правда,

возникает вопрос, а какой человек отдаст, и будет отдавать приказы, но это уже другая проблема и мы сейчас не будем обсуждать вменяемость принимаемых решений. Актуальность этического измерения нашей сегодняшней и нашей будущей жизни очевидна как никогда. Этическое, как в прочем и эстетическое, во времена «пост» и во времена «транс», во времена наступающего господства «цифры» – это остатки человеческого в человеке.

Кулакова Татьяна Александровна
доктор политических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет
**ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ
ПОЗИЦИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ**

РФФИ №18-011-00756 «Исследование гражданского участия в публичном управлении в условиях формирования цифрового правительства»

Одной из актуальных проблем политического развития современного российского общества является проблема гражданского участия в публичном управлении в условиях формирования цифрового правительства, поскольку, заявленная как стратегическая цель совершенствования государственного управления – цифровизация правительственных механизмов, не может и не должна осуществляться в условиях отчуждения граждан от принятия столь важных для судьбы каждого жителя нашей страны решений.

Как и любая из проблем современного развития нашей страны, проблема гражданского участия в публичном управлении многомерна и одним из наиболее важных измерений данной проблемы является ее этическое измерение, так как только активная гражданская позиция граждан России, выступающая как их нравственный идеал, может привести к успеху любого реформирования современной России, в том числе это относится и к проблемам реформирования государственного управления, которое непрерывно проводится последние десятилетия, декларируя то строительство сервисного государства, то необходимость создания электронного правительства, то, как в настоящее время, панaceй от всех бед выступает всеобщая цифровизация.

На наш взгляд, необходимо еще раз подчеркнуть, что достаточно локальная проблема гражданского участия в публичном управлении в условиях формирования цифрового правительства выступает частным случаем проблемы взаимодействия общества и власти, проблемы становления и перспектив развития гражданского общества, проблемы взаимодействия общества, государства и бизнеса, как трех основных акторов современной российской политики.

Гражданская позиция может рассматриваться и рассматривается в логике изучения политической и социальной этики, в логике изучения гражданской этики, в логике изучения общественной морали как этических предпочтений различных групп и подгрупп общества и общества в целом, в логике изучения этического императива гражданского общества, который предполагает принятие на основании собственной иерархии ценностей личных решений под личную ответственность при уважении к мнению других и пониманию поступков других.

Гражданская позиция, несмотря на преобладание личного/частного/корпоративного интереса над общественным, поскольку алгоритмами развития гражданского общества являются алгоритмы развития личного/частного/корпоративного интереса, должна базироваться на принципах социальной справедливости и социальной ответственности как возможности и гарантии достижения каждым человеком своих целей в усло-

виях развития общества, полного экономическими, социальными, политическими, идеологическими противоречиями и конфликтами.

Туманян Тигран Гургенович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и культурологии Востока
Санкт-Петербургский государственный университет

ИСЛАМ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В РОССИИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Проблемы межконфессиональных отношений в двадцать первом веке приобрели исключительно актуальное значение для многих стран мира. Современная Россия не является здесь исключением.

Поясняя решения этих проблем уделяют пристальное внимание и государственные структуры, и общественные организации, и, конечно же, научное сообщество. Свидетельством неослабевающего интереса к данному кругу вопросов может служить не только значительное количество ежегодно выходящих публикаций, но и регулярное проведение тематических мероприятий научного и просветительского характера. Очевидно и другое: центральное место в обсуждении сложившихся проблем, как правило, занимает то, что в СМИ нередко называют исламским фактором.

Можно выделить ряд объективных причин, обуславливающих текущее положение дел. В первую очередь здесь стоит упомянуть серьезные демографические изменения, связанные с увеличившейся в двадцать первом веке трудовой миграцией, главным образом, из стран Центральной Азии. Хотя справедливости ради надо отметить, что с 2014 года ее рост прекратился.

Другой немаловажной причиной является мощный религиозный подъем, который можно наблюдать в последние десятилетия в обществе. Этому процессу сопутствует и стремительное развитие технологий и информационных сетей. Именно они сделали возможным более быстро и эффективно распространять в глобальных масштабах различные религиозные идеи, в том числе и фундаменталистские.

Последние, как мы знаем, нередко служат плодородной почвой для формирования чувства превосходства у исповедующих их лиц и тотального отрицания других ценностных систем. Это, в свою очередь, приводит к радикализму, с одной стороны, и ксенофобии, с другой.

В научных исследованиях последних десятилетий встречается самое разное отношение к проблеме этноконфессиональных и шире межцивилизационных отношений. И здесь алармистские взгляды соседствуют не только с умеренными, но даже оптимистическими точками зрения.

Как известно, алармизм, во многом, навеян парадигмой неизбежного «столкновения цивилизаций», ставшего общим местом для гуманитарных наук после выхода знаменитых работ С.Хантингтона. В дальнейшем с теоретическими построениями ученого в некоторой степени согласились европейские политики, объявившие относительно недавно о «крахе мультикультурализма».

В то же время в поддержку альтернативного, более оптимистичного мнения ученые апеллируют к истории, в ходе которой на протяжении веков и тысячелетий человечество мигрирует, приносит свою культуру на осваиваемые территории или же ассимилируется в новых для себя условиях.

Что касается российской среды, то здесь чаще всего отмечается ее многовековая поликультурность, географическое положение, позволяющее ей принадлежать одновременно к Западу и Востоку; ее глубокие исторические связи со странами Азии, нако-

нец, особый менталитет, в котором большое место занимают идеи патриархальности, традиционности, соборности.

Иными словами, культурные, исторические и другие предпосылки, имеющиеся в России, могут создавать пространство для диалога цивилизаций. Наряду с этим российские ученые продвигают и прагматичный подход, подразумевающий управление культурным многообразием.

Мнение о том, что этнические и конфессиональные отношения в российских городах серьезно обострены, можно часто встретить в масс-медиа и научной литературе. Вместе с тем, их объективная оценка крайне сложна и всегда обусловлена теми или иными факторами.

Ведь чаще всего та или иная конкретная ситуация, складывающаяся в определенном пространстве и времени, а не теоретические модели, определяет отношения между сообществами, принадлежащими к разным культурам.

Очевидно одно, в таком многонациональном и поликонфессиональном государстве, как Российская федерация, требуется выработка грамотной политики в сфере национальных и религиозных отношений, а также регулярное осуществление профилактических мер, способствующих предупреждению роста радикализма и ксенофобии. Для реализации этого необходимо глубокое знание и понимание ситуации, как в статическом, так и динамическом аспектах. Существенное значение в данном случае приобретает мониторинг общественного мнения, изучение повседневной культуры, а также основ религии и культуры мусульман, позволяющих выявлять проблемные моменты и предотвращать конфликтные ситуации.

«ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»

материалы круглого стола

Авдеева Ирина Александровна

кандидат философских наук, доцент

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЭПОХУ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

РНФ №19-18-00421

«Мир пробуждается и грядут перемены», – недавно заявила на весь мир шведская школьница Грета Тунберг на саммите ООН по мерам безопасности климата. Однако весьма показателен тот момент, что в своей речи она обвинила нынешних политиков и глав мирового бизнеса в отсутствии реальной политики в отношении безопасности планеты, за что подрастающие и будущие поколения не смогут простить тех, кто сегодня принимает решения. Сколько бы сейчас не обсуждали эту речь, но можно ли считать ее такой уж сенсацией сегодняшнего дня? По сути, это было публично предъявленное обвинение в коллективной безответственности людей, сегодня управляющих миром. Безответственности, прежде всего, перед молодежью, т.е. перед будущими жителями планеты и перед будущим в целом.

Этот факт вновь заставляет этиков задуматься и в переосмыслении наиболее актуальных этических задач современности вернуться к теме коллективной и исторической ответственности, имеющих по преимуществу два существенных признака, по сравнению с другими видами ответственности (правовой, экологической, социальной, корпоративной, ответственности бизнеса и проч.). Чертами этой ответственности являются, с одной стороны, глобальность, а, с другой, конкретность. Глобальность предполагает также двусторонность аспектов рассмотрения: содержательную широту моральной ответственности применительно ко всем происходящим сегодня процессам (глобальность самого морального мышления) и ответственности за проблемы глобального характера. Конкретность же коллективной и исторической ответственности предполагает практическое ее выражение в комплексах системных мер по ее реализации. До сих пор, когда речь заходила о такого рода ответственности, то чаще всего речь заходила о ее денежном эквиваленте, а «конкретика» заботы о благополучии будущих поколений обычно носила исключительно декларативный характер. Сейчас ситуация может обернуться иного рода мерами ответственности и протеста одновременно.

Следует отметить, что ряд западных мыслителей, отмечая тупиковый и кризисный характер развития человеческой цивилизации, начиная уже с середины XX века, пытались обратить внимание на создание моральных императивов особого рода, направленных на обоснование императива ответственности перед будущим, где в качестве одной из практических мер по обеспечению этой ответственности было ограничение стратегии массового потребления и экономии ресурсов во имя жизни будущих поколений. Как например, это сделал Г.Йонас. Объединяющим началом и побудительным мотивом коллективной исторической ответственности должен был бы стать страх перед неминуемыми техногенными катастрофами. Признаком же коллективной ответственности является идея Йонаса о провозглашении не народа и государства, а всего человечества главной ценностью с целью выживания, оставляя за человеком право свободного действия в парадигме глобальной ответственности. В этом случае субъект ответственности демонстрирует тенденцию слияния с ее объектом, сохраняя индивидуальную наполненность коллективной ответственности.

Г.Йонас не был одинок в стремлении распространить действие этики за пределы социальных отношений и отношений «здесь и сейчас», отвечая на глобальные вызовы, формирующиеся перед глобальным же человечеством. Идея, можно сказать, «носила в воздухе», наполненном апокалиптическими прогнозами, предсказывающими скорый экологический кризис. Наглядно демонстрируемая сегодня Гретой Тунберг потребность современной цивилизации в новом этическом мышлении как и в этике Г.Йонаса объясняется необходимостью принципиально иного отношения современного человечества к собственному будущему. Трудно не согласиться с тем, что ни одна из цивилизаций прошлого не располагала техническими возможностями, ставящими под угрозу существование человечества как такового, и никогда прежде человеческие действия не имели столь долгосрочных и столь глобальных последствий. Это значит, что в моральной оценке последствий собственных поступков мы уже не можем руководствоваться только ответственностью перед современниками и руководствоваться деонтологией уважения к абстрактному нравственному закону, но должны принимать во внимание ответственность перед будущим человечеством прежде всех остальных принципов этики, устанавливая ее в качестве базы не только морального, но и политического, экологического, экономического мышления.

Апресян Рубен Грантович

доктор философских наук, профессор

руководитель сектора этики, Институт философии РАН

ЭТИКА И ДИСКУССИИ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

На поверхности общественных дискуссий – этические аспекты функционирования интеллектуальных технических систем (ИТС): насколько принимаемые ИТС решения соответствуют нормам этики (морали), кто и в какой форме несет за них ответственность? В значительной мере это перспективные проблемы, что не отменяет их значимости. ИТС – технические системы, способные самостоятельно (без оперативного контроля со стороны) решать поставленные задачи в условиях меняющихся внешних параметров функционирования. Степень самостоятельности, разнообразия посильных задач и изменчивости параметров, требующих адаптации, может быть различной.

Этическая проблематика, связанная с искусственным интеллектом, шире. Она касается не только самого по себе функционирования ИТС и того, как решаются поставленные перед ними и возникающие в ходе их функционирования задачи, но и деятельности по разработке такого рода систем, их подготовке к работе и их обслуживанию, а также социальных, гуманитарных, экологических и возможных других эффектов их использования. Этическим проблемам такого рода, хотя они в настоящее время более насущны, не уделяется достаточного внимания. Между тем, в более общем плане такие проблемы обсуждаются по поводу других практик – внедрения нанотехнологий, природо-сопряженной активности, освоения космического пространства, научных исследований, опосредованных экспериментами на людях, медицинской деятельности и т.д. Есть немало соответствующих нормативных разработок. Накопленный в этой области опыт может быть использован при обсуждении этических проблем искусственного интеллекта.

Понятие морали вырабатывается в западно-европейской культуре для интегративной репрезентации комплекса нормативных (совершенство, благо, справедливость, равенство, забота и др.) и дескриптивных (императивность, автономия, универсальность и др.) идей. Одна из концептуальных доминант в этой традиции – понимание морали как средства согласования частных позиций или интересов ради блага людей и сообщества. Оно производится с помощью определенных инструментов – ценностей, ко-

торые имеют в морали (в отличие, скажем, от искусства) императивную природу. Речь идет о таких ценностях, как непричинение вреда, равенство, соблюдение оправданных интересов других, исполнение обещаний, поддержание договоренностей, солидарность, забота.

Этика как моральная философия – сориентирована на обобщенное и абстрактное понятие морали: оно не всегда отражает внутреннюю неоднородность морали и соотносено с той или иной практикой. Поэтому необходима прикладная этика. Этика ИТС сориентирована на практику, связанную с функционированием ИТС. В ее задачу входит описание этой практики, включенных в нее агентов, реципиентов, связанных с ней третьих лиц, чтобы понимать, какие интересы затрагиваются этой практикой, какие конфликты возникают или могут возникнуть. Названные выше ценности и соответствующие им императивы должны быть спроецированы на эту практику и конкретизированы (не формализованы) по отношению к тому функционалу, которым наделяются ИТС и, что очень важно, к тем конфликтам, которые возможны в ходе осуществления этого функционала.

Карнов Валерий Эдуардович

кандидат технических наук, доцент, начальник лаборатории робототехники
НИЦ Курчатowski институт

МОРАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИСКУССТВЕННЫМ АГЕНТАМИ

Одним из направлений групповой робототехники являются т.н. модели социального поведения. Ключевой задачей этого направления является создание конструктивных моделей, позволяющих реализовывать феномены социальной организации в группах искусственных агентов. Основная идея парадигмы моделей социального поведения (МСП) заключается в том, чтобы рассматривать принципы организации сообществ роботов с точки зрения некоторого универсального адаптационного механизма.

В докладе ставится вопрос о правомерности применимости понятия морали к описанию поведения искусственных агентов – роботов или аниматов. С одной стороны, мораль может рассматриваться как один из механизмов групповой и индивидуальной адаптации посредством социальной организации поведения. С другой стороны, правила, определяющие моральность поведения, являются крайне удобным способом управления поведением социума. Не затрагивая такие фундаментальные механизмы системы управления (СУ) индивида, как параметры и структура, моральные установки, будучи весьма гибкими и вариабельными, позволяют эффективно определять поведение индивида и социума в целом.

В докладе описывается потребностно-эмоциональная архитектура СУ анимата, а также рассматриваются некоторые базовые механизмы управления его поведением, основанные на принципах паразитического манипулирования. Приводится описание таких механизмов социального поведения живых и искусственных агентов, как когезия, контактное поведение и др. Описывается такой элемент СУ анимата, как Я (Я-познающее, субъективное Я, С.Я.). Введение С.Я. позволяет, в том числе, реализовать такие феномены, как подражательное поведение и социальное обучение. Все эти механизмы вкпе с сигнальной коммуникацией и потребностно-эмоциональной СУ, являются основой для реализации такого феномена, как эмпатия. В основе разработанных моделей лежит понятие степени близости наблюдаемого контрагента (конспектика) к субъекту. Делается предположение, что подражательное поведение, социальное обучение и эмпатия можно рассматривать как некий базис для поведения, оцениваемого с точки зрения морали.

В докладе обсуждаются три основных вопроса, определяющих содержание морально-го поведения аниматов: (1) зачем такое поведение нужно, (2) какова целевая функция (или основной регулятив), определяющая поведение, (3) каковы механизмы, лежащие в его основе. Постулируется, что: (1) в перечень механизмов, определяющих нравственное поведение, наряду с прочими, входят социальное обучение и эмпатия и (2) основной мотивацией морального поведения (то, на что направлено золотое правило морали) является максимизация эмоционального уровня контрагента, на которого направлено воздействие индивида. Поскольку знак и величина эмоции непосредственно определяется существующими потребностями агента, то можно сделать весьма "механистический" вывод: действие основного морального регулятива направлено на удовлетворения потребностей индивида. Такая неизбежная вульгаризация – это результат попытки переноса сугубо технических механизмов (вплоть до адаптационных моделей) на принципиально плохо формализуемую область – моральную философию. В любом случае, если продолжать исследование аспектов моральности поведения аниматов "снизу", с "технической" стороны, то остается открытым целый ряд вопросов, таких, например, как:

1. Насколько нравственные правила определяются подражательным поведением, социальным обучением и способностью к эмпатии?
2. Насколько целесообразно интерпретировать формы поведения анимата именно с точки зрения основного нравственного правила?
3. Что подлежит регуляции в "моральном поведении"? Только ли характеристика близости "свой-чужой"?
4. Какова значимость фактора необходимости совместной деятельности для решения сложных задач в зависимости от свойств среды обитания и индивидуальных потребностей?

Эти вопросы требуют своего разрешения, причем вне зависимости от положений моральной философии, а оставаясь в рамках парадигмы моделей социального поведения роботов.

Маркова Инна Викторовна

магистр Прикладной этики, ООО "Союз" (г. Санкт-Петербург), юрист

Давыдов Денис Алексеевич

магистр Прикладной этики, ФСИН МС-78 (г. Санкт-Петербург), медбрат

ИИ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ:

ПРОБЛЕМА ЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Развитие цифровых технологий набирает темп, что безусловно влияет на социальные, экономические, этические и прочие сферы жизнедеятельности человека. Важно отметить, что данная тенденция имеет как положительные, так и негативные стороны. Интеграция технологий, включающих в себя искусственный интеллект, позволяет человечеству делегировать часть полномочий машине, которая в свою очередь становится помощником, а в некоторых случаях проводником воли человека. Термин искусственный интеллект (artificial intelligence) включает науку и технологию создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ. ИИ связан со сходной задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта, но не обязательно ограничивается биологически правдоподобными методами. Важно понять природу ИИ.

Основные свойства ИИ – это понимание языка, обучение и способность мыслить и, что немаловажно, принимать решения. Готовность действовать ИИ – комплекс родственных технологий и процессов, развивающихся качественно и стремительно, напри-

мер: обработка текста на естественном языке, машинное обучение, экспертные системы, виртуальные агенты (чат-боты и виртуальные помощники), системы рекомендаций. 6 декабря 2018 года в рамках стандартизации технический комитет Киберфизические системы на базе РВК совместно с Региональным инжиниринговым центром СэйфНет начали разработку комплекса стандартов для рынков Национальной технологической инициативы (НТИ) и цифровой экономики. К марту 2019 года планируется разработать документы технической стандартизации в области квантовых коммуникаций, искусственного интеллекта и умного города.

Сфера применения искусственного интеллекта весьма масштабна. Применение ИИ в обороноспособности и военном деле: искусственный интеллект в ВПК, кибервойны, боевые роботы. Применение ИИ на транспорте: автопилот (беспилотный автомобиль), автоиндустрия на пороге революции: эра беспилотного вождения.

Искусственный интеллект позволит изменить операционную модель логистики с реактивной на прогнозируемую, работающую на опережение, что обеспечит более высокие результаты при оптимальных затратах на бэк-офис, операционные взаимодействия и фронт-офис. Например, технологии искусственного интеллекта позволят использовать усовершенствованную систему распознавания для отслеживания отправок и состояния активов, могут привести к полной автономности процесса доставки на всех его этапах и предсказывать колебания в объемах глобальных отгрузок до того, как они произойдут. Очевидно, что искусственный интеллект дополняет человеческие способности, а также устраняет рутинную работу, что позволит сместить фокус сотрудников, занятых в логистике, на более важные, продуктивные задачи.

Использование искусственного интеллекта в судебной системе признают логичным шагом по развитию законодательного равенства и справедливости. Машинный разум не подвержен коррупции и эмоциям, может четко придерживаться законодательных рамок и выносить решения с учетом многих факторов, включая данные, которые характеризуют участников спора. По аналогии с медицинской сферой, роботы-судьи могут оперировать большими данными из хранилищ государственных служб. Можно предположить, что машинный интеллект сможет быстро обрабатывать данные и учитывать значительно больше факторов, чем судья-человек.

Также ИИ применяю для анализа поведения граждан, в медицине, образовании, банковском секторе и прочих сферах жизнедеятельности человека.

Искусственный интеллект имеет ряд положительных особенностей: высокая работоспособность, доступность, делегирование части полномочий, быстрота реакции, возможность принимать решения, новые рабочие места и прочее.

К негативным нюансам применения ИИ можно отнести: возможность сбоя, тотальный контроль, потенциальная угроза превосходства и порабощение человечества и прочее. Технологии, включающие в себя искусственный интеллект, прочно интегрированы в различные предметные плоскости и несут прямую практическую пользу. Изъятие подобных технологий может привести к коллапсу.

ИИ является важной составляющей, которую человечество не имеет право игнорировать. Неоспоримость применения цифровых технологий до сих пор подвержено критике.

Однако весомых аргументов приведено не было.

Человечество должно этически осмыслить природу ИИ, социальную нагрузку и моральные последствия. Так как каждое явление, влияющее на человечество, способное повлиять на действующую систему ценностей, способное трансформировать традиционный уклад общества нуждается в этическом осмыслении. Важно иметь достаточ-

ную материально-техническую базу, социальное понимание, экономические ресурсы, нормативную базу для создания и внедрения ИИ и его элементов в нашу жизнь. К искусственному интеллекту необходимо относиться как к помощнику человека, который выполняет функции заложенные в него. Возможность к самообучению – благо, а не угроза порабощения человечества. Самоограничения, которые человечество закладывает на пути своего развития, в том числе и технического, подлежат отдельной этической рефлексии.

Мартынова Марина Дмитриевна
кандидат философских наук, доцент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им.Н.П.Огарева

ДИЛЕММЫ «ЦИФРОВОГО ДОВЕРИЯ» И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ «ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

РФФИ №18-011-00710

Сегодняшние первокурсники вузов – «цифровое поколение Z» – будут работать уже преимущественно в системе цифровой экономики. С целью подготовки квалифицированных кадров для экономики знаний и цифровой экономики и в соответствии с Национальным проектом «Образование» и Национальной технологической инициативой в ближайшем времени вузы переживут цифровую трансформацию. Модель цифрового университета – реалии ближайшего будущего для вузов, включенных в общую цифровую среду. Алгоритмизация станет основным методом образовательного процесса. Проблема цифрового доверия связана с морально-психологической готовностью человека организовывать свою жизнедеятельность в новой для него цифровой среде и опираться в этой среде на привычные этические принципы.

Основной дилеммой является приемлемость и применимость в цифровой среде традиционных этических принципов. Это выражается в том, что существуют противоречия между высоким уровнем доверия к цифровым технологиям и открытостью персональных данных, представляющей угрозу конфиденциальности; «экспертным мнением» и неточной информацией, размещенной в интернете; объемом BIG DATA и возможностью манипулирования этими данными; базовой социальной потребностью общения и иллюзией общения в социальных сетях и т.п. В цифровом мире доверие непосредственно связано с угрозами безопасности. Доступность громадного массива информации, персональных данных создает новые ситуации вызова, в отношении которых человек еще не выработал стереотипы поведения, как в личном обращении с ними, так и в профессиональной среде. Так же и содержание образования не содержит задач формирования компетенций безопасного обращения с BIG DATA.

Понятие «доверие» имеет психологические характеристики, поскольку само состояние доверия имеет глубокие психологические основания. Кроме того, понятие «доверие» имеет этические коннотации, связанные с понятием «другой». Значение слова «доверие» предполагает наличие «другого», поскольку означает «доверять кому-то что-то» (В.И.Даль, С.И.Ожегов). Доверие как интенция имеет социальную природу, основанное на добровольных взаимных обязательствах людей. Понятие «доверие» связано с установленным определенными отношений между людьми на основе сходных ценностных ориентаций.

Многие исследователи отмечают, что доверие одного человека к другому возникает при неопределенности ситуации, уязвимости, отсутствии контроля (Франк С.Л.; Шо Р.Б.; Эриксон Э.). Оно предполагает состояние открытости у участников взаимо-

действия. Кроме того, доверие у человека возникает избирательно, в различной степени к разным людям, он верит той информации, которая соответствует потребностям, большое значение имеет в этом процессе имеет авторитет. Есть все основания предполагать, что перечисленные характеристики состояния «доверия» реализуются по отношению к цифровым технологиям.

Доверие связано с цифровой безопасностью и управлением цифровыми рисками. Специалисты отмечают, что в безопасности цифрового мира заинтересованы цифровые компании, что выражается в необходимости обеспечивать безопасность, сохранность, надежность информации, защищать персональные данные и соблюдать информационную этику. Готовность людей к вызовам будущего определяется их профессиональной подготовкой. Наряду с квалификацией для обеспечения кибербезопасности, защите данных и управлению использованием данных современный специалист должен быть осведомлен о степени своей ответственности, этических нормах и принципах в цифровой сфере, информационной этике, что позволит влиять на формирование доверия к цифровым технологиям. Новому поколению профессионалов предстоит обучиться видеть за BIG DATA людей, которые могут понести значительный моральный, психологический, финансовый ущерб при некорректном обращении с цифровыми данными.

Огородов Дмитрий Владимирович

кандидат юридических наук

Международный коммерческий арбитражный суд
при Торгово-промышленной палате РФ

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ: РЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

1. Этика ИИ предполагает решение задачи функционирования интеллектуальной / автономной технической системы не хуже, с этической и правовой точки зрения, чем если бы такая система управлялась человеком. Беспилотный автомобиль, медицинский робот жизнеобеспечения, автоматическая банковская скоринговая система: здесь отсутствует человек-оператор, а «решения» системы предопределяются ее создателями заранее – при проектировании и настройке.

2. Общие интересы требуют не оставлять на усмотрение производителей решение всех этих вопросов, а создавать этическую «систему координат» для соответствующей техники.

В рамках IEEE ведется работа над рекомендациями и стандартами этически обусловленного проектирования автономных и интеллектуальных систем, свою лепту вносит Российская междисциплинарная рабочая группа по этике ИИ.

3. Автономность функционирования техники не является основанием для признания ее субъектом права. Наоборот, наделение правосубъектностью вещей и программ для ЭВМ разрушит существующий правопорядок.

4. В рамках правовой системы РФ заметная часть вопросов этики ИИ имеет прямое юридическое значение. Так, в проекте «Машина морали» была смоделирована моральная дилемма траектории беспилотного автомобиля при неожиданном появлении препятствия:

- продолжать движение прямо, жертвуя пассажирами ради спасения пешеходов;
  - либо свернуть в сторону и пожертвовать пешеходами ради спасения пассажиров.
- Автопроизводитель Mercedes-Benz в 2016 году намеревался решать эту дилемму в пользу пассажиров, позже дезавуировав свое заявление под шквалом критики.

Представляет, эта моральная дилемма уже решена законодательством РФ. Команда разработчиков беспилотного автомобиля – в котором его создателями предreshen вопросы жизни и смерти какой-либо категории других людей – несет уголовную ответственность за убийство, совершенное организованной группой, что наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью (п. «ж» ч.2 ст.105 УК РФ).

Такое преступление будет считаться совершенным с косвенным умыслом, поскольку указанные лица осознавали общественную опасность своих действий (бездействия), предвидели возможность наступления общественно опасных последствий, не желали, но сознательно допускали эти последствия либо относились к ним безразлично (ст.25 УК РФ).

Аналогичным образом решается вопрос об ответственности разработчиков медицинского реанимационного (жизнеобеспечивающего) робота с функцией эвтаназии.

5. Видимо, моральные дилеммы составят малую часть прикладных проблем этики ИИ. Большая их часть более прозаична и будет охватываться такими отраслями российского законодательства как, например:

- законодательство о техническом регулировании;
- законодательство о защите прав потребителей (например, вопросы дискриминационного отказа банка от заключения договора с гражданином-потребителем вследствие использования автоматической банковской скоринговой системы);
- трудовое законодательство (вопросы использования работодателем для принятия юридически значимых решений на основе данных, генерируемых автоматизированными системами учета и контроля действий работников);
- законодательство об охране здоровья граждан;
- законодательство о социальном обеспечении и налоговое законодательство (меры государственной поддержки для лиц массово сокращаемых из-за автоматизации профессий – например, водителей, вытесняемых с рынка труда беспилотным транспортом).

6. Также создание системы стандартов этически обусловленного проектирования автономных и интеллектуальных систем не отменит существующих институтов профессиональной этики.

Наоборот, появление принципиально новой системы этики – технической этики искусственного интеллекта – потребует развития правил медицинской, адвокатской, инженерной и других отраслей профессиональной этики с учетом специфики, которая привносится использованием этими специалистами в своей работе ассистирующих интеллектуальных / автономных систем.

Положенцев Андрей Михайлович
кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

БЕЗЛИЧНЫЙ РАЗУМ КАК ЦЕЛЬ

(К ДИСКУССИИ ОБ ЭТИКЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА)

В рамках дискуссии о вреде и пользе искусственного интеллекта в упрек ему ставится то, что он не является личностью, и потому его нравственные решения не могут идти на пользу человеку, который напротив, личностью является. Однако дело здесь, видится, отнюдь не в том, что «искусственный интеллект», дескать, вещь, побочный эффект НТР и не способен к поступку. Возможно, что обезличенный разум – это цель одного давнего социально-метафизического проекта, который запустили еще греки.

Греков обвиняют часто в том, будто они не знали личности, а только, например, маску или социальную роль. Хотя, если верить историческим источникам, личностей там было, хоть отбавляй. Здесь не место вступать в полемику с тезисом о том, будто мы лучше знаем, что значит быть личностью, нежели древние. Здесь даже не место разбираться, что же все-таки значит – быть личностью? Но, может быть, дело у них было совсем в другом: в том, что они слишком хорошо знали, что такое личность и пытались защитить свое существование от ее произвола? И по этой причине здесь создавались политические проекты (Платона и Аристотеля в первую очередь), в которых метафизическое начало не имело личности? Ближневосточных деспотий и богов-самодуров они видели множество, но роль верховного начала в жизни космоса с точки зрения логоса была другой. Бог должен править миром как бог, а не как дурной человек. Тогда следует разобраться, какова она, высшая (нежели человек) форма разума. И тогда окажется, что безличная форма субъектности – это не изначальная ущербность, органически присущая «Западу», не дотягивающего до традиционалистской мудрости «Востока», а цель социально-политического и метафизического проекта, который постепенно проходит не только свои стадии теоретической разработки, но и практического воплощения? И афинская демократия уже была одним из этапов этого проекта, в котором политическая воля как раз не позволяет уйти во всем привычный произвол, и Алкивиаду не позволяют стать новым Александром? Такое политическое устройство не похоже на сумму едионаправленных волей. А скорее систему сдержек и противовесов, которая ограничивает развитие политически всемогущей личности. Но пример этому ограничению задает образец-идея высшего разума, который безличен в своей разумности и выступает своеобразным гарантом онтологической справедливости.

Этот же образец является гештальтом и для мироустройства, и для чисто теоретической науки, которую опять же открывают греки, не покупаясь на прикладные перспективы, которые открывает логос. Именно политические практики обезличивания логоса сопутствуют становлению субъекта и института научного исследования. Наличие безличного логоса в космосе и в разуме – условие их корреляции. И наоборот, наличие воли, интереса, выгоды несовместимы с этой формой мысли. Но, повторим, источник этой формы – социально-политический.

Однако вернемся к нашему основному вопросу – о предпочтительности безличной формы интеллекта для того социально-метафизического проекта, основания которого закладывались в Афинах 2500 лет назад. Есть основания подозревать, что данная форма мышления уже давно не предмет футурологии, а наша реальность. Поначалу она воплощалась не только в научной форме познания, но и в политических и правовых институтах, теперь она размыта в повседневности благодаря киберфизическим инструментам и технологиям. И в таком случае целесообразнее заниматься не описанием превосходств и прелестей человеческой формы личности, они и без того очевидны, а изучением этоса безличной субъектности, принципов, которыми она уже руководствуется в своей организации нашего жизненного пространства, выводить правила взаимодействия с ней и воздействия на нее, ограничения ее, регулировать степень ее проникновения в личность и ее жизнь, исследовать, как она видоизменяет наш собственный габитус и создает из нас конгруэнтную собственным целям личность. Эта среда, может стать, многим более дружелюбна, нежели традиционная социальность, и насыщена вполне достойными благами и достоинствами.

Разин Александр Владимирович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ И МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В докладе показывается, что одного понимания роли материального производства, даже если иметь в виду различие общественных условий, при которых оно совершается, диалектику взаимодействия производительных сил производственных отношений, для материалистического понимания истории еще недостаточно. Необходимо также рассмотреть взаимосвязь различных уровней общественной жизни, показать, как осуществляется творчество самих общественных форм. Это было сделано в концепции духовно-практического освоения действительности, основы которой были заложены в методологии К.Маркса и развиты в работах российских исследователей морали и права. Гегель не понял, как происходят процессы практического освоения действительности, как идеальное превращается в материализованное социальное в смысле устойчивой среды обитания людей, как происходит типизация мотивов их деятельности. Потому, он остался идеалистом в области понимания истории, несмотря на многие, высказанные им продуктивные идеи о материальном производстве.

Мы показываем, как происходит процесс утверждения в общественной жизни новых социальных норм и ценностей, какую роль при этом играет отражение условий общественной жизни, общественного бытия со стороны общественного сознания, а какую – практические взаимодействия людей в ходе исторического творчества. В статье демонстрируется, что отражение общественного бытия (познание) создание новой реальности, предложение новых форм взаимосвязи (конструирование) и проверка осуществленного познания на истинность (подтверждение выживаемостью социальных групп) представляет единый, зачастую совпадающий в историческом времени процесс. В этом и заключается суть процесса духовно-практического освоения действительности.

Слюсарев Владимир Владимирович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им.Н.И.Лобачевского

младший научный сотрудник

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ЭТИКА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ СЕТЯХ

РНФ №18-18-00238 «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»

Явление социальных сетей в современности часто становится предметом исследования ученых. При этом, как правило, речь идет о современных социальных сетях в сети Интернет. Прежде всего, следует отметить, что подобный подход несколько неполон – социальные сети являются атрибутом общества на протяжении длительного периода истории, что легко проиллюстрировать на примерах из истории науки [1]. В рамках данной работы мы хотим обратиться к одному из специфических элементов функционирования подобных научных социальных сетей (как исторических, так и актуальных). Как было показано в ряде исследований, в процессе коммуникативного взаимодействия с общим эпистемическим предметом возможно формирование так называемых «зон обмена», внутри которых возможно формирование нового знания [2]. При этом участниками подобного взаимодействия могут быть как ученые, так и люди, не институализированные в науке. Таким образом возникает этическая про-

блема – совокупными действиями достигается определенный эпистемический результат – открытие нового, которое обретает форму научного текста, но за авторством некоторого ученого или коллектива ученых. При этом люди, не имеющие институализации, даже при условии соблюдения всех норм и правил научных публикаций, оказываются «за бортом» общественного признания и вправе рассчитывать в лучшем случае на «благодарности». Однако проблема значительно усугубляется при трансфере социальных сетей в пространство сети Интернет, со свойственной ей гипертекстуальностью. Обсуждение может начаться в каком-либо диалоге в социальной сети, переместиться на различные форумы, в блоги, различные комьюнити, «обрастая» при этом новыми дополнениями, фактами, доказательствами и опровержениями. Отследить движение некоторой научной идеи, ее миграцию внутри информационного пространства уже не представляется возможным в принципе. Эпистемический субъект перестает иметь какие-либо условные границы – это уже ни человек, ни коллектив. Фактически в качестве эпистемического субъекта выступает коллектив коллективов – иными словами, общество. Исходя из этого возникает вопрос для этики науки – в какой мере ученый или научный коллектив могут считаться авторами той или иной научной идеи? Правомерно ли считать ученого чем-то большим, чем агрегатором научных идей и их выражения в тексте? Однозначно можно судить лишь об авторстве текста – некотором фактическом воплощении научного открытия, но не об авторстве самого открытия. Данная ситуация во многом похожа на проблему авторства в художественной литературе – автор «придумывает» персонажей и события сюжета во многом исходя из своей социальной реальности. Разница лишь в том, и она определяющая, что художественное произведение не претендует (а часто и противопоставляет себя) на соответствие некоторого объективного мира, без чего научная деятельность, фактически, лишается всякого прикладного смысла.

Литература

1. Масланов Е.В. Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий: новые вызовы или обострение старых проблем? // The Digital Scholar: лаборатория философа. 2019. Т.2. №1. С.6-21.
2. Шибаршина С.В. Междисциплинарные зоны обмена и типы медиации // В сборнике: История и философия науки в эпоху перемен сборник научных статей. В 6 томах. Научная редакция и составление: И.Т.Касавина, Т.Д.Соколовой, П.Д.Тищенко, Е.Г.Гребенщиковой, И.З.Шишкова. 2018. С.82-84.

Швырков Александр Иванович

кандидат философских наук, доцент

Брянский государственный технический университет

ИСКУССТВЕННЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И ЭТИКА

Как создание искусственных интеллектуальных систем (далее – ИИ-системы) может помочь в исследовании морали (той, которая существует в настоящее время, той, которая, возможно, появится в будущем)?

Ниже я попытаюсь указать некий методологический инструмент для подобного исследования.

В 2006 г. я защитил диссертацию по теме «Проблема искусственного интеллекта и человекообразность искусственных интеллектуальных систем». Помимо прочего в своей работе я рассматривал ИИ-системы с точки зрения того, как в них отображается, или, в моей терминологии, запечатляется человеческая природа. Я выделил несколько видов запечатления.

В зависимости от того, сознаёт ли творец, что, создавая то или иное творение, он запечатлевает в этом творении те или иные черты своей природы, мы будем различать сознательное и бессознательное запечатление.

В зависимости от того, известны ли человеку те черты, свойства его природы, которые подвергаются запечатлению, мы будем говорить о запечатлении известного и запечатлении неизвестного. Под известным может пониматься как известное вообще, так и известное конкретному индивиду. Неизвестное – аналогично.

Наибольший интерес представляют не столько сами эти виды запечатления, сколько различные их сочетания. А именно. Сознательное запечатление известного, бессознательное запечатление известного, бессознательное запечатление неизвестного и сознательное запечатление неизвестного.

Сознательным запечатлением известного будет, очевидно, изображение внешности человека, различных частей его тела, описание природы человека с различных точек зрения (структуры и функций его тела, органов его тела, его психологии и т.д.).

Запечатление тех или иных известных человеку черт, свойств его природы может быть названо бессознательным тогда, когда при создании того или иного творения эти черты и свойства не ставятся в явное соответствие со свойствами и функциями творения. В качестве примера можно указать механические орудия труда.

Запечатление тех или иных свойств человеческой природы будет бессознательным также в том случае, когда не известен характер связи между этими свойствами и формой запечатления. Например, человек может знать, что он обладает теми или иными чертами характера, но не знать, как именно эти черты запечатляются в его почерке, как именно эти черты влияют на его почерк.

Часто запечатление тех или иных фактов остаётся незамеченным, то есть, по сути, бессознательным из-за кажущейся очевидности этих фактов.

В качестве примера бессознательного запечатления неизвестного может служить фиксация архетипической структуры психики в произведениях литературы, фольклора, изобразительного искусства, исследовавшаяся К.-Г. Юнгом и его последователями.

Будучи запечатленными, различные черты, свойства психики, вообще, природы человека, становятся более удобными для строгого анализа, чем, к примеру, в том случае, когда материал для него поставляется интроспекцией или в результате наблюдений. Исследовать структуру папиллярных узоров гораздо удобнее по отпечаткам пальцев, чем непосредственно на пальцах. Можно сказать, что запечатленность тех или иных черт часто просто-таки вызывает к тому, чтобы на них обратили внимание.

Что даст понятие запечатления и приведенная типология для анализа проблем, которым посвящена конференция?

Во-первых, ИИ-системы позволяют по-новому проявиться, «запечатлиться» тем представлениям о морали, которые мы имеем к настоящему времени. Отчасти это происходит сознательно (вспомним хотя бы азимовские законы робототехники), отчасти бессознательно.

Во-вторых, в этих системах могут запечатлиться этические нормы, которым мы не только бессознательно следуем, но о существовании которых не подозреваем, четкой формулировки которых не имеем.

В-третьих, в системах ИИ могут запечатлиться (опять же, бессознательно) те трансформации морали, которые происходят в настоящее время.

Думаю, этот последний случай представляет особенный интерес, поскольку новые, доселе неизвестные формы морали, возможно, позволят лучше эти трансформации отследить и описать. То же самое, очевидно, касается тех моральных норм, о существовании которых мы не знаем (но которым следуем).

Шевченко Александр Анатольевич

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии и права Сибирского отделения РАН

ОБ ЭТИКЕ БЛОКЧЕЙНА

Отдельная область этики появляется тогда, когда значимость или влияние той или иной сферы деятельности становятся очевидными. Так, например, оформились биоэтика или этика искусственного интеллекта. Значимость технологии блокчейна пока не так очевидна, хотя потенциал ее огромен. Необходимо поэтому уже сейчас начинать обсуждение ее перспектив, способных серьезно изменить характер отношений людей как друг с другом, так и государством. Сейчас наиболее известным примером использования этой технологии являются криптовалюты. И здесь этические проблемы уже обсуждаются весьма активно. Имея ряд преимуществ (анонимность, низкую стоимость и высокую скорость расчетов), криптовалюты могут использоваться и в криминальных целях. Их анонимность и децентрализованность, таким образом, создают ряд очевидных этических дилемм. Но технология блокчейна, в основе которой – цепочка информационных блоков, не имеющих единого центра, открывает и множество других возможностей и, в перспективе, создает новые проблемы.

Становится возможной принципиально иная система отношений граждан с государством. С одной стороны, технология обеспечивает возможность проверяемых и подтверждаемых транзакций индивидов как друг с другом, так и с государственными органами (обеспечивая, в частности, надежность и проверяемость различного рода имущественных реестров или списков избирателей). В идеале такая открытость ведет к повышению доверия между гражданами и государством, более широкому демократическому участию и демократическому контролю. Однако при этом возможности технологии могут быть использованы гражданами и для противодействия решениям государственных органов. Например, возможен обход цензуры путем создания децентрализованной системы доменных имен. Кроме того, технология блокчейна в принципе дает возможность полного контроля над личной информацией, когда человек сам решает, кому и какую информацию о себе он готов передать в каждом конкретном случае. Фактически, такое «распыление» информации по разным реестрам может приводить практически к полной анонимности, что также имеет неоднозначные этические следствия. Среди новых возможностей – создание и функционирование организаций, не имеющих единого центра или лидеров. Это, в частности, создает проблему ответственности за действия такого коллективного субъекта. Этико-экономические проблемы могут возникнуть и в связи с неравным доступом людей к новейшим технологиям, что может привести к росту разрыва в доходах людей или стран с разным уровнем технологического развития.

В целом же, оптимистический взгляд на технологию блокчейна позволяет трактовать ее как разновидность общественного блага (public good), в техническом смысле этого слова, как блага, которое обычно не может обеспечить рынок из-за наличия «безбилетников», которых нельзя лишить возможности это благо потреблять. Классические примеры таких благ – маяки, чистый воздух, безопасность и др., которые обычно финансируются с помощью принудительного сбора налогов. Технология блокчейна, среди прочего, может способствовать и решению проблемы фри-райдерства, за счет создания надежной и прозрачной системы добровольных «контрактов» людей друг с другом.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Kopciuch Leszek. Axiological and Moral Aspects of Technological Creativity ...</i>	4
<i>Litvinets Volha. AI Ethics Issues in Digital Marketing .....</i>	4
<i>Mazeikis Gintautas. Transgression as the Form of Social Critics and Dynamics of Normativity .....</i>	5
<i>Mkrichyan Naira. Thinking of the Political, Normative Universality and of an Ethics of Cohabitation .....</i>	6
<i>Pirni Alberto. Reconsidering Nozick's "Experience Machine": The "Onlife Era" and the Need of Hybrid Ethical Standards.....</i>	7
<i>Potocarova Maria. Challenges of Moral Education from the Perspective of Evolution.....</i>	8
<i>Räikkä Juha. On the Limits of Brain Scanning.....</i>	8
<i>Sámelová Anna. Personal and Social Responsibility within the Paradigm of the Online Media-Mediated Communication.....</i>	9
<i>Shiravand Mohsen. Application of Philosophico-Mystical Principle of Gradational Unity of Existence in Environmental Ethics.....</i>	9
<i>Абрамов А.А. Высокие технологии (биомедицина, искусственный интеллект, нейродисциплины) в современной доктрине Ватикана.....</i>	10
<i>Агеева Д.А. Моральный статус животных в современном обществе и защита их прав.....</i>	11
<i>Алейников А.В. Идеологический экстремизм и конфликтное поведение .....</i>	12
<i>Александров Е.А. Единство этического и эстетического в духовной жизни и поведении курсантов как необходимое условие формирования профессиональной культуры офицера России.....</i>	13
<i>Ананьева Е.М. Отсутствующая структура: опыт реконструкции этики Г.Шпета.....</i>	14
<i>Антипов А.В., Шевченко С.Ю. Подходы к этической экспертизе в биокапитализме.....</i>	16
<i>Антонова А.В. Анализ «новых медиа» с точки зрения ценностно-этической проблематики.....</i>	17
<i>Ахметзянова З.Ф. Специфика кураторской этики в современных художественно-выставочных практиках.....</i>	18
<i>Багаутдинов Н.В. Каминг-аут как практика этического выбора в контексте перформативной концепции гендера.....</i>	19
<i>Барбашина Э.В. Принцип автономии пациента: желаемое, возможное, действительное .....</i>	20
<i>Богомаз А.В. Концептуальные основы этико-правового регулирования искусственного интеллекта .....</i>	21
<i>Бусуркина И.П. Культурные сдвиги и цифровое "этическое потребление" ...</i>	22
<i>Вертанова Сильвия. Этичность риторики и её место в жизни современного человека .....</i>	23
<i>Винкельман А.М. I want to be happy, but I Kant: может ли кантианец пить антидепрессанты?.....</i>	24

<i>Виноградова О.А.</i> Этические дискурсы и моральные дилеммы трансгуманизма: как технический прогресс и совершенствование человека и общества меняют наш мир.....	25
<i>Гайворонская С.А.</i> Этика хакера или шифроключ сетевой семиосферы.....	26
<i>Гарвардт А.Э.</i> Ценность этнического сознания в период кризиса этничности (постановка проблемы).....	27
<i>Гарвардт М.А.</i> Аксиологический характер гибридной войны.....	28
<i>Гафарова Ю.Ю., Кириллова А.В.</i> Этические проблемы шеринговых практик в Беларуси.....	29
<i>Глобина А.К, Игнатьева С.В.</i> Топонимы (и не только они), до которых доведет нас язык.....	30
<i>Головков В.В.</i> Робот как моральный агент.....	31
<i>Горбачева Е.С.</i> Оценка научного сообщества на вмешательство в формирование пола ребенка.....	32
<i>Грачева М.В.</i> Проблема этической экспертизы юмора в цифровом пространстве.....	33
<i>Давлетишина Г.Г.</i> Проблема нравственных ценностей общества потребления..	34
<i>Данилкина Д.С.</i> Вопросы нейротики в рамках проекта «Человеческий мозг».....	35
<i>Демидова В.К.</i> Цифровое право. Этический аспект.....	36
<i>Демин Р.Н.</i> Учение Сократа о справедливости в диалоге Платона «Критофонт».....	36
<i>Держивицкий Е.В.</i> "Зелёные" технологии и голубые мечты в современном немецком обществе.....	37
<i>Джабраилов Р.И.</i> "Плагиат" в цифровом обществе как проблема современной этики.....	38
<i>Долоцкая Н.А.</i> Моральная легитимация и оправдание: дифференциация в контексте проблемы политического насилия.....	39
<i>Дробышева А.В.</i> Изменение нравственного сознания поколений в процессе социокультурной трансформации постсоветской России.....	40
<i>Дрозденко А.В.</i> Этические парадоксы "Общества риска".....	41
<i>Еременко</i> Мужество как ценность академической этики современного студенчества.....	42
<i>Захарова А.А.</i> Этично ли предоставление платных образовательных услуг в школе?.....	43
<i>Захарова Л.Б., Ковалева Т.В., Парийская Е.Н.</i> Этическая экспертиза как принцип ответственности ученого.....	44
<i>Зеленкина А.А.</i> Этическое лидерство в современной деловой этике.....	45
<i>Зимбули А.Е.</i> Очередь: культ или культура?.....	46
<i>Игнатьева С.В.</i> Об опыте лингвистической экспертизы в контексте экспертизы этической.....	46
<i>Кадыров А.И.</i> Современная этика научных публикаций: основные проблемы.	48
<i>Каменцева М.А.</i> Утверждение субъективности как реализация морального прогресса.....	49
<i>Карпова О.Е.</i> Место труда в постиндустриальном обществе.....	50
<i>Кашников Б.Н.</i> Этика самоопределения народов и мораль сецессии.....	51

<i>Каяндер О.А.</i> Этика образования как раздел прикладной этики.....	52
<i>Киняев Р.С.</i> Метод дискурсивного анализа этики справедливости.....	53
<i>Ковалева Т.В., Плашиенкова З.</i> От гуманизма к постгуманизму: философское осмысление.....	54
<i>Кондратенко К.С.</i> Проблема этической оценки последствий решений, принятых в условиях информационной неопределенности.....	55
<i>Королева В.В.</i> Этика искусственного интеллекта. Будущее или миф?.....	56
<i>Кошкин А.В.</i> Этический релятивизм и эпистемологический кризис в тради- ции постмодернизма.....	57
<i>Кунцевич Е.С.</i> Негативная этика А.А.Гусейнова как «этика зла».....	58
<i>Курхинен Павел.</i> Является экологическая этика излишним термином или мы не должны слишком упрощать моральные понятия?.....	59
<i>Курузова А.О.</i> Нравственный идеал будущих поколений.....	59
<i>Куцев А.А.</i> Этика организации в свете теории злоупотреблений. Странный феномен.....	60
<i>Лосева О.В.</i> Проблема морального статуса животных в современной этике..	61
<i>Маклаков В.Т., Маклаков К.В.</i> Морально-этический ландшафт времени постмодерна: векторы автономии и гетерономии.....	62
<i>Мапельман В.М.</i> Цифровое общество и морально-нравственный процесс....	63
<i>Марина М.В.</i> Трансформация традиционных моральных ценностей в про- странстве музея как отражение цифровизации российского общества и их особенности в музеях образовательных учреждений.....	65
<i>Мочалова И.Н.</i> Сократ, Антисфен и Исократ о природе арете, или можно ли научить добродетели?.....	66
<i>Мухутдинов О.М.</i> Августин Аврелий. Этика настоящего времени.....	67
<i>Назарова Ю.В.</i> Актуальные проблемы российского этического образова- ния в условиях информационного общества.....	68
<i>Нечаева О.Д.</i> Право гусениц на жизнь: этический статус животных в аспекте юридической терии.....	70
<i>Новикова О.В., Еременко Ю.А.</i> Эмпатия и идентичность: границы понятий.	71
<i>Оводова С.Н.</i> Деколониальная этика: репрезентация опыта культурных и коллективных травм в глобальном медиадискурсе.....	72
<i>Овсяный И.Ю.</i> Рецепция ленинградской блокады в современных немецкоязычных медиа: моральный аспект (на материале YouTube).....	73
<i>Овчинникова Е.А.</i> Русская этическая мысль: актуальность категориального анализа.....	74
<i>Перова Н.В.</i> Нравственно-эстетический идеал человека: проблема биологического совершенствования.....	75
<i>Полякова Н.В.</i> Этические аспекты системы «социального рейтинга» в современном обществе.....	76
<i>Попов Д.С.</i> Этика и эстетика себя как контрстратегии механизму биовласти в политико-философском проекте М.Фуко.....	77
<i>Ракетская А.О.</i> Типы морального климата и модели поведения в органи- зациях: современные концепции.....	78
<i>Рахманинова М.Д.</i> Либертарная антропология: критика конвенциональной репрезентации животного с позиций современного научного знания.....	79

<i>Робин И.Л.</i> Влияние конфликтов на тему толерантности на моральный прогресс общества	81
<i>Рыбакова Д.П.</i> Этическая экспертиза рекламы: проблема моральных стереотипов	81
<i>Рюмина М.Т.</i> Цифровое общество и этика конструктивизма	83
<i>Саввина О.В.</i> Ценность жизни и здоровья в условиях технологически развитого общества (на примере вспомогательных репродуктивных технологий)	84
<i>Сандакова Л.Б.</i> Этические проблемы когнитивного улучшения в контексте нейрообразования	85
<i>Свешникова И.Г.</i> Экология человека в технократическом обществе	86
<i>Синюкова Н.А.</i> Этика в современных больницах	87
<i>Соловьева В.М.</i> Трансформация человека в эпоху медиакультуры	88
<i>Сомин И.Д.</i> Этика в условиях постполитической биополитики и цифрового общества	89
<i>Сулимов А.В.</i> Этические стратегии преодоления биополитики в эпоху дигитального поворота	90
<i>Талалаева Е.Ю.</i> Этические вызовы «бытия-в-мире» современных цифровых технологий	91
<i>Тарковский В.Н.</i> Эволюция моральных чувств и понятий	92
<i>Терещенко О.В.</i> Этические проблемы развития научного знания в информационном обществе (на примере социальных наук)	93
<i>Тимофеева А.В.</i> Экспертная функция философов в эпоху технонауки	94
<i>Тобышева А.А.</i> Аспекты моральной регуляции поведения	95
<i>Томильцева Д.А.</i> К этике разнообразия	97
<i>Углева А.В.</i> Подлинная и инструментальная ценность когнитивного улучшения человека: от мифа к биорационализму	98
<i>Фролов А.А.</i> Духовный опыт как основание этики себя в ситуации Биовласти	99
<i>Цуркан Е.Г.</i> Гениальность множества и этос онлайн-волонтеров	101
<i>Чернядев Д.А.</i> Этическая проблема астротурфинга	102
<i>Чумакова Т.В.</i> Этическая мысль в России в конце XIX – начале XX веков (историографический анализ)	103
<i>Шахнович М.М.</i> Эпикуреизм и стоицизм в современной практической Философии	104
<i>Шеваренкова А.В.</i> Некоторые аспекты посмертного виртуального следа	105
<i>Шохина Д.С.</i> Диалог культур в условиях этических вызовов современности	106
<i>Шпеннгер Л.С.</i> Аутентичность педагога как условие моральной целостности в современном обществе	107
<i>Янушевская Е.В.</i> Ценностный конфликт как источник творчества	108
<i>Ярмак Ю.В.</i> Политическое управление в контексте взаимоотношений этики и политики	109
<i>Яскевич Я.С.</i> Этика как инновационное междисциплинарное направление ...	111

**«ДЕОНТИЧЕСКИЙ МОДУС СПОРТА:
СИНТЕЗ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ПОДХОДОВ».**

Материалы круглого стола

<i>Васильев И.А.</i> Этический кодекс ФИФА и Дисциплинарный регламент УЕФА: значения запретного	112
<i>Васильева Д.А.</i> Футбольные саундскейпы: формирование сенсорных образов в рамках спортивных мега-событий	113
<i>Гонашвили А.С.</i> Моральные ценности в спорте	114
<i>Ивченко Е.А., Медников С.В.</i> Ситуативные факторы агрессивного поведения футбольных болельщиков	114
<i>Синютин М.В.</i> Деонтическая специфика спорта: постановка проблемы	115
<i>Смелова А.А.</i> Этика современного общества через призму спорта: обзор социологических традиций	116

**«МОРАЛЬНАЯ НОРМАТИВНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСАХ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА».** Материалы круглого стола

<i>Артамонов Д.С., Тихонова С.В.</i> Этические риски медиаприсутствия преподавателя высшей школы в социальных сетях	119
<i>Артёмов Г.П.</i> Нормативно-ценностная структура профессиональных этических кодексов	120
<i>Барташевич Т.Ю.</i> «Новые медиа» в пространстве этической регуляции: между «Кодексом этики для информационного общества» и «Кодексом профессиональной этики российского журналиста»	121
<i>Барышков В.П.</i> Цифровизация и духовный авторитет ученого	123
<i>Беляева Е.В.</i> О возможности неотрадиционной нравственности в цифровом обществе	124
<i>Болотникова Е.Н.</i> Этнос научного сообщества в перспективе заботы	125
<i>Вейхер Е.А.</i> Биоэтика для биологов: запросы, предубеждения, интересы и особенности подходов на примере обучающихся и сотрудников СПбГУ ...	126
<i>Давыдов Д.А., Маркова И.В.</i> Этическое осмысление цифровизации	127
<i>Дорохина Р.В., Лаврёнов С.В.</i> Этические проблемы цифровизации в системе образования	128
<i>Драпанова Гелена</i> Этика профессиональной деятельности адвоката	129
<i>Еременко Т.В.</i> Этические вызовы больших данных современному университетскому образованию	130
<i>Жадунова Н.В., Коваль Е.А.</i> Soft skills против искусственного интеллекта: формирование «мягких навыков» как одна из стратегий развития личности в информационном обществе	131
<i>Коваль Е.А., Жадунова Н.В.</i> Этика Big Data: проблемы нормотворчества	132
<i>Кузнецова М.Б.</i> Цифровизация и профессиональные этики	133
<i>Ларионов И.Ю., Орлова С.Н.</i> Сетевое сообщество как фактор формирования лучших практик в бизнесе: кейс «Natura Siberica»	135
<i>Масланов Е.В.</i> Социальные сети в интернете и нормативный идеал науки ...	136
<i>Перов В.Ю.</i> Нужна ли мораль роботу-профессионалу?	137

<i>Сунами А.Н., Павлова Е.В.</i> Риск-рефлексии цифрового общества в контексте управления социальными конфликтами	138
<i>Чепьюк О.Р.</i> Экономический субъект в границах цифрового мира	139

«ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ В ЭТИКЕ И КОГНИТИВНЫХ НАУКАХ». Материалы круглого стола

<i>Апресян Р.Г.</i> Тест на универсальность: Кант, Гоббс и Золотое правило	141
<i>Артемова О.В.</i> Становление понятия универсальности в этике	142
<i>Беляева Е.В.</i> Универсальность морали в культуре модерна и постмодерна ..	143
<i>Коваль Е.А., Сычев А.А.</i> Проблема универсальности в моральном нормотворчестве (на примере прав человека)	144
<i>Логинов Е.В.</i> Универсальность, модальный реализм и Парфит	145
<i>Мельнов С.Б., Мишаткина Т.В.</i> Возможности и риски нанобиотехнологий в цифровом обществе: этический аспект	146
<i>Назаров В.Н., Мелешко Е.Д.</i> Идея правового ограничения моральной универсальности в этической концепции Н.А.Реймерса	147
<i>Платонов Р.С.</i> Универсальные прескриптивные суждения в этике Аристотеля	149
<i>Прокофьев А.В.</i> Спор о границах моральной беспристрастности	150
<i>Скоморохов А.В.</i> Универсальность в морали: реконструкция теоретических проблем	151
<i>Скрипник А.П.</i> Движение от локального к универсальному в генезисе Морали	152
<i>Сторчевой М.А.</i> Научный подход и универсальная этика	153
<i>Троицкий К.Е.</i> Понятие нравственного закона и идея индивидуального закона в работах Георга Зиммеля	153
<i>Якушев Л.В.</i> Универсальность прав человека и "азиатские ценности"	154

«СМИ ПЕРЕД ЛИЦОМ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ».

Материалы круглого стола	
<i>Абакарова Р.М.</i> Этические проблемы в цифровом пространстве	156
<i>Алейников А.В., Мальцева Д.А.</i> Риски управления в «цифровом обществе» ..	157
<i>Баева Л.В.</i> Становление этики цифрового социума	158
<i>Баженов С.С.</i> Влияние продуктов массовой культуры на моральное сознание на примере сериала «Игра престолов»	159
<i>Барташевич Т.Ю., Овчинникова Е.А.</i> Этическая экспертиза и проблема саморегуляции СМИ	161
<i>Бродский А.И.</i> Речь как предмет этической экспертизы	162
<i>Дряева Э.Д.</i> Цифровые баррикады: к некоторым особенностям протестного онлайн-активизма	163
<i>Кузнецов Н.В.</i> «Цифра» не должна причинять вред человеку	164
<i>Кулакова Т.А.</i> Этическое измерение гражданского участия и гражданской позиции в условиях формирования цифрового правительства в России	165
<i>Туманян Т.Г.</i> Ислам и межконфессиональные конфликты в России: мифы и реальность	166

«ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА».

Материалы круглого стола

<i>Авдеева И.А.</i> Ответственность в эпоху техногенной цивилизации	168
<i>Апресян Р.Г.</i> Этика и дискуссии об искусственном интеллекте	169
<i>Карпов В.Э.</i> Моральные отношения между искусственными агентами	170
<i>Маркова И.В., Давыдов Д.А.</i> ИИ в современном цифровом обществе: проблема этической рефлексии	171
<i>Мартынова М.Д.</i> Дилеммы «цифрового доверия» и их влияние на нравственное развитие личности в контексте становления «цифрового образования»	173
<i>Огородов Д.В.</i> Этика искусственного интеллекта и правовая система России: решенные вопросы и направления развития	174
<i>Положенцев А.М.</i> Безличный разум как цель (к дискуссии об этике искусственного интеллекта)	175
<i>Разин А.В.</i> Духовно-практическое освоение действительности и марксистская теория исторического процесса	177
<i>Слюсарев В.В.</i> Эпистемическая этика в социальных научных сетях	177
<i>Швырков А.И.</i> Искусственные интеллектуальные системы и этика	178
<i>Шевченко А.А.</i> Об этике блокчейна	180

Научное издание

**XI международная конференция
«Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2019.**

**К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования
(100 лет со дня рождения Д.Белла – 1919-2019)**

Санкт-петербургский Государственный Университет,
21-23 ноября 2019 г.

Материалы конференции

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: С.В. Игнатьева, к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов

Издание печатается в авторской редакции.

Отпечатано в типографии ООО «Сборка»
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 64-2
тел.: +7(812) 642-43-44, e-mail: info@sborka.spb.ru